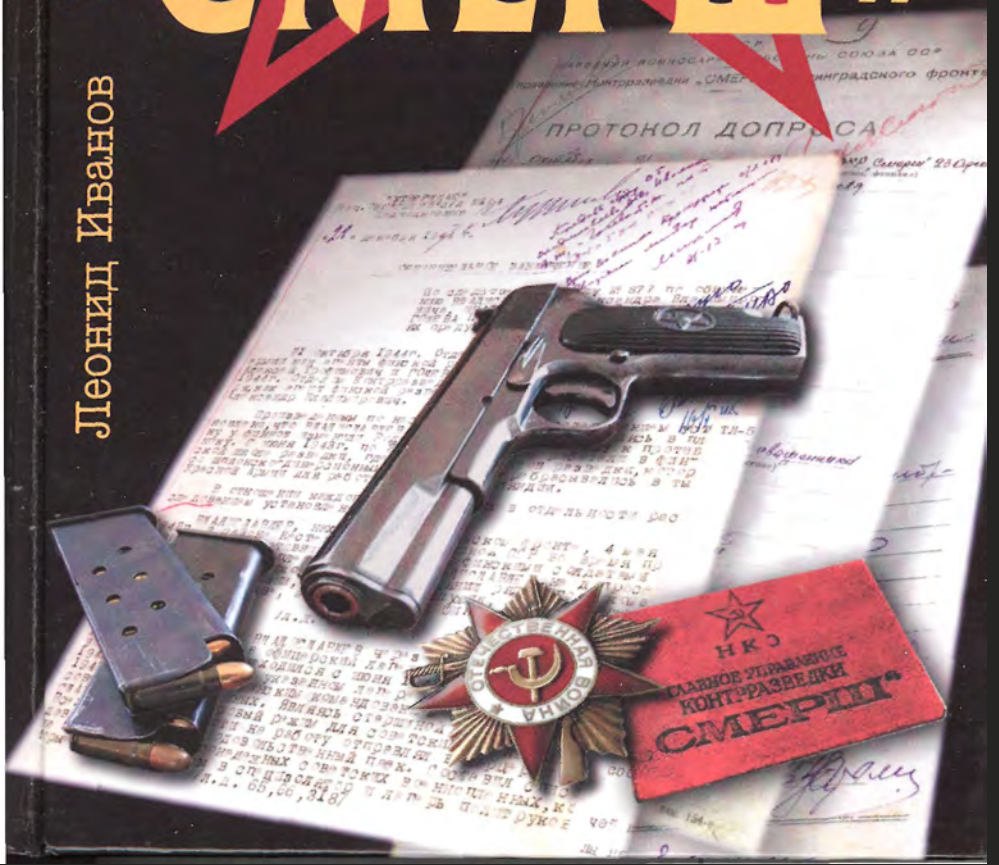
VISIT…

СМЕРТЬ ШПИОНАМ!

ПРАВДА О «СМЕРШ»

Леонид Иванов



ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
СМЕРШ

Леонид Иванов

ПРАВДА О «СМЕРШ»

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

ББК 63.3(0)62
И 20

Оформление серии художника *К. Волкова*

Иванов Л. Г.

И 20 Правда о «Смерш» / Леонид Иванов. — М. : Яуза ; Эксмо, 2009. — 320 с. — (Великая Отечественная. СМЕРШ).

ISBN 978-5-699-32742-3

Вся правда о работе Главного управления контрразведки «Смерш» в годы Великой Отечественной войны! Борьба с вражеской агентурой и изменниками Родины, разведчиками и диверсантами, перебежчиками и «самострелами», дезертирством и паникерством. «Прочески» территории в прифронтовой полосе и «зафронтовая работа» (внедрение в немецкие разведорганы и разведшколы), охота за разведгруппами противника и изощренные радиоигры, силовые задержания и перестрелки... Уникальные мемуары ветерана военной контрразведки! Обстоятельный и честный рассказ о пережитом и отповедь клеветникам, пытающимся очернить советскую историю

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-32742-3

© Л. Иванов, 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь бы другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую нам Бог ее дал.

А.С. Пушкин

(Из письма к П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.)

Достойный пример служения Отечеству

Никогда не изгладится из памяти народа священный подвиг советского солдата в годы Великой Отечественной войны. Тема эта бесконечна, неисчерпаема и сегодня еще близка каждому из нас лично. Ныне живущие и грядущие поколения людей должны знать и помнить, как это было, ощущать дух того времени, наполненный беспримерным героизмом бойцов Красной Армии, самопожертвованием людей в тылу. Со стороны нацистской Германии это была война на истребление населения нашей страны, так как советские люди рассматривались фашистами как «унтерменшен» (недочеловеки). Гитлер самонадеянно рассчитывал провести 7 ноября 1941 года парад в Москве. Вопреки этому в тот исторический день по Красной площади маршировали прибывшие с фронта красноармейцы и полки народного ополчения, а затем прогромыхали следовавшие на передовую советские танки. Через пять месяцев после начала войны Красная Армия развеяла миф о непобедимости вермахта.

Победа 1945 года была завоевана не только силой оружия, но и исключительной силой духа. «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Дон-

ского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..» — призыв, прозвучавший в выступлении Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина на параде 1941 года, был обращен как к воинам армии и флота, так и к сотрудникам госбезопасности.

Прославляя героическую Советскую Армию и народ-победитель, мы не вправе забывать и тех, кто находился на «невидимом» фронте битвы с врагом, вел борьбу со шпионами, диверсантами, террористами, изменниками, способствуя тем самым разгрому немецких войск.

Свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов сосредоточил гитлеровский абвер против нашей страны. Этой армаде умело противостояли сотрудники Особых отделов фронтов, затем созданного «Смерш». Этого квалифицированного оперсостава постоянно не хватало: люди гибли и на фронте, и при проведении сложных рискованных операций.

Успешные действия армейских контрразведчиков вынудили руководство абвера прекратить массовую заброску агентуры. После краха молниеносной войны, в период с ноября 1942 до конца 1943 года, немцы создали мощную сеть разведывательных школ по подготовке агентов, диверсантов и террористов. Однако к 1944 году уже стало ясно, что абвер потерпел поражение в противоборстве с нашей контрразведкой.

По неполным данным, более 6 тысяч армейских чекистов погибли в годы войны. Тысячи военных контрразведчиков за образцовое выполнение поставленных задач награждены орденами и медалями, а контрразведчикам П.А. Жидкову, Г.М. Кравцову, М.П. Крыгину и В.М. Чеботареву за проявленное мужество и героизм было посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Мы горды, что сегодня в одном строю с нами уважаемые ветераны, контрразведчики-фронтовики. Как и в годы войны, они занимают активную жизненную позицию, остро реагируют на негативные процессы, происходящие в нашем обществе, участвуют в патриотическом воспитании молодежи. К сожалению, их ряды сокращает неумолимый ход времени. В последние годы ушли от нас такие замечательные военные чекисты, как Н.А. Душин, Н.Н. Кошелев, В.И. Бадьин, А.М. Гуськов, И.Я. Леонов, А.К. Соловьев, А.М. Алов, А.С. Евдокушин, М.М. Зимбулатов и многие другие.

Более шестидесяти лет прошло со Дня Победы, и не у всех наших современников имеется правильное, хотя бы в целом ясное представление о деятельности военной контрразведки в годы войны. Тем ценнее для нас живые свидетельства ветеранов военной контрразведки — участников Великой Отечественной войны. Это мемуары А.И. Матвеева «1418 дней и ночей Великой Отечественной войны» (Москва, «Ягуар», 2002 г.); А.М. Гуськова «Под грифом правды» (Москва, «Русь», 2004 г.); И.Л. Устинова «Крепче стали» (Москва, «Русь», 2005 г.); О.Г. Ивановского «Записки офицера «Смерш» (Москва, Центрполиграф, 2006 г.); Г.М. Шумилина «За Волгой для нас земли нет»; «Со специальным заданием» и некоторые другие.

В одном ряду с этими нужными и востребованными книгами, составляющими золотой фонд мемуаров о Великой Отечественной войне, будет стоять и настоящая книга Л.Г. Иванова «Правда о «Смерш». Это живое и яркое свидетельство ветерана о деятельности военных контрразведчиков в годы войны, а также о его службе в послевоенный период. Свидетельство это тронуто нескрываемым беспокойством о сегодняшнем дне родной страны, заботой о ее будущем.

Хотелось бы выразить свое восхищение и благодарность Леониду Георгиевичу за его мемуарный труд.

Находясь в весьма почтенном возрасте, который приближается к 90-летнему рубежу, он поделился своими воспоминаниями, своими сокровенными мыслями с нами — его современниками. Как и любое творческое занятие, литературное дело требует самопожертвования, настойчивой внутренней потребности, готовности выразить себя. Без этих условий даже приказ «сверху», о котором упоминает автор в послесловии, не поможет. Поэтому пожелание творческих успехов, которое в самом деле по-товарищески высказывалось автору, и моральная поддержка остаются всего лишь следствием его большого труда. Первичным же было его глубокое желание обратиться с воспоминаниями и раздумьями к широкой общественности, и прежде всего к коллегам по профессии — военным контрразведчикам. Решение написать воспоминания созрело у автора давно, и сделал он это по зову сердца.

Это подтверждает и сам Леонид Георгиевич, отметив в самом начале повествования, что к написанию этих записок его подтолкнули предпринимаемые в средствах массовой информации попытки «оклеветать подвиг советского солдата в годы Великой Отечественной войны», а также «возмутительная ложь в адрес «Смерш». Здесь нельзя не согласиться с автором, но об этом ниже. Сначала — немного истории.

Как известно, в преддверии войны руководство страны искало пути реформирования деятельности органов госбезопасности, в т.ч. Особых отделов. Постановлениями ЦК ВКП (б) от 3 февраля, а также СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 8 февраля 1941 года из единого ведомства были выведены все разведывательные, контрразведывательные и оперативно-технические подразделения Главного управления госбезопасности (ГУГБ), на базе которых образовали Наркомат госбезопасности (НКГБ) СССР.

Военную контрразведку подчинили наркоматам обороны и ВМФ в виде третьих управлений этих ведомств,

полагая, что такая организация позволит третьим отделам на местах более тесно взаимодействовать с военным командованием в условиях войны.

Однако начавшаяся война внесла свои коррективы — потребовалась централизация в обеспечении государственной безопасности страны и Вооруженных Сил. 17 июля 1941 года И.В. Сталин подписал постановление ГКО СССР «О преобразовании органов 3-го Управления НКО СССР в Особые отделы НКВД СССР». В центре было создано Управление Особых отделов во главе с заместителем наркома внутренних дел, комиссаром госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумовым.

С начала войны по декабрь 1941 года Особыми отделами НКВД было арестовано 2343 шпиона, 669 диверсантов, 4647 изменников, 3325 трусов и паникеров, 13887 дезертиров, 4295 распространителей провокационных слухов, 2358 «самострельщиков». 27 декабря 1941 года И.В. Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (фильтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника.

После победоносного Сталинградского сражения, продолжавшегося 200 дней и ночей, стратегическая военная инициатива перешла к советским войскам.

Военная разведка к весне 1943 года также осуществила ряд весьма успешных операций по проникновению в спецорганы и школы абвера. Возрастала масштабность задач, стоявших перед Особыми отделами, по ограждению войск от агентуры противника, надежному контрразведывательному обеспечению предстоящих стратегических наступательных операций Красной Армии на советско-германском фронте. В связи с этим было принято решение о реорганизации органов госбезопасности.

Согласно постановлению СНК СССР № 415-138 сс от 19 апреля 1943 года, подписанному И.В. Сталиным,

из ведения НКВД СССР было изъято Управление Особых отделов, в том числе и морской отдел этого управления, на базе которых было образовано Главное управление контрразведки «Смерш» НКО и Управление контрразведки «Смерш» НК ВМФ.

Всего за годы войны военной контрразведкой было обезврежено более 30 тысяч шпионов, около 3,5 тысячи диверсантов и свыше 6 тысяч террористов. К немцам, за линию фронта, было заброшено свыше 3 тысяч агентов.

За период с 19 апреля 1943 года до окончания войны органами ГУКР «Смерш» НКО СССР было проведено 183 радиоигры. Подобного размаха работы не знала ни одна спецслужба в мире. Дезинформация, передаваемая гитлеровцам, способствовала успеху Курской битвы, Белорусской, Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и других операций.

17 июля 1944 года по улицам нашей столицы было проконвоировано 57 600 немецких военнослужащих, взятых в плен в ходе блестяще проведенной (под руководством К.К. Рокоссовского) операции «Багратион», которая явила собой великолепный образец воинского искусства. В победе, одержанной в Белорусской операции, несомненно, была частица напряженного труда военных контрразведчиков, успешно осуществивших мероприятия по дезинформации немецкой военной разведки и командования вермахта.

Основное внимание контрразведчики сосредоточивали на борьбе с вражеской агентурой, проникавшей в войска и их окружение. Особое значение при этом придавалось организации эффективной контрразведывательной работы в штабах, предупреждению утечки сведений о планах и замыслах военного командования.

Внедренные в разведшколы абвера советские разведчики после тщательного изучения склоняли к явке с повинной некоторых подготовленных к переброске на

советскую сторону агентов, а через наиболее надежных из них доставляли в Особые отделы фронтов собранную ими информацию.

В ноябре 1941 года боевое охранение 227-й стрелковой дивизии задержало при переходе через линию фронта бывшего командира саперной роты 6-й армии К. Воинова, который потребовал встречи с контрразведчиками. Его отправили в Особый отдел фронта в Воронеж. Там было установлено, что в плен он попал не по своей вине. Воинов сообщил, что в лагере для военнопленных на него обратили внимание представители абвера и завербовали его (в 1937 году были репрессированы родители его жены, а сам Воинов исключен из партии). Согласие на сотрудничество с врагом он дал, чтобы явиться с повинной и вновь вступить в борьбу с захватчиками. Контрразведчики перевербовали Воинова, снабдив военными сведениями, которые показались немцам настолько существенными, что они решили направить «ценного агента» в Варшавскую разведывательную школу в качестве преподавателя инженерного дела. За семимесячный срок пребывания в школе Воинов сумел раздобыть негативы фотографий многих ее преподавателей, готовящихся агентов, выяснить характер заданий и предполагаемые районы выброски. Сведения он держал во взрывпакете, залитом расплавленным толом, который он вручил перед заброской в расположение советских войск перевербованному им курсанту. Вскоре головая шашка с важными сведениями оказалась в Особом отделе 23-й армии. Содержавшаяся в ней информация поистине не имела цены. Благодаря полученным сведениям Особыми отделами Сталинградского и Юго-Восточного фронтов были задержаны в полосе от Борисоглебска до Моздока почти все 112 агентов, о которых сообщал Воинов.

Особой заботой контрразведчиков было наведение порядка на боевых позициях обслуживаемых частей.

Они нередко появлялись на самых угрожаемых участках, участвовали, а порой и возглавляли атаки, первыми поднимаясь и увлекая за собою бойцов. Многие из них, получив ранение, после оказания медицинской помощи оставались в своих частях и продолжали выполнять служебно-боевые задачи.

...К февралю 1942 года только Особые отделы НКВД Ленинградского фронта потеряли в боях около 300 сотрудников. В отчете этого органа, в частности, указывалось: «Работники Особых отделов и личный состав заградительных отрядов наряду с выполнением своих основных задач по борьбе со шпионажем, паникерами, трусами, дезертирами в нужный момент непосредственно участвовали в боевых операциях, а в отдельных случаях принимали на себя командование подразделениями, показывая при этом образцы мужества, бесстрашия, беззаветной преданности Родине».

...На Сталинградском фронте 14 октября 1942 года 109-й гвардейский стрелковый полк был отрезан от главных сил дивизии и вел тяжелые бои в окружении. Военные контрразведчики находились в боевых порядках. Когда был ранен командир одного из батальонов Ковалев, его место занял старший оперуполномоченный того же полка Сергей Ефанов, который, подняв бойцов, отразил очередную атаку немцев. Силы постепенно иссякли, и рота связи, где в то время находился Ефанов, оказалась отрезанной от основных сил. В этой тяжелой ситуации Ефанов не пал духом, а нашел в себе силы, чтобы поднять остатки роты в атаку, смять растерявшегося противника и соединиться с основными силами. В горячке боя Ефанов даже не заметил, что получил серьезное ранение...

Такое поведение оперативных работников было характерно и для других фронтов. Подобные ситуации вспоминает в своей книге и Л.Г. Иванов. Он был одним из тех, кто в боевой обстановке не только грамотно и

ответственно вел оперативную работу, но личным примером в бою не раз демонстрировал свое мужество и волю к победе.

В последнее время у некоторых авторов стало «модным», касаясь темы войны и, в частности, деятельности органов «Смерш», не употреблять таких понятий, как патриотизм, подвиг, героизм. Особенно это характерно для лиц, пишущих «по заказу». А ведь эти слова не просто гипербола, по сути своей они формируют характер воина, делают его непобедимым. Патриотизм — вековая традиция русского народа, которую нужно лелеять, поддерживать, развивать и приумножать.

Шквал «критических» публикаций можно было наблюдать в преддверии празднования 60-летия Великой Победы. В ряде произведений прямо искажается деятельность военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны. В них негативно или односторонне освещается оперативная и следственная практика органов «Смерш». Мягко говоря, критика, а точнее говоря, фальсификации затрагивают действия заградотрядов, фильтрационную работу смершевцев.

Создание заградительных отрядов предусматривалось приказом Народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 года. Эта суровая мера вытекала из сложившейся на фронте обстановки. Летом 1942 года, в условиях почти непрерывного отступления, зачастую бегства, обойтись без нее, видимо, было нельзя. Следует отметить, что в целом приказ «Ни шагу назад!» сыграл свою положительную роль. Например, 23 августа только в Сталинграде, в районе тракторного завода, оперативная группа Особого отдела 62-й армии задержала около тысячи бойцов и командиров, пытавшихся переправиться на левый берег Волги. В период с 26 по 29 августа задержали еще две с половиной тысячи человек.

Большая часть задерживаемых возвращалась на боевые позиции, значительное число — одиночки и мелкие

группы — направлялись для проверки в пункты фильтрации. И здесь выявлялось немало вражеской агентуры. Например, в ноябре 1942 года в полосе Сталинградского фронта заградотряды и пограничные полки, охранявшие тыл действующей армии, задержали 12 818 военнослужащих, из них на укомплектование частей было направлено 6728 человек без фильтрации, прошли фильтрацию 6090, при этом 77 оказались агентами немецкой разведки, 296 изменниками и 61 дезертирами. Таким образом, число лиц, преданных суду, составило чуть более 3 процентов.

Аналогичную цель преследуют публикации, обеляющие предательство, в частности, «власовщину». Власов — это сдавшийся в плен и перешедший на сторону врага командующий 2-й ударной армией Волховского фронта. На первом же допросе он изъявил желание сотрудничать с нацистами. В дальнейшем Власов был поставлен гитлеровцами во главе так называемого «Русского комитета» (с 1944 года — «Комитет освобождения народов России»), занимавшегося формированием «Русской освободительной армии».

Власов был захвачен 13 мая 1945 года на территории Чехословакии, о чем в тот же день за подписью командования 1-го Украинского фронта (Конев, Крайнюков, Петров) отправили в ГКО шифротелеграмму следующего содержания: «13 мая с.г. войсками Пухова захвачен изменник Власов, который сейчас находится в отделе «Смерш» 13-й армии». Власов был пленен командиром Красной Армии капитаном Якушевым. При задержании у него имелся американский паспорт, выписанный на его имя. На допросе он показал, что намеревался пробраться на территорию, занятую союзническими войсками.

В документах Особого отдела НКВД Волховского фронта, имеющих отношение к розыску Власова, отмечается, что 2-я Ударная армия в результате военных

неудач потеряла боеспособность: из окружения удалось вывести лишь около 25 процентов личного состава. Вина за случившееся возлагается на командующего Власова, члена ВС Зуева, начальника штаба Виноградова, а также командующего фронтом генерал-лейтенанта Хозина, не обеспечившего своевременный отвод войск армии и проведение операции по разгрому врага. Документы свидетельствуют, что в обстановке окружения Власов проявил безволие и, как отмечали окружающие, «рассеянность», он пьянствовал и развратничал, боевыми действиями практически не руководил.

Персональный водитель командующего Н.В. Коньков свидетельствовал о том, что в момент подготовки к прорыву, в котором участвовали от 150 до 200 человек, включая коноводов, парикмахера и повара, особо проявил себя начальник Особого отдела 2-й ударной армии майор госбезопасности А.Г. Шишков, который беседовал с бойцами, ободрял их, призывал проявлять мужество, сам вместе с бойцами пошел в атаку. Во время боя неподалеку разорвался снаряд, и А. Шишков был тяжело ранен. Не желая обременять товарищей в критических условиях, когда требовалась высокая мобильность, и не желая попасть в плен к врагу, он застрелился последней пулей. Власов же оказался трусом и предателем, таким он навсегда останется в памяти нашего народа.

Вслед за «Штрафбатом» на экраны России вышел еще один «шедевр» — фильм «Сволочи» (Россия, Фонд Ролана Быкова, Продюсерская кинотелевизионная компания «Ритм», 2005 г.). В фильме рассказывается о якобы существовавшей под Алма-Атой спецшколе НКВД по подготовке диверсантов-смертников из числа малолетних преступников-сирот. Достоверно известно, что советские органы госбезопасности никогда не забрасывали в тыл противника диверсионных или иных групп из подростков. Гитлеровские же спецслужбы широко использовали против наших частей разведчиков-

подростков из числа воспитанников детских домов, которых не успели эвакуировать. Эти «агенты» готовились в Криворожской и Лисичанской разведшколах. Сошлюсь на конкретный пример.

В сентябре 1943 года органами «Смерш», НКВД и НКГБ было арестовано 28 агентов-диверсантов германской военной разведки в возрасте от 14 до 16 лет, переброшенных на сторону частей Красной Армии на самолетах. 10 диверсантов были сброшены в район Гжатска, Ржева, Сычевки, еще 10 — десантированы на территории Воронежской и Курской областей, остальные 8 — в районе Москвы и Тулы. Как показали арестованные, они имели задание совершать диверсионные акты на линиях железных дорог, идущих к фронту, путем вывода из строя паровозов. Для этого они были снабжены взрывчатым веществом специального состава, внешне похожим на куски каменного угля. Эту взрывчатку они должны были подбрасывать в угольные штабеля, расположенные у железнодорожных станций.

Представленная широкому читателю книга Л.Г. Иванова написана на основе архивных документов и личных воспоминаний автора. Для самого Леонида Георгиевича характерны высокое чувство патриотизма, верность долгу, стойкость, мужество и высокий профессионализм. Родина для генерала Л.Г. Иванова — самое святое понятие. Особенно это проявилось в годину испытаний, выпавших на долю людей его поколения. Леонид Георгиевич находился на фронте с первого до последнего дня. На его счету более 30 разоблаченных агентов абвера. Без малого 50 лет отдал он нелегкому труду военного контрразведчика!

Он — кавалер 9 боевых орденов, Почетный сотрудник госбезопасности, инвалид Великой Отечественной войны II группы.

За участие в боях по освобождению городов Очакова, Николаева, Одессы, Кишинева, Варшавы и овладение

городом Берлином был удостоен 10 благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Майор Л.Г. Иванов принимал участие в оперативном обеспечении по линии «Смерш» подготовительных мероприятий и процедуры подписания в Карлсхорте 8 мая 1945 года «Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил».

В годы войны он прошел путь от оперуполномоченного стрелкового батальона до начальника отделения ОКР «Смерш» 5-й ударной армии. В послевоенные годы возглавлял крупные подразделения органов военной контрразведки — Особые отделы КГБ при Совете министров СССР по Прибалтийскому, Киевскому, Московскому военным округам и Южной группе войск.

Автор выступает как непримиримый борец с любыми попытками под разными «удобными предлогами» исказить работу сотрудников органов «Смерш», необоснованно лишить их деятельность ореола мужества и героизма. Согласиться с такого рода фальсификациями для автора равносильно предательству боевых друзей, павших на фронтах Великой Отечественной войны. В поддержку позиции Леонида Георгиевича лучше всего привести слова погибшего на фронте поэта Майорова:

И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Спасибо, Леонид Георгиевич, за книгу! Она необходима действующим сотрудникам контрразведки; убежден, заинтересует и молодежь.

Руководитель Департамента военной
контрразведки ФСБ России генерал-полковник
А.Г. Безверхний

Образование и задачи «Смерш»

В своей длинной по человеческим меркам жизни мне довелось встретить тысячи людей, самых разных — простых и хитрых, веселых и суровых, открытых и замкнутых, сдержанных и импульсивных. Эти люди по-разному относились к своему долгу и чести, к жизни и к Родине.

В этих записках я хотел рассказать о тех людях, с которыми мне посчастливилось жить, о том замечательном, несмотря ни на что, времени, на которое пришлась моя молодость. Ибо, как заметил великий русский поэт еще более полутора столетий назад: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Как солдат, отдавший свою жизнь служению в военной контрразведке, я хотел вспомнить некоторые эпизоды своей боевой юности, когда мне довелось пройти от западной границы до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина.

К написанию этих страниц меня в какой-то степени подтолкнула клевета, которая в изобилии стала появляться и плодиться на различных, главным образом желтых, печатных страницах в годы горбачевско-ельцинской «демократии». Клевета касалась самого святого — подвига советского солдата в годы Великой

Отечественной войны. Среди клеветников оказались люди самых разных национальностей, гордящиеся своей нерусскостью (в какой еще стране это возможно!), люди, чья главная, хотя и скрытая, суть в том, что свою бесталанность и никчемность они списывают на промахи политики Советского государства. Заметим, Государства, победившего неграмотность и разруху, разгромившего германский фашизм и целый десяток агрессивных государств, управляемых антисоветскими и антирусскими правительствами. В противостоянии с Америкой, несказанно обогатившейся в годы мировых войн, Советский Союз добился ряда исключительных побед, вошел в число лидирующих государств по продолжительности жизни, в инженерном плане создал образцы техники, обогатившие мировую цивилизацию, открывшие человечеству путь в космос, поставившие энергию атомного ядра на службу военную и народнохозяйственную.

Чего не научились делать в Советском Союзе, так это изощренно и ловко лгать, возводя корыстную ложь в политическую сверхзадачу, подчиняя ей все средства и силы, безжалостно, но скрытно расправляясь с инакомыслием.

В сегодняшней буржуазной России с необходимостью доказывать преимущества политического и государственного образования под названием РФ над великим и могучим СССР ложь стала ремеслом многих политиков, журналистов, режиссеров, ведущих. Лгут они виртуозно — и по мелочам, и по-крупному, лгут так, что даже их западные кураторы замолкают — не то брезгливо, не то смущенно.

В годы войны мне довелось служить в «Смерш», поэтому для меня особенно возмутительна ложь в его адрес.

В этой книге мне хотелось бы в силу своих возможностей сказать правду о деятельности «Смерш» в годы Великой Отечественной войны. Во время войны мы днев-

ников не вели, это было категорически запрещено, да, собственно говоря, и заниматься этим делом не было времени. Поэтому в книге я вспоминаю в основном то, чем занимался на фронте, стараясь исключить всякую выдумку и приукрашивание. В некоторых местах своего повествования мне пришлось обратиться к архивным материалам.

В апреле 1943 года решением высших государственных инстанций были образованы органы военной контрразведки «Смерш» (смерть шпионам). Уже это одно название органов военной контрразведки свидетельствовало об основной направленности в их деятельности.

Органы «Смерш» были созданы не на пустом месте. В основе их образования были Особые отделы НКВД, действовавшие в армии и на флоте.

Особые отделы, созданные 19 декабря 1918 года по инициативе В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского, прошли славный боевой путь, внесли достойный вклад в дело обеспечения защиты нашей Родины.

Особые отделы как политические, государственные, военные и карательные органы росли и мужали вместе с нашими героическими Вооруженными силами. История Особых отделов воедино связана с историей борьбы за честь и независимость нашей Родины.

К апрелю 1943 года Особые отделы имели квалифицированный кадровый состав, обладали опытом работы не только в мирное время, но проявили себя и в ходе боевых действий в районе озера Хасан и Халхин-Гола, Советско-финляндской войны. Оперативные сотрудники приняли активное участие в освободительных походах в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию и Северную Буковину.

К моменту образования органов «Смерш» Оперативные отделы имели почти двухгодичный опыт боевой работы на фронтах Великой Отечественной войны.

Контрразведка «Смерш» по сути решала те же задачи, что и бывшее Управление Особых отделов НКВД СССР. Эти задачи конкретизированы в соответствующих пунктах Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР:

— борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

— принятие через командование необходимых оперативных и иных мер «к созданию на фронте условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта, с тем чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов»;

— борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях армии, с дезертирством и членовредительством на фронтах, проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника, а также выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

Этим же актом повышался статус начальника Главного управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО: тот объявлялся заместителем наркома обороны, т.е. И.В. Сталина, и подчинялся непосредственно только ему.

Заместителем наркома обороны и начальником ГУКР «Смерш» был назначен В.С. Абакумов. Структура местных органов устанавливалась применительно к ГУКР «Смерш». Для обеспечения оперативной работы фронтовому управлению выделялся батальон, армейскому отделу — рота, дивизионному отделу — взвод.

Органы военной контрразведки всех уровней могли осуществлять выемки, обыски и аресты военнослужащих. Аресты в обязательном порядке согласовывались с военным прокурором. Аресты старшего начсостава органы «Смерш» могли производить только с санкции И. Сталина.

Органы «Смерш» в исключительных случаях, в боевой обстановке, имели право применять оружие.

Интересна история самого появления слова «Смерш». Руководителями фронтовых Особых отделов предлагались различные наименования. Многие склонялись к несколько неловкой аббревиатуре «Смернеш» — смерть немецким шпионам. Но тут И.В. Сталин заметил:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовем эту организацию «Смерть шпионам», а сокращенно «Смерш».

Слова «Смерть шпионам» были произнесены еще В.И. Лениным и Ф.Э. Дзержинским в мае 1919 года, когда ими было подписано воззвание в адрес Советской страны. И вот теперь, в грозную годину, те же слова закладывались в название органов, обеспечивающих безопасность Красной Армии, ведущей смертельную борьбу с германским фашизмом и его приспешниками.

...Тогда же, в апреле 1943 года, И.В. Сталин утвердил штаты ГУКР «Смерш» в количестве 646 человек. Штат управления «Смерш» фронта колебался от 112 до 130 человек, «Смерш» армии — 57 человек, «Смерш» дивизии — 21 человек.

В июне 1943 года появилась основополагающая инструкция ГУКР «Смерш» с подробным изложением задач, методов работы и прав органов военной контрразведки. Перед ее составлением руководители ГУКР «Смерш» побывали на фронтах и провели беседы с оперработниками, уже имевшими опыт работы в боевой обстановке.

В мае 1943 года, когда я был старшим оперуполномоченным контрразведки «Смерш» 51-й армии (отдел находился в шахтерском городке им. Энгельса, в 5 км от города Краснодона Ворошиловградской области), такую беседу провели и со мной. К нам приезжали тогда первый зам. начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант

Н.Н. Селивановский и начальник управления контрразведки Южного фронта генерал-майор Н. Ковальчук. Поскольку к этому времени я уже работал в боевых частях на переднем крае, они в течение 3 — 4 часов беседовали со мной об особенностях оперативной работы в боевых условиях, о трудностях и проблемах. Беседовали на эту тему они и с другими офицерами контрразведки.

Сразу после беседы со мной был подписан приказ о моем назначении заместителем начальника 4-го отделения контрразведки «Смерш» 51-й армии.

Отделение это было важнейшим: оно занималось конкретным оказанием практической помощи отделам контрразведки «Смерш» корпусов и дивизий, контролем за их работой. Мы постоянно находились в боевых частях, работали с оперсоставом.

Если говорить кратко о задачах «Смерш», то они сводились к тому, чтобы оказать нашими специфическими средствами помощь командованию для обеспечения победы над врагом. Работники «Смерш» не только вели оперативную работу, но и принимали непосредственное участие в боях, ходили в атаки, нередко, в случае гибели командира, брали на себя командование подразделением, часто руководили выводом личного состава из окружения.

В первые полтора года войны перед оперработниками ставилась задача вместе с комиссаром поднимать людей в атаку. Конечно, оперативники «Смерш» работали не только в частях и подразделениях, но и непосредственно в прифронтовой полосе и за линией фронта.

Командованию частей нередко предоставлялась ценная разведывательная информация о противнике, о расположении его частей, об их численности, вооружениях, замыслах и т.д.

Органы «Смерш», являясь первыми представителями органов госбезопасности на освобожденных от захватчиков территориях, выявляли и арестовывали аген-

тов гестапо и абвера, немецких пособников, полицаев, старост, комендантов и подкомендантов и т.п.

Может возникнуть вопрос: «А что же изменилось с образованием органов «Смерш»? Ведь в принципе они исполняли те же функции, что и Особые отделы».

До образования «Смерш» особые отделы входили в состав НКВД и их сотрудники соответственно являлись сотрудниками органов внутренних дел, а не армейскими офицерами. На этой почве нередко возникали трудности и даже недоразумения в вопросах, например, материального обеспечения особых отделов или их взаимодействия с командованием. С образованием органов «Смерш» их сотрудники были выведены из состава НКВД и организационно вошли непосредственно в состав наркомата обороны.

Офицеры «Смерш» стали армейскими офицерами с армейскими же званиями, а не со спецзваниями, как было до этого. На них полностью распространялись все приказы НКО.

Подчиненность же офицеров «Смерш» оставалась ведомственной. Это означало, что, скажем, старший оперуполномоченный полка подчинялся по оперативной работе не командиру полка, а начальнику «Смерш» дивизии, последний, в свою очередь, начальнику «Смерш» корпуса и т.д. Ну а начальник ГУКР «Смерш» В.С. Абакумов, как было указано выше, подчинялся непосредственно И.В. Сталину и выполнял его указания. Несмотря на это, органы «Смерш» не были изолированы от командования, а работали в полном взаимодействии с ним, предоставляя ему необходимую информацию и оказывая друг другу всяческую помощь.

Органы «Смерш» пользовались высочайшим авторитетом и уважением в войсках. Тысячи офицеров «Смерш» награждены боевыми орденами и медалями. Награждение производило командование воинских ча-

стей по своей инициативе от имени Президиума Верховного Совета СССР.

Следует отметить, что органы военной контрразведки не впервые организационно входили в состав Вооруженных сил СССР. Еще в 1941 году было принято решение о переименовании Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД в третье управление и о вхождении его в состав наркомата обороны. Положение о третьем управлении утвердил своим приказом нарком обороны С.К. Тимошенко.

В этом приказе излагались задачи новых подразделений, определялись формы и методы чекистской работы — все то, что раньше было особо засекречено. Приказ предполагалось объявить не только оперсоставу, но и всем офицерам Вооруженных сил вплоть до командира взвода. Теперь все офицеры узнали святая святых — о деятельности третьих отделов. Для большинства из них это было страшным откровением.

Кроме того, третьи отделы, подчиняясь по своей основной ведомственной линии, одновременно находились как бы и в подчинении общевойскового командования. Такая не совсем понятная двойственность в подчинении вызывала большие осложнения в работе третьих отделов, нередко приводила к недоразумениям. Все это не могло не сказаться отрицательно на работе третьих отделов, и непосредственно перед началом войны они в целом ослабили свою работу.

Названный приказ был серьезной ошибкой, которая долгое время отрицательно сказывалась на всей деятельности органов военной контрразведки.

С началом Великой Отечественной войны третьи отделы были упразднены и органы контрразведки вновь вернулись к Особым отделам.

Ничего подобного не было допущено при издании Постановления о создании органов «Смерш». Как было указано выше, органы «Смерш» строго подчинялись

только по своей ведомственной линии, командование частей и подразделений в их оперативную работу не вмешивалось. Но это вовсе не означало, что органы «Смерш» были оторваны от командования, которое в свою очередь получало большую и разнообразную помощь от оперативников.

Таким образом, у органов «Смерш» и у командования было налажено полное взаимодействие и понимание. Не следует также забывать, что офицеры «Смерш», работая в воинских частях, жили их жизнью, разделяли все успехи личного состава, вместе переживали их недостатки, сполна делили трудности и радости.

Наше поколение во время Великой Отечественной войны выдержало все: и натиск противника, и горечь поражений, и гибель родных и друзей, и тяготы фронтового быта, и критические эмоциональные нагрузки, и многое другое. Но, на каких бы участках фронта мы ни находились, мы твердо верили в нашу победу. У нас не было и тени сомнений в том, что мы делаем: мы отстаиваем свободу и независимость своей великой державы — любимой Родины.

В 70-е годы большим советским писателем В.О. Богомоловым было создано прекрасное произведение о работе «Смерш» в годы войны — «Момент истины». Некоторые читатели называют эту книгу лучшим художественным произведением о Великой Отечественной войне вообще. Эта исключительно живая, яркая, насыщенная приключениями и фрагментами реальных документов книга свидетельствует о том интересе, с каким относился наш народ к сложной, напряженной, полной опасностей работе «Смерш». Интерес этот не пропал, несмотря ни на что. Свидетельство тому — фильм по названной книге, появившийся несколько лет назад. Замечу, что книга написана честно и, за исключением небольших несообразностей, правдиво и живо рисует заявленную картину. Фильм же, снятый по книге, по сво-

ей точности, исторической верности, а главное — по художественной силе, к сожалению, получился несколько слабее.

Оглядываясь на пройденный путь, можно утверждать, что Особые отделы, а затем органы «Смерш» внесли большой вклад в нашу победу над фашистской Германией. Кто знает, не будь активной, напряженной, порой героической, результативной работы органов «Смерш» в годы войны, и победа наша, возможно, была бы не в мае 1945 года, а несколько позже и досталась бы с бóльшими потерями.

Нам, военным контрразведчикам «Смерш», отвратительно слышать и читать на газетных и журнальных страницах, во многих телевизионных и радиопрограммах негативную, лживую, а порой даже враждебную оценку роли «Смерш» в годы войны. Идет открытая клевета на «Смерш», умышленно принижается роль военной контрразведки в достижении победы, извращается суть ее работы.

Подчас офицеры «Смерш» изображаются безграмотными, тупыми людьми, которые якобы пытались поставить себя над командованием. В современной враждебной трактовке они сплошь и рядом нарушают соцзаконность, проводят незаконные репрессии, при этом отсиживаются в тылу, где пьянствуют и развлекаются с женщинами. Причем обо всем этом, как правило, говорят и пишут люди, которые сами ни одного дня не были на фронте, не нюхали пороху, не ходили в атаку и ни разу в жизни не видели живого контрразведчика.

Все это не может не вызывать протеста и возмущения у оставшихся в живых фронтовиков-контрразведчиков. Я не исключаю, что в суровые годы Великой Отечественной войны, при столкновении двух миров, могли быть отдельные нарушения социалистической законности со стороны «смершевцев», но в своей основе они были честными, отважными и ответственными людьми, пре-

данными своей Родине. Эти люди на своих плечах вынесли основную тяжесть борьбы с подготовленными агентами врага, с изменниками Родины, с предателями, дезертирами, диверсантами и вредителями — со всеми теми, кто любыми средствами наносил ущерб нашей армии, кто сознательно переходил на сторону врага, кто в своей ненависти к нашей Родине, понимая, что возврата нет, стоял до последнего.

Будучи кадровым военным контрразведчиком, я прошел всю войну с первой и до последней минуты. Ночью в июне 1941-го, когда советский народ еще не знал о нападении фашистской Германии, вместе с пограничниками мне довелось принять участие в боях на границе с Румынией, а в мае 1945 года я в составе опергруппы «Смерш» 1-го Белорусского фронта обеспечивал мероприятия по безопасности подписания Акта о капитуляции фашистской Германии. Советский народ еще не знал об окончании войны, а мы уже поднимали тост за долгожданную победу.

В органах военной контрразведки я принимал участие в обороне трех городов-героев — Одессы, Керчи и Сталинграда. Прошел путь от оперуполномоченного стрелкового батальона до начальника отделения контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии. Войну закончил в звании майора.

Дважды — под Керчью и Сталинградом был тяжело контужен в голову, в госпиталь не ложился, оставался на передовой. Сейчас я инвалид Великой Отечественной войны II-й группы.

По окончании войны работал начальником отдела в центральном аппарате КГБ, а также был начальником особых отделов Прибалтийского военного округа, Южной группы войск, Киевского военного округа, Московского военного округа.

Я горжусь тем, что на фронтах Великой Отечественной войны был военным контрразведчиком и внес свой скромный вклад в нашу победу.

Как говорилось выше, основной и главной задачей органов «Смерш» была борьба с агентурой фашистской Германии. В начале войны гитлеровская разведка, надеясь на блицкриг, не вела серьезной агентурной работы, не уделяла должного внимания подготовке агентов. Конечно, заброски агентов через линию фронта были. Но это были агенты без должной разносторонней подготовки, порой лишь наспех проинструктированные. Агенты противника подбирались тогда в основном из оказавшихся в плену военнослужащих и из местного населения. Перед ними, как правило, ставились задачи сеять панику в наших войсках, навязывать бойцам пораженческие настроения, указывать цели самолетам противника путем пуска ракет, собирать различные военные сведения. Снабжались эти агенты примитивной легендой, без каких бы то ни было документов прикрытия. Но все это было только в начальном периоде войны, когда концентрированные танковые колонны немцев, а за ними и войска быстро продвигались вперед по нашей территории. Впоследствии же, когда немецкая военная машина стала пробуксовывать и давать сбои, дело подготовки агентов изменилось коренным образом.

В зависимости от выполняемых задач появилось несколько категорий агентов:

— шпионы-разведчики. Перед ними ставились задачи сбора информации о частях и вооружениях Красной Армии, их передвижениях, концентрациях, замыслах и т.п. Вся эта информация своевременно должна была передаваться в разведцентры;

— агенты-диверсанты. Задача — подрыв важных военных и народнохозяйственных объектов. Они снабжались соответствующими подрывными средствами;

— агенты-террористы. Задачей этой группы агентов были убийства командиров Красной Армии и высших правительственных чиновников;

— агенты-пропагандисты. Перед ними ставилась задача проникновения в войска, с тем чтобы исподволь, аккуратно внушать бойцам мысль, что Советский Союз войну проиграл, что немцы скоро победят, что хватит кормить вшей в окопах и зря проливать кровь, что лучше пойти и сдаться в плен к цивилизованным немцам, которые обеспечивают теплой одеждой, жильем, достаточным питанием, шнапсом и девочками.

На оккупированной немцами территории были созданы несколько десятков разведывательных школ с определенными профилями подготовки.

Там будущих агентов тщательно обучали и инструктировали, иногда в течение нескольких месяцев, а то и более года. Только в 1943 году было подготовлено свыше 5000 шпионов и диверсантов.

В школы подбирались лица из числа изменников Родины, немецких пособников, а также некоторых категорий военнопленных.

Правда, что касается военнопленных, то большинство солдат и офицеров Красной Армии, оказавшихся в немецком плену, соглашались работать на противника с одной целью — вырваться из гитлеровских лагерей и перейти к своим, чтобы продолжить борьбу с захватчиками. Шефы немецких спецслужб хорошо понимали это и весьма скептически оценивали эффективность своих резидентур из числа советских военнопленных. Так, бывший начальник отдела «абвер-1» генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк после войны признавал:

«Россия — самая тяжелая страна для внедрения вражеской разведки... После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в каче-

стве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии... Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Перед выброской в наш тыл агентов тщательно и разносторонне инструктировали, снабжали подготовленными документами прикрытия, обеспечивали большим количеством советских денег. Начиная с 1943 года активная переброска через линию фронта производилась в заранее подготовленные места с помощью самолетов.

Легенды прикрытия не отличались особым разнообразием (мы отстали от своей части, возвращаемся с задания или из госпиталя после ранения и т.п.), но во фронтовых условиях были достаточно трудно проверяемы.

Многих агентов немцы оставляли на территории, которая должна была быть освобождена от оккупации, с таким расчетом, чтобы наши полевые военкоматы мобилизовали их и они попали бы в части действующей армии.

Мы, сотрудники органов «Смерш», сразу почувствовали изменения в формах и методах агентурной деятельности противника.

Факты разоблачения агентуры обобщались, в ориентировках доводились рекомендации по розыску и задержанию, указывались признаки подделки документов.

В частности, стало известно, что в фальшивых красноармейских книжках, которыми фашисты снабжали своих агентов, они используют скрепку из нержавеющей стали. Такая скрепка всегда была чистой, блестящей, по бокам смежных листов она не оставляла никаких следов ржавчины. В подлинных же красноармейских книжках скрепки изготавливались железными и всегда оставляли на страницах ржавые следы.

Противником был выпущен фальшивый орден Красной Звезды, где красноармеец был изображен не в сапогах, как на настоящем ордене, а в обмотках.

Знание названных и иных признаков подделки существенно помогало сотрудникам «Смерш» в розыске и задержании агентов гитлеровской разведки.

В целом же для разоблачения агентуры противника применялся обширный комплекс мер как в войсках Красной Армии, так и в стане противника. Мы вели активную зафронтовую работу, внедряли в немецкие разведорганы и разведшколы нашу агентуру, а нередко и самих сотрудников органов «Смерш».

Кроме указанных выше мероприятий, органы «Смерш» вели оперативную работу во всей фронтовой полосе. Здесь в основном упор делался на создание такого режима, который затруднял бы действия агентуры противника и других враждебных элементов и благоприятствовал бы их своевременному выявлению и задержанию. Для этого активно использовался личный состав заградотрядов, военно-полевых комендатур, дорожной службы, кабельно-шестовых рот, служб тыла и др.

На все командировочные предписания, в течение определенного периода, проставлялись зашифрованные малозаметные метки.

Активно использовались оперативно-разыскные группы с включением в них агентов-опознавателей, которые знали немецких агентов в лицо по совместному пребыванию с ними в разведшколах. Такие группы во главе с оперработником «Смерш» посещали железнодорожные станции, рынки, разъезжали по оживленным дорогам и другим местам, где были массовые скопления людей. В случае опознания кого-либо агентом-опознавателем тот делал условный знак, и мы задерживали подозреваемого. Задержание не всегда удавалось провести тихо и гладко, порой приходилось вступать с противником в вооруженную борьбу. Не следует забы-

вать, что многие немецкие агенты относились к людям, которым при задержании нечего было терять.

Мероприятия с использованием агентов-опознавателей получили достаточно широкое распространение и позволяли задерживать большое количество шпионов и диверсантов.

Следует иметь в виду, что многие агенты немецких разведорганов не имели заданий проникнуть в войска, а действовали только в их окружении.

Из 126 немецких агентов, разоблаченных Особым отделом 5-й ударной армии за период с конца 1942 и до середины 1943 года, только 24 человека были разоблачены в войсках. Поэтому периодически во фронтовой полосе проводились меры по так называемой проческе территории в прифронтовой полосе с привлечением большого количества войск и сотрудников органов военной контрразведки. Результаты подобных прочесок можно проиллюстрировать несколькими яркими примерами: во время битвы под Москвой было задержано 200 немецких агентов и обезврежено 50 разведывательных групп; при проческе с 1 по 6 сентября 1944 года прифронтовой полосы 3-го Белорусского фронта было захвачено 20 шпионов, 116 бандитов и 163 вооруженных дезертира.

За линией фронта, в тылу у противника, действовало более 2000 оперативно-чекистских групп. Они вели активную разведку и сообщали в Москву важные сведения. За время войны от них поступило более 4000 важнейших сообщений, из которых 2500 были доложены лично И. Сталину. Эти сведения серьезно помогали в разработке и ведении наших боевых действий.

Важные разведданные были получены в результате допросов плененных фельдмаршала Паулюса, а также адъютантов Гитлера, Гиммлера, Гесса, Бормана. Важнейшие сведения докладывались Сталину.

Оперсостав особых отделов, а затем «Смерш» имел ориентировки о разыскиваемых агентах (установочные данные, приметы и т.д.). Были специальные книги розыска известных, но еще не разоблаченных агентов абвера. Сведения в эти книги включались по данным наших разведчиков, внедренных в разведорганы и разведшколы, и по показаниям уже разоблаченных агентов. Повторюсь, органы «Смерш» вели активную зафронтовую работу. Только в 1943 году в немецкие разведорганы и разведшколы было внедрено 52 наших человека.

В ходе войны и после нее среди немецких военнопленных было выявлено свыше 2000 официальных разведчиков, в том числе бывший начальник абвера-3 Бомлер, начальник абвера-1 Хансен, начальники абвергрупп, абверотделов и диверсионных школ. Это при том, что подавляющее число разведчиков, да и офицеров разгромленной Германии всеми силами стремилось сдаться в руки англо-американских союзников.

В борьбе с разведкой противника широко использовались радиоигры, основной задачей которых можно назвать дезинформацию врага о наших целях и намерениях. Чаще всего они велись с помощью задержанных и перевербованных агентов абвера, имевших рации и шифры для связи. Только в течение 1943—1945 годов в радиоиграх было использовано 157 перевербованных агентов.

В мае — июне 1943 года 10 радиостанций перевербованных агентов использовались для дезинформации противника о наших намерениях, движениях и позициях в районе Курской дуги. Дезинформация велась в детальном согласовании с Генштабом, под личным контролем И. Сталина.

В последние годы появились десятки «уточнений» и «разоблачений» всевозможных «историков и писателей», где вопреки здравому смыслу и исторической правде делаются попытки ревизовать итоги Курской

битвы. Они ссылаются на «новые» данные архивов ФРГ, нескромность и самонадеянность советского командования. Данные же о победах и потерях, опубликованные в советских военно-исторических трудах, списывают на идеологическую неполноценность Советского государства. Свою точку зрения об идеологической неполноценности я уже высказал выше, а здесь еще раз подчеркиваю, что в канун Курской битвы наша разведка вчистую выиграла поединок с разведкой противника. Немцы были вынуждены наступать в невыгодных для себя условиях, в невыгодное время. Несмотря на качественное превосходство в своих танковых вооружениях (танк T-V «Пантера» и тяжелый танк T-VI «Тигр»), они понесли колоссальные потери и не смогли оправиться до конца.

При проведении радиоигры «Десант» летом 1944 года противник выбросил на территорию Брянской области 27 агентов-диверсантов, 110 мешков с оружием и взрывчаткой. Все это было своевременно обезврежено. Всего же в ходе всех радиоигр за время Великой Отечественной войны удалось задержать около 4000 агентов, диверсантов и официальных сотрудников абвера.

Как уже говорилось выше, немецкие органы засылали к нам и агентов-террористов.

В 1943 году к нам был заброшен некий Таврин, который перед выброской более года индивидуально и тщательно подготавливался в разведшколе. Экипирован он был в форму майора Красной Армии, на груди имел звезду Героя Советского Союза, ордена Красного Знамени и Александра Невского.

Вооружен он был специальным пистолетом с глушителем, снаряженным пулями с быстродействующим ядом. Задание этот Таврин имел очень серьезное — совершить покушение на И. Сталина. Задержан он был сразу после его приземления в нашем тылу.

К сожалению, украинским националистам, находившимся на службе у абвера, удалось смертельно ранить

командующего фронтом генерала Ватутина. Он был похоронен в центре Киева, там же ему установлен и памятник.

Также украинскими националистами был убит легендарный советский разведчик, Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов. Нынешние националисты разрушили его памятник во Львове, и прах Н.И. Кузнецова был перезахоронен на его малой родине, на Урале.

Широко известны героические действия Н.И. Кузнецова в тылу врага. Ему первому удалось узнать и сообщить в Центр о готовящемся покушении на руководителей антигитлеровской коалиции — И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта во время Тегеранской встречи «Большой тройки» в 1943 году.

Эти сведения Н.И. Кузнецов получил от одного крупного гестаповца, задолжавшего Н.И. Кузнецову крупную сумму денег и обещавшего возместить долг дорогим меховым пальто. При этом он сообщил, что приобретет пальто в Тегеране, куда срочно выезжает по заданию Берлина для выполнения особо важного оперативного задания. Н. Кузнецов сразу понял, о каком важном задании идет речь.

Вообще украинские националисты, связанные до войны и во время войны с абвером, наносили большой вред нашей армии. В первые дни войны они перерезали проводные линии связи, чем лишали командование возможности управлять войсками. В населенных пунктах из подвалов и чердаков они вели огонь по нашим военнослужащим. В июне 1941 года националисты неоднократно обстреливали меня в г. Черновицы. Тогда, в преддверии начала войны, дело дошло до того, что они обстреляли само здание УНКВД по Черновицкой области. Впоследствии из них были созданы целые воинские формирования, вместе с немцами воевавшие против Советской Армии. После освобождения Украины они не-

сколько лет убивали на местах хозяйственных, партийных и советских деятелей.

Возмутительно, когда нынешний глава Украины восхваляет украинских националистов и бандитов, уравнивает их в правах с ветеранами Великой Отечественной войны.

Подводя итоги борьбы «Смерш» с разведывательной деятельностью немцев, следует сказать, что во время войны нашими органами было задержаны, разоблачены и обезврежены десятки тысяч шпионов, диверсантов и террористов. Можно представить, какой колоссальный ущерб они могли бы нанести нашей действующей армии, не будь они вовремя разоблачены и арестованы. Благодаря успешной деятельности контрразведки во время Великой Отечественной войны противнику не удавалось заранее узнавать об оперативных планах и замыслах советского военного командования. Мы же выведывали стратегические секреты большой важности.

Так, в июне 1943 года контрразведка своевременно получила данные сразу от трех источников о готовящемся крупном наступлении немецких войск на Курском направлении. Советское командование предприняло необходимые меры, противник понес существенные потери, а его боевые порядки были расстроены еще до начала наступления.

Неслучайно бывший начальник Центрального разведывательного управления (ЦРУ) Аллен Даллес в своей книге «Искусство разведки» справедливо утверждал: «Информация, которую добывали советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным успехам Советов и представляла собой такого рода материал, который является пределом мечтаний для разведки любой страны».

Во время войны помимо агентуры противника большую опасность представляли изменники Родины, кото-

рые бежали из своей части и сознательно переходили линию фронта на сторону врага.

Там, стараясь выслужиться перед немцами, они выдавали все, что знали о военных делах. Фактически они становились теми же шпионами. Некоторые изменники делали это из враждебных побуждений, будучи в чем-то обиженными на советскую власть, другие из трусости, желая отсидеться в тылу и не быть убитыми. Однако просто так отсидеться немцы изменникам не давали: за все надо было платить. Из числа изменников немцы подбирали кандидатов для направления в разведшколы, другие направлялись во власовскую армию РОА.

Поэтому измена Родине для нас была особо опасной формой преступления в боевых условиях, и органы «Смерш» вели в этом направлении беспощадную борьбу.

К сожалению, случаев измены Родине и предательства, особенно в начальный период, когда мы вынуждены были отступать под натиском врага, было не так уж мало. На сторону немцев переходили не только одиночки, но и целые группы. Были даже такие случаи, когда изменники, сговорившись, убивали своего командира и переходили на сторону немцев. Немало случаев предательства было во время нахождения в боевом охранении, в период выхода наших разведгрупп в тыл противника.

Чтобы побуждать наших людей к измене, немцы осуществляли радиопередачи на переднем крае, используя усилители большой мощности. Часто передачу вел бежавший перед этим изменник, обращавшийся к своим бывшим товарищам по имени и фамилии. Как правило, он говорил, что немцы к пленным относятся хорошо, что дают отличное питание и шнапс, что кругом у них образцовая чистота и нередко к пленным приезжают девочки.

Нередко немцы разбрасывали на переднем крае с самолетов антисоветские листовки с посредственными карикатурами, стишками и призывом сдаваться в плен. Почти всегда указывалось, что листовка является своего рода пропуском для перехода линии фронта. Органы «Смерш», как правило, обнаруживали хранение таких листовок у некоторых военнослужащих, и тогда они становились подозреваемыми в возможном переходе к немцам. Впоследствии враг учел это и стал разбрасывать листовки, внешне оформленные как партбилет: с красной обложкой, буквами ВКП(б) и т. д. Если у кого в руках и была такая листовка, можно было думать, что имеешь дело с членом партии, а не с возможным перебежчиком.

Органы «Смерш» всегда вели беспощадную борьбу с изменниками Родины.

По перебежчикам на переднем крае открывался огонь безо всякого предупреждения, некоторые лица подвергались аресту, с другими проводили профилактические беседы.

Командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н.Э. Берзарин во время нашего пребывания в Польше поставил передо мной задачу не допустить ни одного случая измены при подготовке войск к наступлению на Варшавско-Берлинском направлении. В декабре 1944-го — первой половине января 1945 года я находился в боевых частях армии и организовывал работу по недопущению измены. В результате нашей работы ни одного случая измены на участке 5-й ударной армии допущено не было. Не была сорвана внезапность нашего наступления на немцев, в чем я вижу вклад сотрудников «Смерш» в достижение боевого успеха на названном направлении.

За эту конкретную работу по борьбе с изменой Родине, а также за разоблачение целого ряда немецких агентов Н.Э. Берзарин наградил меня орденом Красно-

го Знамени. Причем он лично приехал в отдел, вручил орден, поздравил, расцеловал и, выпив 100 грамм водки, отправился по своим делам.

Должен заметить, что только за один год Н.Э. Берзарин наградил меня четырьмя боевыми орденами.

Возражая нынешним клеветникам, обливающим грязью органы «Смерш», обвиняющим их в том, что смершевцы сидели по тылам и пьянствовали, замечу, что тогда вряд ли такой генерал, как Н. Берзарин, награждал бы офицеров «Смерш».

Много времени у работников «Смерш» отнимала борьба с дезертирством и членовредительством. И то и другое было в действующей армии. Гораздо больше этих неприятных и вредных проявлений было в начальный период войны. Дезертиры были опасны тем, что своим бегством оказывали отрицательное влияние на личный состав, подрывали воинскую дисциплину. К тому же после дезертирства они нередко организовывали по существу бандитские группы и терроризировали местное население.

Членовредители наносили себе легкое ранение с расчетом пробыть в госпитале дней 10—14, а может быть, и больше. Некоторые членовредители использовали так называемый метод голосования. Они поднимали над окопом руку и дожидались попадания пули, другие стреляли себе в руку через флягу с водой или мокрое полотенце, чтобы не было следов от пороховых газов. Обычно они объясняли, что получили ранение во время боя. Но при допросе путались в показаниях, не учитывали, где находится или как расположено входное и выходное отверстие пули. Членовредителей предавали суду Военного трибунала.

Вспоминается такой случай. Перед атакой один из бойцов заявил сержанту, что он немедленно сбежит к немцам, если тот не прострелит ему руку со сравнительно большого расстояния. Сержант согласился стрелять,

но выстрелил ему не в руку, а в голову, и тот был убит. После этого сержант явился к командованию и заявил о случившемся. По-моему, под трибунал его не отдали, считая, что с учетом сложившейся обстановки он поступил правильно.

Следует отметить, что работа органов «Смерш» не ограничивалась только теми направлениями, которые изложены выше. Она, эта работа, была многосторонней и разнообразной.

Приходилось вникать в тонкие оперативные вопросы, постоянно вести работу по сохранению скрытого управления войсками (СУВ), по недопущению утечек секретов по любым каналам, по укреплению воинской дисциплины и т.д.

Органы «Смерш» всех уровней систематически предоставляли информацию командованию о результатах своей работы, о задержаниях шпионов, о борьбе с изменой Родине, о нарушениях СУВ, военной дисциплины...

Что касается таких органов «Смерш», как армейское и фронтовое звено, то они постоянно предоставляли информацию Военным советам армий и фронтов, вносили конкретные предложения по укреплению боевой готовности войск и дисциплины. Члены Военных советов всегда с максимальным вниманием относились к такой информации и принимали необходимые практические меры.

Таким образом, заключая, следует подчеркнуть, что органы «Смерш» были подлинно боевыми органами, всегда находились в гуще фронтовых событий и были их активными участниками.

Своей отвагой, мужеством, принципиальностью работники «Смерш» завоевали огромный авторитет и уважение у командования и личного состава войск. Свою работу контрразведчики строили при полной поддержке армии.

В годы Великой Отечественной войны были задержаны или убиты десятки тысяч подготовленных неприятельских агентов и диверсантов, предотвращены тысячи диверсий и измен. В том, что на территории страны не было допущено ни одной крупной диверсионной или террористической акции, есть результат труда сотрудников «Смерш».

Офицеры ВКР всегда находились в войсках, вместе с личным составом были на переднем крае, ходили в атаки и держали оборону. Нередко в случае гибели командира они возглавляли части и подразделения. В ходе боевых операций контрразведка несла большие и невосполнимые потери. За годы войны 7000 сотрудников «Смерш» было убито, 3000 ранено и 4000 пропало без вести. И это при том, что по штатам органам «Смерш» полагалось, в общем-то, скромное число оперработников.

Так, в отделе контрразведки «Смерш» нашей дивизии работал всего 21 человек, включая следователя, коменданта и секретаря-шифровальщика. Кроме того, надо иметь в виду, что все оперработники хотя и составляли общий отдел, но были разбросаны по частям, почти не имели личных встреч с руководством отдела, не вели никакой документации, не проводили совещаний, т.е. были лишены всех тех организующих мер, что присутствуют в мирное время. Конечно, это создавало дополнительные трудности, и оттого тем ценнее вклад контрразведчиков.

...В Москве, на территории расположения Управления особых отделов по Московскому военному округу, находится замечательный памятник в честь погибших офицеров «Смерш». Там же имеется комната боевой славы с наличием большого количества документальных материалов и фотографий, раскрывающих героический и тяжелый труд смершевцев в годы Великой Отечественной войны. Тысячи офицеров «Смерш» были неоднократно награждены боевыми орденами и медалями Советского

Союза, а четверым военным контрразведчикам за беспримерный героизм и мужество было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подводя итоги сказанному о деятельности военной контрразведки в период Великой Отечественной войны, можно с уверенностью утверждать, что нынешнему поколению военных контрразведчиков есть с кого брать пример.

Заканчивая обзор деятельности «Смерш», хотел бы перейти к изложению небольшой биографической справки о себе и своей службе в военной контрразведке «Смерш» в годы Великой Отечественной войны и, кратко, в послевоенный период.

Тамбовские корни

Я родился при форс-мажорных обстоятельствах, во время налета банды атамана Антонова на село Чернавка в Тамбовской губернии 18 августа 1918 года. Мать моя, заслышав крики и выстрелы, поспешила с поля домой, но не дошла — я помешал ей своим появлением на свет прямо во дворе отцовского дома.

Село Чернавка — одно из крупнейших сел Тамбовской губернии, живописно раскинулось на левом берегу чистейшей реки Вороны, по мнению некоторых знатоков, несущую в Хопер лучшую воду Европы. По бытующему в этих заповедных местах преданию жил здесь некогда небогатый помещик, которому Бог послал трех дочерей. Дочери были ладные на загляденье, и назвал он их Красивка, Хорошевка, а младшей, самой очаровательной, по иронии судьбы дали имя Чернавка. Пришло время, дочери повыходили замуж и расселились по хуторам. Были у них дружные большие семьи. Потомки дочерей исправно плодились и размножались, приходили сюда и новые люди. Так появились на тамбовщине еще три села — Красивка, Хорошевка и Чернавка.

Спокойная умиротворяющая прелесть реки Вороны не осталась незамеченной людьми: на ее берегах немало усадеб семейств, известных в русской истории: Нарышкиных, Горчаковых, Чичериных, Державиных...

Москва, август 1937 года. Братья Ивановы. Слева — Леонид, Александр в центре, справа — Иван (погиб подо Ржевом).

Родители мои жили бедно, находя приют в убогой крестьянской избе, крытой соломой. Я был младшим, шестым ребенком в семье. У меня было три брата и две сестры. Родители мои работали на земле денно и нощно, но «оскудевшие» (по официальной терминологии того времени) тамбовские земли давали очень небольшой урожай. С детских лет я старался помогать им, и первое, что мне удалось освоить и что запомнилось, была молотьба цепом. Цеп был велик, тяжел, непослушен и подчинился мне не сразу, а лишь после того, как несколько раз огрел меня по спине, плечам и голове. Но нужда — лучший советчик. Мало-помалу научился я молотить, а заодно и просеивать обмолоченное зерно, лопатой подбрасывая его на ветерке в воздух.

Довелось мне видеть своего деда Андрея, отца матери — рыжего горбоносого богатыря, стриженного под

скобку. Ходил дед в огромном коричневатом армяке, опоясанный кожаным поясом, жил в селе Ивановка...

Мать рассказывала, что как-то по зимнику он поехал молоть зерно. Зимник был узок — в одну колею: недавно прошли снегопады. Навстречу деду встретилось несколько саней с мукой, и мужики не больно-то ласково попросили у деда дорогу. Дед разозлился и одни за другими перевернул все встречные сани вместе с лошадьми, а сам поехал к мельнице:

— Знай наших!

Когда мне было лет пять-шесть, вся семья перебралась в Инжавино — районный центр, где жила поначалу в небольшом барском доме вместе с десятком других семей, занимая «роскошную» четырнадцатиметровую кухню с русской печью. Я с братом Александром спал на печи, сестры укладывались на полу, два брата на полатях, родители на кровати.

Уклад жизни оставался прежним — крестьянским, да и само Инжавино фактически было большим селом. Таким оно осталось и сегодня, хотя получило статус поселка городского типа.

Отец мой, Георгий Федорович, с утра до вечера был занят хозяйством и, имея три класса образования в церковно-приходской школе, слыл грамотеем. В последние годы жизни он даже работал на должности бухгалтера в одной из артелей. Родом он был из деревни Семеновка. Смутно помню его мать — свою бабушку...

Дом наш, все немудреное хозяйство целиком держались на матери. Мама, Александра Андреевна, была высокая, энергичная женщина, красивая в молодости, активная в жизни, но не получившая не то что образования, но даже азов грамотности. Трудолюбивая, упорная, с яркой речью, она была примером для всех нас и в детстве, и позднее.

— Эх! Мне бы грамотенки чуть-чуть... Я б горы свернула, — иной раз в задоре говорила она.

— Будешь большим, сынок, никогда не зарься на чужое добро, лучше отдай свое. Будь всегда честным и порядочным. Этот наказ матери я старался выполнять в течение всей своей жизни.

Сегодня, оглядываясь на прожитую жизнь, думаю, что своим желанием учиться, своим учебным усердием я прежде всего обязан матери — Александре Андреевне.

Меня с самого начала увлекла учеба. С учетом сложных семейных обстоятельств — беспросветной бедности — только в высокой грамотности я видел свое спасение. Учеба захватила меня настолько, что и тогда, в детские годы, и позднее, в разных учебных заведениях, я старался быть только отличником. Никаких наград тогда не было. Да я их и не ждал. Учеба была для меня и стимулирующим, и успокаивающим, и развлекающим началом.

Учиться было голодно, но советская власть нашла уже тогда, в тридцатые годы, возможность давать детям чечевичный суп и сладкий чай бесплатно. Помню свои мысли того времени, которые можно озвучить, наверное, так: «Пусть я беден, пусть нет у меня нарядной рубахи и аппетитного куска хлеба, пусть худы мои ботинки и ветхо пальтецо из старой шинели, которое я донашиваю уже третьим, но учебой своей я докажу, что не хуже своих богатых товарищей». В таких, отнюдь не «вертеровских», размышлениях находил я тогда опору.

В школе того времени царили порядок и дисциплина — работал учком, не упускал из вида отстающих, закрепляя за ними хорошо успевающих. Был оборудован спортивный уголок — перекладина, брусья, кольца, городошные дорожки, волейбольная площадка.

При школе работал драмкружок, многие из моих товарищей, да и я, серьезно увлеклись театральной самодеятельностью. На всю жизнь запомнилась постановка гоголевского «Ревизора», где мне была доверена роль незабвенного почтмейстера — Ивана Кузьмича Шпеки-

на. Спектакль прошел несколько раз, всегда при переполненных залах. Актеры не жалели себя, зрители не жалели своих ладоней.

В 10-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции я впервые увидел конфеты — в подарке, который получили все ученики нашей школы.

Мама моя всегда подчеркивала свое исключительное отношение к учителям и всячески поддерживала меня и других детей в учебе. Она, как никто другой в моей жизни, могла образно подчеркнуть необходимость настойчивой прилежной учебы.

Когда мне было лет десять, родители купили в Инжавино у монашек крошечный домик, окруженный клочком старого, одичавшего сада.

Мои родные места очень сходны с теми, что описал великий русский писатель И.С. Тургенев в своих гениальных «Записках охотника» — в «Малиновой воде», «Бежином луге», «Лебедяни»...

Свободного времени у нас тогда почти не было, а когда случалось — с удовольствием играли в лапту, чижа, ловили «на круги» раков. Эта затея было равно и полезной, и приятной. Помню, как с замиранием сердца доставал я «из кружка» зеленых, а то и коричневатых раков... Где три, где пять, а где и семь штук! Тут же, на берегу, раки готовились — с солью да с укропцем.

Много лет спустя, на одном из приемов за границей, мне довелось попробовать знаменитый раковый суп — гордость поваров и мечту гурманов. Он напомнил мне тот, что пробовали мы в детстве, но тот с раками из Вороны был не в пример вкуснее. По крайней мере так отложилось в моей памяти.

В окрестностях Инжавина, помню, было много грибов, но то ли из распространенных здесь предрассудков, то ли из самосохранения мы грибы не брали.

В семье, кроме меня, было три брата — Андрей, Иван, Александр и две сестры — Нюра и Рая. Все мы получили образование.

Из братьев особенно выделялся Иван — толковый, ловкий, оборотистый. Он окончил химический институт в Свердловске, позднее работал в Кемерове мастером, начальником цеха. Его отмечали на работе, ценили. Вскоре после начала войны он ушел на фронт и в 1942-м погиб подо Ржевом.

В знаменитом стихе Твардовского мне всегда представлялся мой брат:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете...

Уверен, останься брат жив — был бы он крупным специалистом, вкладывал бы свои немалые силы и талант в развитие химических производств. Но... война выбирает лучших. Иван-то и привез меня в Москву в далеком 1937 году с 13 рублями собственных денег.

На всю жизнь я запомнил напутствие, с каким провожала в Москву меня мать, прикладывая платок к глазам:

— Самое главное — будь честным. Не возьми чужого, не укради. Учись прилежно...

Годы учебы в Москве

Товарищ моего брата Ивана (к сожалению, не помню его имени), вместе с нами оказавшийся в Москве, настойчиво предлагал мне поступать в Академию связи.

— Дело новое и нужное. Без связи никуда, а специалистов мало. Ты во как будешь нужен, — он ребром ладони энергично провел по горлу.

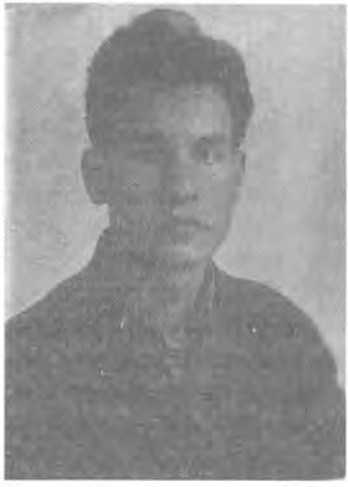
То ли меня проняли его слова, то ли я убедился в крайней востребованности связи, то ли меня убедил его жест, но я пришел в Академию связи имени В.Н. Подбельского, бывшего первым комиссаром, а затем наркомом почт и телеграфов советской республики.

Вадим Николаевич Подбельский вел партийную работу в Тамбове еще до революции, а в 1919-м был назначен особоуполномоченным ЦК РКП(б) и ВЦИК на Тамбовском участке Южного фронта. Прожил этот яркий революционер и борец до обидного мало — только 32 года, но оставил яркий след в истории своей страны. Наверное, и тамбовские корни этого исключительного человека оказали влияние на мой выбор.

Академия связи располагалась тогда на шоссе Энтузиастов, в доме 109а, неподалеку от завода «Компрессор». Как окончившего школу с отличием, меня приняли в Академию без экзаменов, дали бесплатное место в

общежитии и стипендию — 150 рублей. Этих денег хватало на скромное, порой полуголодное, но в целом безбедное существование.

Обед из трех блюд стоил в столовой чуть больше рубля, а вот на завтрак и ужин денег почти не хватало. Но я быстро решил этот вопрос, купив сахарного песка, хлеба и аккуратно используя привезенное из дому варенье. Благо кипятка всегда хватало на всех студентов. Его потребление намного возрастало, когда кончалось варенье, и в целом жизнь была прекрасна.



Москва, октябрь 1938 года. Л.Г. Иванов — студент 2-го курса Академии связи

Я был поражен щедростью государства и дал себе слово оправдать доверие. С рвением и усердием я набросился на выданные учебники и, наверное, раздражал некоторых преподавателей своим стремлением «познать суть вещей».

Электросвязь, радиосвязь, проводные и радиосредства были мне интересны, но ощущался недостаток знаний по физике, математике, некоторым прикладным дисциплинам, Я старался ничего не упустить и помимо заданных программ усиленно занимался самообразованием. Мое корпение не было напрасно, и, разобравшись в теме, я легко решал ставившиеся задачи, представлял некоторые перспективы.

Особенно интересными тогда мне казались занятия с телеграфом, радиотелеграфом, телефоном. Точной и изящной казалась сигнальная связь — ракеты и флаж-

ки, фонари и сирены. Полученные в академии знания не раз пригождались мне в оперативной работе, особенно при техническом анализе перехватов и в отдельных элементах всевозможных «радиоигр».

По-моему, до 1938 года Академия связи, собственно, и была академией — одним из военно-учебных заведений, созданных советской властью для подготовки командных, инженерных и специальных кадров. Позднее военно-учебным был оставлен только один факультет, выпускники которого вливались в состав Вооруженных сил, а академия, разделившись, стала Московским институтом связи и Военной академией связи в Ленинграде.

На всю жизнь запомнились подготовка и участие в ноябрьском параде 1937 года на Красной площади, где мне выпал нелегкий жребий правофлангового. Нелегкий и ввиду особых требований к строевой подготовке, и ввиду вмененной необходимости смотреть прямо, когда очень хотелось скосить вправо, разглядеть стоявших на трибуне Мавзолея первых лиц государства.

Подготовка велась весело, с энтузиазмом, как вообще протекают общественные мероприятия с участием лиц около двадцати лет от роду.

Помню, приезжал к нам с инспекцией легендарный С.М. Буденный, одобрял подготовку, запросто разговаривал с участниками, шутил.

Хотя мне и позже довелось участвовать в парадах, но уже не проходить по Красной площади в колонне, а возглавлять опергруппу 3-го Управления Особых отделов по обеспечению безопасности войск, принимавших участие в параде. Но тот, первый свой парад я запомнил на всю жизнь. Прошли мы хорошо, и нас потом хвалили, а еще радовало, что, нисколько не повернув в сторону голову, мне удалось разглядеть на трибуне и И. Сталина, и В. Молотова, и других. Запомнились сталинские усы с

Инжавино, январь 1940 года. Я, курсант школы НКВД, с отцом — Георгием Федоровичем Ивановым

сединой и, почему-то, кожаные перчатки на руках В. Молотова. Возможно, потому, что тогда они казались мне вещью редкой, необычной.

В 1938 году я был членом участковой избирательной комиссии по выборам депутатов в Верховный Совет РСФСР.

Наверное, я был на примете у руководства академии. В январе 1939 года я был приглашен на беседу к оперработнику НКВД, который предложил мне перейти на работу в органы. Я первоначально отказывался, ссылаясь на то, что вначале мне надо получить высшее образование. При этом мне казалось, что я привел неотразимый довод, сославшись на И. Сталина, который заявил, что кадры должны быть образованными. Но парень из НКВД был неуступчив и нажимал на то, что я комсомолец и должен понимать обстоятельства. К тому времени

наркомвнудел Н. Ежов был снят со своего поста и вместо него назначен Л. Берия.

При нем появилось секретное постановление ЦК ВКП(б) за подписью И. Сталина о том, что в стране происходили незаконные массовые аресты. Арестовывали подчас невинных людей, применяя незаконные методы ведения следствия. Предлагалось безвинных людей освободить, виновных оперработников привлечь к ответственности. Именно тогда были освобождены Рокоссовский, Мерецков, Горбатов, Берзарин и многие другие крупные военачальники.

В названном постановлении предлагалось «освежить» опersостав, набрав в органы молодых людей из ВУЗов. На Москву была разнарядка — направить в школы НКВД на обучение 100 человек. В их число попал и я.

Учились мы в школе НКВД в Сиротском переулке. Здание было хорошее, теплое и обустроенное, порядок царил образцовый, занятия разнообразные и серьезные, питание отличное... Кроме того, каждый курсант получал стипендию 450 рублей. Это было выше средней зарплаты.

До сих пор помню наши построения и проходы маршем по Москве. Здоровые серьезные парни в хорошо подогнанной форме. Девчонки ждали выхода нашей колонны и бежали следом.

Я единственный окончил школу с отличием, и приказом Л. Берии мне было присвоено звание на ступень выше, чем остальным. Я получил три кубика в петлицу, а не два, как остальные, и стал младшим лейтенантом госбезопасности, что соответствовало званию старшего лейтенанта в войсках.

После окончания школы мне было предложено остаться в Москве для работы в управлении НКВД города Москвы и Московской области. Но я категорически

отказался, т.к. хотел окунуться в настоящую боевую работу.

Как раз тогда проводились освободительные походы на Западную Украину, в Белоруссию и Молдавию.

Поэтому с группой оперативных работников я был направлен в распоряжение НКВД УССР, а оттуда в Северную Буковину, куда мы прибыли фактически вместе с войсками.

На Западной Украине

Город Черновицы (так он назывался до 1944 года, позднее стал называться Черновцами) поразил нас своей необычностью, изысканной архитектурой, другим укладом жизни. Вскоре мы пригляделись, освоились и вошли в нужный рабочий режим.

Хозяйство здешних мест, более полутора столетий входивших в состав Австрии, а затем Австро-Венгрии, было почти исключительно аграрным и, несмотря на привлекательность здешней природы, богатство и неповторимость флоры и фауны, умеренно континентальный, не резкий климат, оставалось крайне отсталым.

Австрийские помещики в свое время садили и метили здесь делянки с ценными деревьями, чаще буком или грабом, присылали управляющего и, грозя местным крестьянам жестокими карами за рубку и потраву, растили лес. Таково было происхождение многих знаменитых прикарпатских лесов. Крестьянам оставалось работать на неудобьях, там же пасти скот, бортничать...

Из населения здесь, помимо украинцев, было большое количество евреев, румын и молдаван, меньше поляков и немцев. Среди украинского населения большое распространение приобрел искусственно и настойчиво привносимый антирусский национализм.

Западный край Руси, Галицкая Русь с раннего Средневековья была на переднем крае борьбы с немецкой,

венгерской и османской экспансией. Князь Даниил Галицкий был и остается национальным героем русского народа. Имени его сына Льва обязан своим названием крупнейший город Западной Украины — Львов.

Оуновская идеология внедрялась последовательно и жестоко. Главными ее опорами были безграмотность и забитость народа. Идеология эта звала фактически к изоляции от других народов, особенно соседних, братских. При этом русские становились «кацапами», украинцы, не разделявшие взглядов оуновцев, — «ехидниками», поляки — «ляхами»...

В малообразованной, местечковой среде национализм расцветал особенно махровым цветом. Сюда почти не доходили книги, ненависть к строю, где нельзя было нажиться, считалась не только хорошим тоном, но и требовалась официально. Керивники (оуновские руководители) и полуграмотные униатские попы рядились в одежды всезнающих учителей и непогрешимых судей.

Это отребье нашло хорошее взаимопонимание с гитлеровским режимом, а особенно с германской разведкой — абвером. Замечу, что впоследствии выбитые с Украины гитлеровцы оставили бандеровской УПА (Украинской повстанческой армии) до ста тысяч единиц стрелкового оружия и сотни артиллерийских систем. Около десяти лет после войны здесь продолжалось вооруженное противостояние советской власти и повязанных кровью патриотов «бандеровцев». Противостояние, стоившее сотен и тысяч жизней. Эти отщепенцы живы и сегодня. Пользуясь мутной водой в постсоветской Украине, они повылезали из «схронов» и требуют льгот. Нынешний президент пошел у них на поводу.

Надо ли говорить, что в преддверии войны Германия прикладывала все усилия, чтобы оживить украинский национализм. Обучала молодежь, засылала агентов, вела идеологическую поддержку, помогала деньгами (в том числе фальшивыми, но очень высокого качества),

Январь 1940 года. Город Черновицы. Л.Г. Иванов — зам. начальника секретно-политического отделения (СПО) УНКВД по Черновицкой области

оружием, всевозможными техническими средствами.

В такой сложной, в полном смысле слова боевой обстановке пришлось нам работать накануне войны. В Черновицах, куда я прибыл после окончания школы НКВД, организовывать работу пришлось буквально с нуля. Не было ни кадров, ни агентов, ни даже помещения. Это может показаться смешным, но на первом этапе своей работы мы в качестве конторы или, как сказали бы сегодня, «офиса» использовали помещения черновицкой тюрьмы. Там же, в камерах, в первые недели и спали.

В первое время в УНКВД по Черновицкой области я был назначен помощником оперуполномоченного, а через два месяца уже старшим оперуполномоченным. В конце 1940 года я был вновь назначен с повышением — заместителем начальника отделения СПО (секретно-политический отдел). Отделение это имело в своем составе более 10 человек, и все были старше меня по возрасту.

На отделение были возложены задачи борьбы с еврейскими и украинскими националистами. Работа была боевая, активная. Мы вскрывали сионистские организации, которые вели антисоветскую пропаганду, и глав-

ным образом боролись с организацией украинских националистов.

Организация украинских националистов, сокращенно ОУН, встретила нас во всеоружии: активное подполье, подготовленные в Германии агенты и местные жители, согласившиеся сотрудничать с абвером. В большинстве своем эти люди были хорошо вооружены, имели надежную радиосвязь, наработанные и проверенные схемы подрывной и шпионской деятельности, практически неограниченные материальные средства, шедшие к ним с Запада.

Мы же, помимо объективных трудностей первых дней, начала работы на новом, незнакомом и, в некоторой степени, враждебном месте, были связаны известными политическими ограничениями, вытекавшими из договора о «дружбе», подписанного с нацистской Германией.

В первые дни войны оуновцы наносили большой ущерб тем, что перерезали линии связи, тем самым лишая командование Красной Армии возможностей управления войсками. В населенных пунктах из подвалов и чердаков они вели огонь по красноармейцам и советским офицерам. Лично меня в июне 1941 года, как я уже указывал выше, тоже неоднократно обстреливали из стрелкового и автоматического оружия.

Уже после пограничных боев, когда по приказу я вернулся в Черновицы, на шестой–седьмой день после начала войны, к нам поступили данные о том, что в одном из домов на окраине Черновиц скрывается активный член ОУНа, связанный с абвером. Мне было поручено возглавить опергруппу из трех человек и задержать его.

На рассвете на грузовой машине мы выехали для проведения этой операции. Оставив машину метров за триста от дома подозреваемого (чтобы шум мотора не спугнул оуновца), мы осторожно, стараясь быть незаметными, подошли к одиноко стоявшему деревянному

дому. Двух сотрудников я направил за дом, на огороды (для перехвата — на случай побега оуновца в этом направлении). Сам пытался войти через главную дверь, которую никто не спешил открыть. В это время я услышал крики двоих моих товарищей:

— Стой! Стой! Стрелять будем!

Я мигом выскочил за дом и увидел метрах в тридцати человека, бежавшего в сторону города. Крикнул товарищам, что нельзя дать ему уйти, и, выхватив маузер, сделал в сторону бежавшего несколько выстрелов. На звуки наших выстрелов из домов стали выбегать местные жители. Тут оуновец решительно развернулся в нашу сторону, выхватил оружие и открыл огонь. Первым же выстрелом он ранил в руку нашего офицера Устименко. Это внесло в наши действия некоторое смятение. Пока я подбежал к раненому и дал команду идти к машине, оуновец миновал нашу цепь и стремительно помчался к лесу. Мы побежали за ним, стреляя на ходу, но, к сожалению, все мимо. Слышу, наш оперработник Мневец кричит мне:

— У меня есть граната! Бросать?

— Конечно, бросай! — крикнул ему я. Гранату эту мы называли, помнится, «мильса».

Мневец сорвал чеку и швырнул гранату вслед бежавшему. Мы по неопытности при броске даже не залегли, а бежали дальше, вперед. Грянул взрыв, мимо со свистом пронеслись осколки, по счастью, никого из нас не задев. Оуновцу повезло меньше. После взрыва он упал и, раненный, стал вести по нам огонь из пистолета. Я велел своим товарищам залечь и вести огонь на поражение.

У меня тогда был маузер. Я выстрелил и увидел, как возле лежавшего взметнулось облачко пыли от моей пули. Выстрелил еще раз, видимо, удачно. Оуновец замолк. Мы, торопясь, подбежали к нему: пуля попала ему в грудь, пистолет лежал рядом, рот раскрыт, глаза за-

качены, язык высунут, тело бьет озноб — предсмертная агония была короткой.

Я спросил у Колесникова:

— Откуда он выбежал?

Тот отвечал, что из большого сарая, что стоит рядом с домом. Бегом мы вернулись к сараю, быстро осмотрели все помещения и на чердаке, на сеновале, обнаружили высокого дрожащего молодого человека. Обыскали его, но оружия не нашли. Отыскали его позднее в сене, так же как и боеприпасы, и немецкую радиостанцию «Телефункен».

Спросили у юноши, кто он такой. Отвечает, заикаясь: студент Черновицкого университета, здесь готовится к экзаменам. Все его слова оказались ложью. Убитый нами оуновец был агентом немецкой разведки, а задержанный «студент» — его связником.

В годы войны мне не раз доводилось встречаться с украинскими националистами и вести с ними беспощадную войну. Как я писал выше, именно украинские националисты ранили командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина. Ватутин похоронен в центре Киева, и установленный в честь него памятник уцелел, несмотря ни на какие «оранжевые революции».

Украинские националисты были и остаются непримиримым и жестоким противником, но, лишенные поддержки народа, они могут существовать и вести борьбу лишь при активной поддержке хозяев — австрийцев, немцев, а сегодня главным образом американцев.

В связи с активным продвижением противника в глубь нашей территории личный состав УНКВД по Черновицкой области был эвакуирован в тыл страны. Это было где-то 30 июня 1941 года. А до этого мне пришлось побывать на границе для выполнения оперативного задания. Там я встретил войну и впервые вступил в бой с врагом.

Вставай, страна огромная

21 июня в субботу на перекладных я покинул Черновицы, выехав в направлении государственной границы. Надо было нелегально переправить своего агента на сопредельную территорию, для чего требовалось ознакомиться с заставой, с оперативным положением на границе, обсудить и продумать детали задуманной переброски. Эту заставу, как и несколько других, я знал и раньше, отношения с командованием были у меня дружеские, но была необходимость оценить некоторые детали, одним словом, провести рекогносцировку.

Помню детали той поездки, словно это было вчера. Погода в те дни была прекрасная, галицийские виды — великолепны. Остановив три или четыре машины, я доехал, где за деньги, где так, почти до заставы. Последние 5 — 6 километров с удовольствием прошел пешком. Регулярные тисовые и буковые рощи, заведенные под надзором австрийских хозяев, были полны благоуханья и мягкой прохлады, лесные дорожки расчищены и безлюдны. Редкая косуля или птица нарушали благородную тишину леса.

Вскоре я был на территории заставы. Командир был на месте. Мы тепло приветствовали друг друга. К сожалению, прошедшие с тех пор 65 лет не сохранили в памяти имени этого мужественного, ответственного и толкового человека. Вместе с ним мы проехали часть

границы, охраняемой заставой, убедились в бдительности патрулей, в относительной подготовленности рубежа. Остановившись у заводи бурного горного ручья, я кивнул на величественные склоны, заросшие лесом:

— У тебя здесь и служба, и курорт. Красота и тишина.

Грустно улыбнувшись, командир внимательно посмотрел на меня:

— Тишина эта ненадолго, понимаешь сам. А красота, даст Бог, останется.

Вечером мы засиделись с ним, обсуждая детали грядущей переброски, легли спать за полночь. А ночью, часа в три, меня разбудил дежурный:

— Вставайте, товарищ старший лейтенант... Нарушители!

Быстро одевшись и выйдя из домика, я услышал звуки далекой стрельбы, частой и одиночной. Несколько резких выстрелов прозвучали совсем рядом.

Заметив знакомого мне офицера-пограничника, я поспешил к нему. Пограничник, бывший начальником отделения, шел к своим бойцам, оборонявшим северный участок заставы. Его участок представлял собой продуманную и оборудованную систему обороны, включавшую несколько господствующих над местностью, связанных ходами дзотов, остроумно выполненных «схронов», использующих складки местности, крупные деревья и камни, целую серию «секретов», сигнализирующих о появлении нарушителей на тех или иных направлениях, ямы-ловушки, съемные «переходы».

Мы пробрались с офицером к одному из дзотов, где нашли еще двух бойцов, ведших огонь из винтовок. Дзот был расположен на склоне горы так, что нарушители, пересекавшие противоположный хребет, даже в относительно безлунные ночи возникали перед стрелками как на экране. Бойница же дзота находилась у комлей высо-

ких деревьев — по-моему, это были ели — и маскировалась в тени их широких лап.

— Не менее десяти человек сумели пересечь хребет, — взволнованно-виноватым голосом сообщил боец командиру.

— Ничего, Петров, ничего. Там сейчас темно, как у негра... А мы к утру перейдем на «эмку» и оттуда гостей попросим назад.

— Что, война, товарищ командир? — напряженно вглядываясь в светлеющую над хребтом полосу неба, хриплым шепотом спросил второй боец.

— Не доложили мне того, видать, не успели, — усмехнулся командир. — А тебе-то что? Сюда буржуи отдыхать ездили, воздух чистый... Владения наши ты сам знаешь, хватило бы патронов. Мы с тобой тут любую войну отвоюем!

Я передвинулся к бойнице. Встречный ветер обдул лицо душистой прохладой, и в то же мгновенье метрах в восьмидесяти, я увидел людей, появлявшихся на вершине хребта. Звонко ударил рядом выстрел, второй, третий. В нос ударил острый запах пороховых газов. Винтовка сама собой оказалась в руках. Я быстро нашел цель и спустил курок.

Отношение к оружию в те годы было у меня пиететное. Внимательно изучив доступные мне книги и инструкции, я подолгу задерживался у соответствующих стендов в музеях. С удовольствием и регулярно в годы учебы я посещал стрелковые тренировки, научился неплохо стрелять — и из пистолета, и из винтовки. Уменье это сохранилось у меня на долгие годы.

Тогда я был вооружен новой по тем временам автоматической винтовкой Симонова — АВС-36, образца 1936 года. Винтовка эта, весом около четырех килограммов, с прицельной дальностью до полутора тысяч метров, позволяла вести как одиночный, так и автоматический огонь. Магазин, емкостью 15 патронов, заме-

нялся легко и удобно. Недостатком этого оружия была его «тонкость» — винтовка не терпела грязи, что во фронтовых условиях является существенной помехой. А в остальном и эта винтовка, и винтовки Токарева — СВТ-38 и АВТ-40 — были эффективным и надежным оружием.

Как у начинающего оперативника, был у меня, конечно же, и маузер.

Кому-то это может показаться смешным, но я полюбил «Маузер К-96», широко известный еще в Гражданскую, тяжеловатый, десятизарядный, но с очень хорошим и эффективным боем. Позднее я заменил это хорошее, но также несколько прихотливое оружие на обычный надежный наган.

С этим оружием довелось мне принять свой первый бой. Благодаря сложной для наступающих горно-лесистой местности и, в немалой степени, труду и смекалке пограничников мы наносили противнику значительный ущерб, практически не неся потерь в живой силе. Да и противник, пытавшийся было атаковать в лоб, был скован в своих действиях. В горах и в лесу он не мог применить свою главную силу — танки, малоэффективно было применение авиации и артиллерии.

Запомнилось несколько авиационных налетов, когда направление бомбового удара противник пытался корректировать ракетами. Командир заставы тут же отрядил толкового бойца, снабдив его значительным количеством ракет всевозможных цветов. Уже при следующем налете, аналогично неприятельским наводящим, корректирующие ракеты тех же цветов были пущены в направлении противника. Очевидно, результаты бомбежек оказались далекими от ожидаемых, и больше самолетов противника, атакующих наши рубежи, мы не видели.

В ту памятную ночь нам пришлось вести тяжелый напряженный бой. Наше укрепление оказалось на пути, где противник сосредоточил значительные силы и на-

стойчиво пытался преодолеть государственную границу. Офицер-пограничник, с которым мы появились в дзоте, вскоре был вынужден нас оставить, с тем чтобы привести подкрепление. Оставшись втроем, мы вели почти непрерывную прицельную стрельбу, но продолжалось это не более получаса.

Когда стало светать и попытки пересечения хребта прекратились, офицер-пограничник пригласил меня и пулеметчика посмотреть — куда проник противник, вернее, те, кому посчастливилось пересечь контролируемую нами вершину.

По удобному и отлично замаскированному на местности переходу мы спустились в лощину и оказались в «эмке» — довольно большом окопе, подобии эскарпа, сделанного в виде буквы «м», откуда хорошо просматривалась местность в обоих вдоль лощины направлениях.

Противника мы заметили сразу. Несколько минут мы наблюдали за ним, заметили двух спящих дозорных, пересчитали неприятеля. Силы его были невелики — бойцов пятнадцать-семнадцать. Мы распределили цели и открыли огонь, человек пять-шесть смогли скрыться в кустарнике, остальные полегли под нашими пулями.

Вспоминая сегодня свои первые бои, с чувством любви и глубокой благодарности думаю о тех своих беззаветных и, увы, безымянных соратниках, что подготовленно и выдержанно, по-военному грамотно, с выдумкой встретили агрессора и на своем участке, несмотря ни на что, нанесли ему поражение. В приграничных боях ценой жизни нескольких пограничников были уничтожены сотни вражеских солдат и офицеров, нанесен ощутимый удар по моральному состоянию врага.

Конечно же, сильное, во многом определяющее влияние на ход тех боев оказала специфическая, сложная в военном отношении, прежде всего для наступающих, которые не могли применить там танки, в полной мере использовать авиацию и артиллерию, горно-лесистая

местность и великолепная подготовленность обороняющейся стороны — наших пограничников.

Должен заметить, что солдаты неприятеля, наступавшие на нашем направлении, были румыны. С моей точки зрения, народ в большинстве своем малообразованный и, как следствие, довольно беспечный. Мне с ними довелось сражаться и на границе, и под Одессой. От немцев как воины румыны отличались в значительной степени не в лучшую сторону.

Огромные человеческие потери, понесенные этой страной в годы Второй мировой войны, едва ли будут наукой политикам, но человеческая память, знание своей истории должны быть очень серьезным напоминанием для всех мыслящих людей.

В составе этой героической заставы мне довелось сражаться несколько дней. Затем по приказу командования я был вынужден отбыть оттуда назад, в Черновицы.

Там я настоятельно требовал направления меня на фронт, на службу в составе особых отделов. Вскоре моя просьба была удовлетворена, и я получил распоряжение убыть в Одессу, в Особый отдел по Одесскому военному округу.

Уже тогда мы поняли, что началась большая тяжелая война. Немцы воспользовались внезапностью и, уничтожив приграничную авиацию, захватив стратегическую инициативу, имели военный успех.

На равнинных территориях с относительно малым числом естественных препятствий и небольшим количеством городов, как в России, немецкая военная доктрина работала, и работала неплохо.

Должен коснуться того вопроса, что население СССР в несколько раз превосходило население Германии и, соответственно, аналогичное преимущество имелось в численности вооруженных сил. Не буду прибегать к известным цифрам и выводам, опубликованным в серьез-

ных, непредвзятых трудах. Давайте сопоставим базовые цифры.

Население СССР в 1941 году составляло около 195 млн человек. Население Германии в то время было свыше 70 млн, но Германией была аннексирована и присоединена Австрия — более 7 млн чел., союзники Германии, принявшие участие в нападении, имели следующее население: Румыния — свыше 20 млн, Венгрия около 10, Финляндия — 5 млн чел. Замечу, что впоследствии в агрессии против России приняли участие Италия, Словакия, граждане Польши, Болгария (хотя последняя боевых действий не вела).

Германия и ее союзники были вооружены фактически всей Европой: танки из Германии, Чехословакии, Франции, Италии, Венгрии... Самолеты из Германии, Франции, Италии, Голландии, Англии, Бельгии, Польши... Происхождение пушек, минометов и стрелковых вооружений еще менее избирательно.

Нацистская идеология, изощренно прививаемая торжествующим режимом (на начальном этапе войны), в массовом порядке находила отклик в сердцах буржуазной молодежи из самых разных стран. Воинские части головорезов из Испании, Франции, Чехии, Португалии, Голландии и Дании нашли свой бесславный конец под Сталинградом и на Украине, в Белоруссии, Польше, Румынии, Венгрии, Германии.

На стороне вермахта воевали подразделения даже из Латинской Америки и Австралии, а одним из батальонов, до последнего оборонявших рейхстаг, был батальон эсэсовцев-голландцев!

На востоке нашей стране противостояла империалистическая Япония, страна, с которой Россия, а впоследствии и Советский Союз в первой трети XX века вели несколько войн, не завершившихся разгромом одной из сторон. Часть территорий нашей страны была аннексирована Японией после Русско-японской войны. Бла-

годаря расчетливой политике советского руководства Япония не стала военным противником СССР до самого конца Великой Отечественной войны, но Советский Союз был вынужден держать на востоке десятки полноценных дивизий, значительное количество боевой техники.

Здесь, на востоке, учитывая японское влияние на Китай и Корею, противная сторона имела безусловное численное преимущество.

На юге внимательно следило за событиями на советско-германском фронте правительство Турции — нашего традиционно недружественного соседа. Даже в самые тяжелые дни 1942 года мы вынуждены были держать здесь несколько полнокровных дивизий.

И Германия, и Япония, и Италия, и большинство союзных им и порабощенных ими стран были странами с высокоразвитой промышленностью, создавшими великолепные, а зачастую и массовые образцы вооружений. Ракеты разных типов, эффективная и разнообразная реактивная авиация, сильнейшие надводные суда, мощный и эффективный подводный флот были созданы в Германии и Японии к концу войны. Фашистская Германия была разгромлена, когда находилась в полушаге от создания ядерного оружия.

На германскую военную машину вовсю работали передовые промышленности стран покоренных Германией и союзных ей Франции, Италии, Чехословакии, Голландии, Бельгии, Польши...

Противники Советского Союза во Второй мировой войне (фактические и потенциальные) имели над ним очевидное численное преимущество.

И при этом до сих пор доводится читать у доморощенных борзописцев, что Советский Союз выиграл войну, просто завалив противника трупами. Нет, господа! Такое невозможно с военной точки зрения, чему в мировой истории насчитывается множество примеров.

Война, несмотря на все усилия и происки врага, несмотря на все наши промахи, была выиграна за счет героизма и мужества советского солдата, вдохновенного творческого труда инженеров и конструкторов, предельного самопожертвования подавляющего большинства населения и твердой последовательной политики, проводимой руководством страны во главе с И.В. Сталиным.

Оборона Одессы

Из Черновиц мне было приказано прибыть сначала в Кировоград, а затем в Одессу. С попутным транспортом, самом разным — гужевым, автомобильным и железнодорожным, за несколько дней этот приказ удалось выполнить.

Когда я был в Кировограде, со мной произошел забавный случай. Дело в том, что вскоре после начала войны в советской печати появились сообщения о том, что немецкая разведка засылает в наш тыл шпионов в форме сотрудников НКВД, статьи призывали граждан к бдительности. Так вот, находясь в Кировограде, я чем-то вызвал подозрения местных жителей. Думаю, подозрения основывались на том, что я был в новой форме сотрудника НКВД и отличался внешним видом от местных работников. Группа граждан, обступив меня, стала кричать, что я немецкий шпион, что меня надо не то отвести в УНКВД, не то разобраться со мной на месте. Ни мой максимально грозный вид, ни зычный командный голос, ни револьвер, который, правда, не удалось достать, не повлияли на бдительных товарищей... К счастью, мимо проходил местный офицер НКВД, который знал о группе, прибывшей из Черновиц, и видел меня в здании управления. Он сказал присутствующим, что я задержан, т.е. должен следовать за ним в здание управления. Я обменялся со своими преследователями недо-

брыми взглядами — обе стороны были явно разочарованы таким исходом событий. Некоторые граждане, по всей видимости, самые бдительные, последовали за нами. У дверей я показал охраннику пропуск, тот внимательно проверил его и, обратившись к оставшимся моим преследователям, сказал, что пропуск настоящий, а я действительно сотрудник НКВД.

Как мне потом стало известно, в некоторых городах были случаи задержания настоящих сотрудников НКВД, некоторые из них закончились трагически. Допускаю, что к некоторым этим случаям прикладывала руку немецкая разведка. Такая обстановка, конечно же, осложняла работу оперативных органов по поиску действительных немецких шпионов.

Замечу, что вредителей, инспирированных паникеров, диверсантов, корректировщиков и шпионов в первые дни войны было множество. Не все они были специалистами. Немало среди них было недоброжелателей советской власти. Их значительное количество, помноженное на неблагоприятную военную обстановку, конечно же, играло негативную роль.

Мне, как имевшему незаконченное образование связиста, довелось заниматься диверсантами, активно нарушавшими связь. Устойчивая радиосвязь в то время еще не была широко распространена, гораздо шире использовалась связь проводная, когда телефонный кабель поддерживался шестами. Что стоило человеку пройти вдоль кабеля и повалить поддерживавшие его шесты? Это не требовало ни особого умения, ни специальных инструментов, ни ловкости. А воинская часть, оставшаяся без связи, представляет собой боевую единицу весьма условно. Приходилось задерживать и диверсантов-одиночек, и группы, работавшие и под крестьян-косцов, и под военнослужащих, и под связистов. Большинство из них не ждало от задержания ничего хорошего и оказывало вооруженное сопротивление.

Так что бдительность тех ребят, что в Кировограде пытались задержать меня, была скорее явлением положительным. Гораздо больше примеров, когда досадная непростительная беспечность приводила к тяжелым потерям, к провалам армейских операций.

Будучи в Кировограде несколько дней, я, как сотрудник СПО, выносил постановления по оперативным делам на родственников Троцкого (в частности, на его тетку), которые тогда проживали в Кировограде, по их высылке из города в тыл.

В Кировограде я пробыл недолго: пришло время убыть в Одессу. И вновь на попутных машинах, а больше поездах вместе с группой товарищей я отправился к берегу Черного моря. Большей частью ехали без удобств — в товарных вагонах. По дороге следования нередко попадали под сильную бомбежку.

В Одессу я прибыл 14 июля. Город выглядел абсолютно мирным: работали магазины, кафе, кинотеатры, на улицах продавали мороженое и воду. И только первая бомбежка города, случившаяся вскоре после нашего прибытия, резко изменила город. Вскоре немецким летчикам удалось разбомбить в городе несколько важных зданий и объектов. Было повреждено здание обкома партии, некоторые портовые сооружения, выведен из строя водопровод. Штаб Приморской армии располагался в подземном хранилище пивоваренного завода.

Из этого хранилища вел 800-метровый подземный переход в соседнее здание морского училища, где располагались вспомогательные службы армии.

Несмотря на усилия врага, предполагавшего завоевать господство в воздухе, ему это не удалось. Противовоздушную оборону города в воздухе с начала его обороны, а также наступательные действия вел единственный авиационный полк Одесского оборонительного района — 69-й истребительный. Боевые действия этого полка в осажденном городе были беспрецедентны.

Летчикам приходилось взлетать в непосредственной близости от линии фронта, под постоянным обстрелом артиллерии противника. За два месяца на аэродромах базирования полка разорвалось более тысячи снарядов.

Сражаясь на И-16 до самой эвакуации из Одессы, летчики полка сбили 94 самолета и три планера противника. Еще 20 машин было уничтожено на аэродромах.

«Личный состав 69-го истребительного авиационного полка за период с 22 июня по 8 сентября 1941 года проявил в разгроме фашистских варваров героизм и беспредельную преданность Коммунистической партии и социалистической Родине... 69-й истребительный авиационный полк, нанося противнику сокрушительные удары, обеспечивал нашим войскам выполнение приказа Народного комиссара обороны по защите города Одессы... Бойцы и командиры наземных войск восхищались героическими подвигами летчиков 69-го *иап*», — писало командование ВВС Одесского оборонительного района в представлении полка к ордену Красного Знамени.

Легендарный генерал И.Е. Петров, командовавший одно время Приморской армией, обычно скупой на похвалы человек, отмечая особые заслуги летчиков, в одном из приказов писал: «Летчики 69-го *иап* своей беззаветной преданностью делу Коммунистической партии и храбростью открыли новую страницу в истории нашей боевой авиации».

Возглавлял полк блестящий летчик-ас и новатор Лев Львович Шестаков. Ветеран Испании, дважды орденоносец, он сумел создать один из лучших авиационных коллективов страны.

9-й Краснознаменный Одесский ордена Суворова третьей степени гвардейский истребительный авиационный полк (гвардейское звание было присвоено полку в марте 1943) стал в число результативнейших боевых

Выдано _____ 194 ___ г.

Действительно по _____ 194 ___ г.

ООНКВД ПРИМОРСКОЙ АРМИИ

Личная подпись _____

НКВД—СССР
Особый Отдел НКВД Приморской
АРМИИ

УДОСТОВЕРЕНИЕ № ____

Состоит на службе в Особом отделе НКВД Приморской армии в должности

Нач. ОО НКВД ПРИМАРМИИ

Действительный по предъявлении документа удостоверяющего личность

Комендант Одесского оборон. р-на

„25" августа 1941 г.

Перерегистрирован

„ ____ " _____ 1941 г.

Комендант Одесского оборон. р-на

СССР—НКВ

ПРОПУСК № 583

ПОСТОЯННЫЙ

Воен. звание ст. лейт. г/с

Фамилия Иванов

Имя Леонид

Отч. Георгиевич

Имеет право на вход во ВСЕ здания штаба Одесского оборонительного р-на

КРУГЛЫЕ СУТКИ

Удостоверение, выданное Л.Г. Иванову Особым отделом НКВД Приморской армии в 1941 году (вверху).

Пропуск, выданный Л.Г. Иванову комендантом Одесского оборонительного района в Одессе в 1941 году

полков, на его счету 558 самолетов противника, в его рядах сражались 24 Героя Советского Союза и четверо дважды Героя, 12 летчикам это высокое звание было присвоено за оборону Одессы.

Не раз приходилось наблюдать с земли, как юркие «ишачки» атакуют, а иногда даже сбивают немецкие бомбардировщики. Учитывая, что вооружены они были пулеметами ШКАС пистолетного калибра, мастерство летчиков заслуживает самых высоких похвал.

Еще значительнее изменился город, когда противник стал все ближе продвигаться к городу. Исчезли благодушие и беззаботность, на многих улицах города появились баррикады. В основном баррикады сооружались из наполненных песком мешков. В каждой баррикаде оставлялся узкий проезд для транспорта.

Вскоре появились и трудности с питьевой водой. Водонасосная станция, обслуживавшая Одессу, находилась в Беляевке, в 30 километрах от Одессы, а Беляевка была захвачена немцами.

При продвижении противника к Одессе возникла угроза ее блокады, а затем и полного окружения. В этих условиях начальник Особого отдела Одесского военного округа полковник Пименов собрал весь оперсостав и сообщил, что в связи с угрозой окружения Одессы Особый отдел округа эвакуируется в тыл. В городе создается Особый отдел Приморской армии. Надо было решить вопрос: кто остается в Одессе? Полковник Пименов предложил решить этот вопрос добровольно. Я одним из первых поднял руку.

В Особом отделе Приморской армии, а затем и Одесского оборонительного района я был старшим оперуполномоченным по оперативному обслуживанию узла связи и полка связи.

На узле связи техника в основном состояла из аппаратов типа СТ-35 и Бодо. Работали на узле связи молодые девушки-одесситки. Через них проходила вся

информация с передовой, а на передовую шли приказы командования, через них же поддерживалась бесперебойная связь с Москвой. Короче говоря, девушки на узле связи располагали большим объемом сугубо секретной информации. Поэтому с ними проводилась большая работа по сохранению в тайне известных им сведений, велась борьба с болтовней и по предупреждению сомнительных связей. В ряде случаев с некоторыми из них были проведены профилактические беседы. Были выявлены и задержаны несколько лиц, тайно следивших и пытавшихся проникнуть на территорию узла связи.

Как работник Особого отдела армии, я не раз бывал на передовых позициях и в особых отделах дивизий.

Особенно мне запомнилась поездка в знаменитую 25-ю Чапаевскую дивизию, которая держала активную оборону в районе Дальника. Там по воле случая я принял непосредственное участие в боевых действиях. Шел тяжелый упорный бой, и то, что я тогда увидел, запомнилось мне на всю жизнь. Был солнечный яркий день, цвели сады, где находились позиции дивизии, а вокруг нас постоянно, на протяжении двух часов, через каждые пять-десять секунд рвались мины. Там в кровопролитной, но успешной атаке я видел моряков, переведенных с боевых кораблей и включенных в состав пехоты. Одеты они были как все пехотинцы — гимнастерки и штаны цвета хаки, но когда шли в бой, то расстегивали воротничок, чтобы видна была их морская тельняшка, надевали на голову бескозырки, закусывали ленты и с грозным криком «Полундра!» атаковали. Равняясь друг на друга, эти бойцы не знали страха, и героическая оборона Одессы во многом обязана этим беззаветным и мужественным людям. Противник их смертельно боялся, и это не пустые слова — это видно и из показаний пленных, и из частых ротаций личного состава неприятеля, противо-

стоявшего морякам. Моряков враг прозвал «черной смертью».

Как я уже писал, противник постоянно, днем и ночью бомбил Одессу. Самолеты обычно заходили со стороны моря и извергали на город свой смертоносный груз. Часто с самолетов сбрасывали листовки, где предлагали сдаваться в плен, описывали «сытую и свободную» жизнь пленных. Иногда попадались листовки, где обещалось, что скоро в город въедет сам «Антонеску на белом коне». Эти листовки очень смешили и жителей, и военнослужащих, а на стенах города там и тут появлялись соленые, с «наворотом», карикатуры на эту тему.

Все это были бесплодные попытки врага хоть как-то воздействовать на мужественных защитников Одессы, но, будучи грубыми и прямолинейными, достигали они, на мой взгляд, противоположного эффекта.

Иной раз, проходя по улице при звуках воздушной тревоги или уже при налете, я бывал буквально атакован женщинами. Они догоняли меня, старались идти рядом, хватали за руку. Я как мог успокаивал их, хотя иногда становилось не по себе. Беспокоили, кстати, не бомбы, а осколки зенитных снарядов. При стрельбе зениток они падали из поднебесья и со звоном шлепались о землю. Некоторые были с полкило весом.

Работы было много. Бывали случаи измены. Нередко немцы забрасывали свою агентуру. В первые полгода войны они не утруждали себя агентурной работой, грубо вербуя «агентов» из людей, попавших в трудное, критическое положение. Позднее появятся школы абвера.

Помню, привели неухоженного плачущего мальчишку лет четырнадцати.

Был он жителем одного из недальних сел. Обратил на себя внимание вражеских разведчиков. Те провели работу, припугнули, поставили задачи, указали, где, как и

что смотреть. Предложили продукты, что-то из одежды. Больше в ход шли, конечно же, угрозы — родители мальчишки были в руках у врага, пригрозили расправой.

Мы переговорили с парнем, накормили его, объяснили ему уже наши задачи. До войны он учился в советской школе и был, в целом, советским мальчишкой. К «заказчикам» он вернулся со схемами, предложенными советской контрразведкой. Вскоре вновь перешел линию фронта, с новым заданием.

Сразу пришел к нам. И вновь «выполнение задания» было согласовано с советскими контрразведчиками. Через этого парня было передано противнику определенное количество дезинформации, в частности «особо важной», перед эвакуацией войск Красной Армии из Одессы.

Позволю себе напомнить, что как военно-морская база Одесса приобрела значение лишь в последние предвоенные годы. Сильный Черноморский флот и береговая оборона были в состоянии обеспечить безопасность большинства приморских городов, в том числе и Одессы.

Вступление Румынии в войну было ожидаемым. Но значительное пополнение ее флота немецкими судами оказалось неприятным сюрпризом.

Наркомвоенмор Н.Г. Кузнецов в своей книге «На флотах боевая тревога» пишет: «На Черное море было направлено около 400 военных кораблей и торговых судов, в том числе 6 подлодок, 16 торпедных катеров, 50 десантных судов, 23 тральщика и 26 охотников за подводными лодками.

Столь крупное пополнение румынского флота немецкими кораблями, естественно, доставило немало неприятностей командованию советского флота в период борьбы за Крымский полуостров, Керченский пролив и Кавказское побережье.

Надежность обороны Одессы теперь немало значила для безопасности плавания в ее районе, да и для Днепровской флотилии в случае ее вынужденного отхода в устье Днепра. Поэтому в первые же дни войны командование Черноморского флота предписало командиру Одéсской базы контр-адмиралу Г.В. Жукову немедленно строить оборонительные рубежи и всеми силами готовиться к отражению врага. Это в известной степени повлияло на последовавшее вскоре решение Ставки: возложить ответственность за оборону города на Черноморский флот... Своевременная подготовка к боям за город и четкое взаимодействие Приморской армии и флота позволили надолго сковать здесь восемнадцать дивизий противника».

Первоначально захват Одессы был поручен румынской армии. Попытка румынской армии с ходу взять Одессу провалилась. Известно сатирическое, не в бровь, а в глаз, послание защитников города румынскому приспешнику Гитлера Антонеску: «Не тебе с дурною головою выступать на нас войною...»

Все оборонительные действия в Одессе были в высшей степени продуманы и тщательно организованы. Никакой паники и неразберихи не было.

Адмирал Кузнецов справедливо считает, что успех обороны Одессы во многом обязан флоту: «Можно с уверенностью сказать, что Приморская армия не удержала бы Одессу столько времени без моряков, но и сравнительно малочисленные флотские части тоже не смогли бы заполнить всю линию обороны и долго защищать город. Я не говорю уже о том, что значили в те дни боеприпасы и продовольствие, которые доставляли сражавшимся черноморцы».

Первоначально Отдельной Приморской армией командовал генерал-лейтенант Г.П. Софронов, а в начале

октября его сменил генерал И.Е. Петров[1], командовавший до этого знаменитой 25-й Чапаевской дивизией.

Мне посчастливилось не раз видеть этого замечательного человека.

И.Е. Петров был человеком незаурядным. Высокое дарование полководца, огромный военный опыт и знания сочетались в нем с высокой общей культурой, большой начитанностью и преданной любовью к искусству. Особое место в его мироощущениях занимала живопись.

По свидетельству К. Симонова, в товарищеских отношениях он был с выдающимися советскими живописцами — Павлом Кориным и Уралом Тансыкбаевым. Сам он был неплохим пейзажистом, хотя отзывался о своих работах с «долей застенчивой иронии». По свидетельству того же Симонова, в поиске и спасении шедевров Дрезденской галереи значительная роль принадлежала И. Петрову, к тому времени ставшему начальником штаба Первого Украинского фронта.

Как многие незаурядные люди, он отличался некоторыми особенностями поведения. Так, свои приказы он подписывал «Ив. Петров», ездил на передовой на пикапе, стоя на подножке. Это было неудобно, но позволяло иметь и лучший обзор и, в случае опасности, можно было быстро покинуть машину и залечь. При себе он всегда носил хлыстик, которым постукивал по голенищу сапога.

Все, кто общался с И.Е. Петровым, запомнили, что он часто кивал головой — тик, полученный им после ранения еще в Гражданскую.

---

[1] Иван Ефимович Петров (1896—1958), Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1944), участник Гражданской войны, командующий армиями и фронтами в годы Великой Отечественной войны. После войны ком. войсками ТуркВО, главный инспектор МО СССР, Деп. Верх. Совета СССР *(прим. ред.)*.

Он был исключительно спокоен в самых напряженных и опасных ситуациях. О его личном, «генеральском» мужестве ходили легенды — и в Одессе, и в Севастополе, и на Кавказе... Его военный опыт, повторюсь, был колоссален.

Окончив в 1916 голу учительскую семинарию, а вслед за ней и военное училище, он участвовал в боях Первой мировой войны, весной 1918 года в числе первых вступил в Красную Армию и воевал всю Гражданскую войну.

После окончания боев на польском фронте в западных районах страны ликвидировал многочисленные банды. С 1922 по 1932 год в составе 11-й кавалерийской дивизии сражался с басмачами в Туркестане, затем в Таджикистане и Туркмении.

В боях был несколько раз ранен и контужен. Награжден тремя орденами Красного Знамени: РСФСР, Узбекской ССР и Туркменской ССР.

В обороне блокированной Одессы И. Петров показал себя с самой лучшей стороны. Успешная оборона города, оттягивавшая на себя массу сил противника, организованная четкая эвакуация оборонявших город вооруженных сил стали возможны благодаря полководческому таланту И. Петрова.

Говорят, что И. Сталин относился к И. Петрову настороженно, считал его мастером обороны и скептически оценивал его возможности в самостоятельном проведении крупных наступательных операций.

Интересен и характерен документ, «закрывающий» героические страницы обороны Одессы:

«Командующему Одесским оборонительным районом контр-адмиралу товарищу Жукову.

Доношу: в ночь с 15 на 16 сего октября произведена эвакуация войск Приморской армии. Вывод войск с фронта и посадка на суда проведены в последовательности и в сроки, предусмотренные планом вывода и

эвакуации войск. Войсковые части, производившие посадку в Одесском порту, личный состав погрузил полностью за исключением случайно отставших людей. Материальная часть артиллерии эвакуирована в количестве, превышающем предварительно намеченное по плану. 17.10.41. Петров, Кузнецов».

В словах «в количестве, превышающем намеченное по плану» весь И. Петров.

Эвакуация войск из Одессы была тщательно спланирована и хорошо продумана. И здесь не было никакой паники и неразберихи.

Дорожники установили знаки и выделили провожатых для каждой эвакуируемой части. Части приходили на пирс в заданное время и сразу грузились на суда. На переднем крае остались надежные опытные бойцы, которые вели огонь, создавая видимость присутствия обороняющихся частей,

В то же время к Одессе подошли боевые корабли Черноморского флота и открыли интенсивный огонь из орудий главного калибра по вражеским позициям через город.

Уже после нашего ухода более суток противник не входил в город, опасаясь засад и контрудара со стороны советских войск. Но и здесь они просчитались. Когда немецкие и румынские части вошли в Одессу и, по случаю взятия города, командование устроило банкет в одном из центральных особняков, тот был взорван посредством радиовзрывателя. Работы по закладке взрывчатки были проведены заранее. Была обеспечена скрытность проведения работ, взрывчатка закладывалась внутрь стен и фундаментов, заштукатуривалась и искусственно «состаривалась». Был выбран особняк в центре города, наиболее подходящий для размещения штаба. В проведении этих работ и в осуществлении взрывов были задействованы особисты. В результате взрывов тогда погибли сотни (по разным оценкам, от

250 до 400 человек) солдат и, главным образом, офицеров противника.

Большая работа проводилась военной контрразведкой по сохранению в секрете готовящихся важных боевых операций и мероприятий. Например, после решения Верховного командования Красной Армии об оставлении в октябре 1941 года города Одессы и передислокации войск морским путем в Крым, командованием и нашими органами вся эта работа была организована так, что первоначально противник даже не догадывался об оставлении нами боевых рубежей и, как я уже указывал выше, в течение суток боялся входить в оставленную Одессу, подозревая в этом некий подвох со стороны русских.

Немногие знают о том, что 6 сентября 1941 года под Одессой сложилась особо тяжелая обстановка. Противник по количеству личного состава и технике в несколько раз превосходил наши войска, и сложилась реальная угроза захвата Одессы. Об этом было доложено в Ставку Верховного Главнокомандования. Немедленно из Ставки пришла шифротелеграмма за подписью И. Сталина, где говорилось о том, что Ставка просит, чтобы героические участники обороны Одессы продержались еще три–четыре дня, после чего будет прислано подкрепление.

Обратите внимание: И. Сталин — Верховный Главнокомандующий — не требует и не приказывает, а просит. И просьба возымела большее воздействие, нежели приказ. Она была доведена до всех участников обороны, вызвала большой подъем и энтузиазм. Одесса вновь выдержала натиск врага, и через четыре дня морем из Новороссийска пришли свежие войска.

Приказ Сталина об оставлении Одессы в кратчайшие сроки был издан в начале октября 1941 года. Он основывался на том факте, что противник вплотную подо-

За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ОДЕССЫ

Капитан

Иванов Леонид Георгиевич

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ ОДЕССЫ»

★

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Одессы» вручена „5" июля 1943 г.

Н № 04544

М. П.

Командующий войсками Гармии

Генерал-лейтенант-захаров

(должность, военное звание и подпись лица, вручившего медаль)

шел к Крыму, а Крым был для Одессы основной базой, откуда приходили свежие подкрепления, направлялись вооружения и боеприпасы, куда эвакуировали раненных под Одессой военнослужащих... Подготовку к эвакуации надо было провести в строгой тайне, так, чтобы противник ни в коем случае не догадался об этом.

Были проведены несколько подготовленных дезинформаций противника, достигшие целей. В частности, к противнику, после соответствующей проверки, были направлены две женщины, которые к началу боевых дей-

ствий случайно оказались в Одессе, а все их родственники были на оккупированной территории. Женщинам было дано поручение сообщить командованию противника, что к русским активно поступают свежие подкрепления, роются окопы и противотанковые рвы, в городе возводятся баррикады, строятся дзоты, ночью идет интенсивная разгрузка судов... По нашей рекомендации командование часто отправляло по пыльной дороге в направлении фронта, в основном в район Дальника, где оборону держала славная 25-я Чапаевская дивизия, полуторки с волокушами и без, которые поднимали целые облака пыли и создавали иллюзию активной деятельности и пополнения советских войск на данном участке.

Поздним вечером 15 октября 1941 года в составе группы работников Особого отдела НКВД я ступил на качающуюся палубу парохода «Волга», когда-то принадлежавшего еще республиканской Испании, и под бомбами немецких бомбардировщиков направился в Крым.

Так получилось в моей военно-чекистской деятельности во время Великой Отечественной войны, что я в числе последних защитников оставил Одессу. Но я же был среди тех, кто в составе войск 5-й ударной армии вошел в освобожденную Одессу 10 апреля 1944 года. Жители восторженно встречали нас, радостно кричали приветствия бойцам Красной Армии, бросали и вручали цветы, угощали бойцов нехитрой снедью.

За оборону Одессы я был награжден медалью с тем же названием и с изображением красноармейца и краснофлотца, идущих в атаку. Недавно удалось узнать, что это самая редкая медаль в Советских Вооруженных силах — всего около 30 000 награждений.

Тогда же, в знаменитом районе Пересыпи, я получил орден Отечественной войны II степени.

За несколько дней, что мы были в Одессе после ее освобождения, нам удалось выявить и арестовать круп-

ных предателей и активных немецких пособников. Некоторые из них впоследствии были приговорены к смертной казни через повешение.

Вскоре после освобождения Одессы 5-я ударная армия была передислоцирована под Тирасполь. Ей предстояло участие в Ясско-Кишиневской операции в августе 1944 года.

Боевая задача 5-й ударной армии состояла в том, чтобы войти в Кишинев напрямую в кратчайшие сроки. Эту задачу бойцы 5-й ударной армии выполнили блестяще.

Но вернемся в октябрь 1941 года.

Из Одессы наш путь пролегал на Севастополь. Мы пробыли в Севастополе два-три дня и были направлены на север Крыма — на Перекоп.

Керченская трагедия

Мне довелось немало исходить дорог Великой Отечественной войны. Первые выстрелы по врагу я сделал на границе в три часа ночи 22 июня 1941 года, когда еще советский народ не знал, что война уже началась... Довелось мне присутствовать на подписании капитуляции в Карлсхорсте, среди первых узнать, что величайшая в истории война окончена нашей победой.

Но ни в обороняющейся Одессе, ни в истекающем кровью Сталинграде, ни под Берлином, доставшемся нам столь дорогой ценой, не было так отчаянно тяжело, так беспросветно, так обидно, как в 1942-м под блокированной немцами Керчью...

Как я уже писал в предыдущей главе, в середине октября я покинул Одессу на пароходе «Волга», еще недавно принадлежавшем героической республиканской Испании. После короткого морского перехода мы оказались в Севастополе в самый канун его героической обороны. Марширующие матросы и солдаты, серьезные, спешащие по делам жители, барражирующие в воздухе краснозвездные истребители и налеты немецкой авиации подчеркивали, что Севастополь — прифронтовой город, В самом городском облике, в настроении людей ощущалось, что городу и его жителям предстоит долгая, героическая борьба, окончившаяся лишь за год до на-

шей победы (Севастополь был освобожден советскими войсками 9 мая 1944 года). Его защитниками были совершены тысячи подвигов, в большинстве своем никому не известных. Велики были наши потери, но и ущерб, нанесенный жестокому и циничному врагу, был исключителен.

Генерал-полковник Манштейн, командующий 11-й немецкой армией, с присущей ему самоуверенностью, не поколебленной далее тяжелейшими поражениями, пишет в своей пространной книге — апологетике прусской военщины, что сразу взять Севастополь ему помешали... ну конечно же, дороги, румыны, дожди и «русская зима» (в Крыму?!). Просмотрев книгу Манштейна, вижу в ней прежде всего злобный антисоветский «труд», написанный при поддержке наших бывших союзников, наполненный духом ущемленного честолюбия хорошенько побитого генерала. Немало в книге Манштейна и прямой лжи, например свидетельство о том, что под Феодосией «русские вынесли немецких раненых на берег холодного моря, облили водой и там заморозили». Как участник боев на востоке Крыма, по долгу службы бывший в курсе дел с пленными, заверяю, что подобного не могло быть в принципе, подобное противоречило правилам поведения бойцов Красной Армии.

Из Севастополя мы двинулись на север, к Перекопу, но вскоре, не дойдя до Армянского перешейка, встретили свои отступающие войска. От них узнали, что немцы прорвали наши оборонительные линии на Перекопе и, ликвидируя попытки сопротивления, большими силами движутся к Евпатории, разрезая Крымский фронт на две части — западную и восточную. Большая часть наших войск во главе с И.Е. Петровым стала отходить в направлении Севастополя, а другая, во главе с генералом П.И. Батовым, на Керчь. Так я оказался на Керченском направлении.

...Запомнилось, как мы оставляли Феодосию. Было раннее утро. То, что оно было прекрасным, мешал видеть интенсивный минометный обстрел. Жителей города это не смущало, и они активно запасали продукты, таща из магазинов кто мешок с крупой, кто ящик с консервами. Запомнился один старательный несун: мешок, который он тащил, прорвался, и высыпавшаяся мука оставила яркий белый след до самого дома...

Перед Керчью был знаменитый Турецкий вал. Конечно, мы должны были там организовать оборону, но этого, к сожалению, сделано не было.

Керчь — многострадальный город. Этот город дважды занимался немцами и дважды освобождался нашими войсками. Из этих четырех воинских операций я принимал участие в трех.

Та, первая оборона Керчи ни долгой, ни упорной не была. Из окраинного района Войкова вместе с другими военнослужащими мы эвакуировались через Керченский пролив на косу Чушка. Потом наша часть некоторое время была в станице Крымская, а затем нас перевели в город Тамань.

Там, в Тамани, началась активная подготовка десанта для высадки на Керченский полуостров. Готовилась знаменитая Керченско-Феодосийская операция, которая должна была состояться в конце ноября — начале декабря 1941 года.

Уже тогда, после упорных приграничных боев и организованной обороны Одессы, бросалась в глаза плохая координация войск, отсутствие необходимых вооружений и боеприпасов, при том, что нередко доводилось видеть вооружения дорогостоящие, но требующие иной организации и более необходимые в иной обстановке. Запомнились батареи гаубиц, не имевшие разведанных целей и порой обстреливавшие собственные войска.

В начале ноября 1941 года уполномоченный Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г.И. Кулик выехал

на Керченское направление по личному распоряжению И.В. Сталина. Г. Кулик был одним из пятерых живших тогда Маршалов Советского Союза.

Вопрос стоял в том, чтобы обеспечить взаимодействие войск на Таманском и Керченском полуостровах, организовать надежную оборону на южном участке фронта. Г. Кулик с задачей не справился, но упорно убеждал И. Сталина в том, что все поставленные задачи он решил. Более того, на местах жестким высокомерным поведением он вызывал, мягко говоря, неприятие подавляющего большинства командиров. Ситуация на фронте была критической, Г. Кулик своих промахов понять не мог, да и не хотел и «был передан в руки» Специального присутствия Верховного суда СССР. После краткого разбирательства, где Г. Кулику вменялось в вину, что «в нарушение приказа Ставки и своего воинского долга санкционировал сдачу Керчи противнику и своим паникерским поведением в Керчи только усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде командования крымских войск», он был понижен в звании от Маршала Советского Союза до генерал-майора, лишен звания Героя и других наград, смещен с поста заместителя наркома обороны, выведен из состава ЦК.

Позднее Г. Кулик командовал 24-й армией, служил в Главном управлении формирования войск. Но он постоянно вел жесткие и весьма недоброжелательные в отношении высшего командования и руководства страны разговоры, что, учитывая его звание, не могло пройти мимо внимания офицеров контрразведки. Кулик был снят с должности, вновь понижен в звании и решением Комиссии партийного контроля исключен из партии. Был направлен в Приволжский военный округ. Впоследствии он был расстрелян.

Среди высокопоставленных военных чиновников, признанных виновными в керченской трагедии весной 1942 года, был начальник Главпура РККА, замести-

тель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис (1889—1953). Мехлис не щадил людей, был известен среди командования как человек резкий, решительный, с неуравновешенным характером и почти неограниченными полномочиями, приобретший славу организатора скорых расправ, отчего некоторые офицеры и генералы его просто боялись.

Л.З. Мехлис — участник Первой мировой войны, когда он служил в артиллерийских частях. В 1918 году вступил в ВКП(б). В должности комиссара дивизии, бригады и группы войск участвовал в Гражданской войне. Энергия и упорство Л. Мехлиса были замечены И. Сталиным, и после окончания Института красной профессуры он становится заведующим отделом печати ЦК и одновременно членом редколлегии «Правды». В 1937 г. он был назначен начальником Главного политического управления. Работники этого управления высоко ценили своего шефа, отмечали его исключительную работоспособность, исполнительность, дисциплину, авторитет, который при Мехлисе завоевала эта организация.

Не имея военного образования и слабо разбираясь в армейском руководстве, Л. Мехлис считал, что работоспособностью, жесткостью и волюнтаризмом можно решать даже стратегические задачи. Не считаясь с мнением специалистов и должностных лиц, зачастую требуя выполнения поставленной задачи через головы прямых начальников, что создавало в работе неразбериху, он сводил на нет инициативу руководителей различных рангов, привносил своим появлением атмосферу подозрительности и нервозности. Он вникал даже в специальные вопросы и давал прямые команды по ремонту танков.

Без указаний Л. Мехлиса на Крымском фронте не могли распределяться даже лошади и вооружение! Он правил любые попадавшиеся ему на глаза приказы,

чаще ограничиваясь только литературным редактированием.

Столь же энергично, сколь и поверхностно, он пытался решать и кадровые вопросы. Так, на Крымском фронте ему не понравился начальник штаба фронта генерал-майор Ф.И. Толбухин, будущий Маршал Советского Союза. В начале марта он добился его освобождения. Пытался Л. Мехлис снять и командующего фронтом генерала Д.Т. Козлова. В телеграмме И. Сталину он дал ему просто хамскую характеристику. За что получил от вождя настоящую отповедь. Фактически оттеснив от руководства армией Д. Козлова, Л. Мехлис, несмотря на личную смелость и распорядительность, не смог решить многих первоочередных задач, не смог организовать оборону при достаточных силах.

14 мая он дал Сталину такую телеграмму: «Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать противника. Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной, мы опозорили страну и должны быть прокляты».

К. Симонов, знавший Л. Мехлиса лично и заинтересованно относившийся к его сложной фигуре, писал: «Мне рассказывали, что после керченской катастрофы, когда Мехлис явился с докладом к Сталину, тот, не пожелав слушать его, сказал только одну фразу: «Будьте вы прокляты!» — и вышел из кабинета».

Еще когда поздней осенью 1941 года мы были в Тамани, началось активное формирование частей и подготовка десанта для высадки на Керченский полуостров.

В ноябре — декабре 1941 года высадился знаменитый Керченско-Феодосийский морской десант, перед которым стояла задача овладения Керченским полуостровом. Я в составе батальона из Тамани высадился в районе Керчи в декабре 1942 года. Замысел десанта

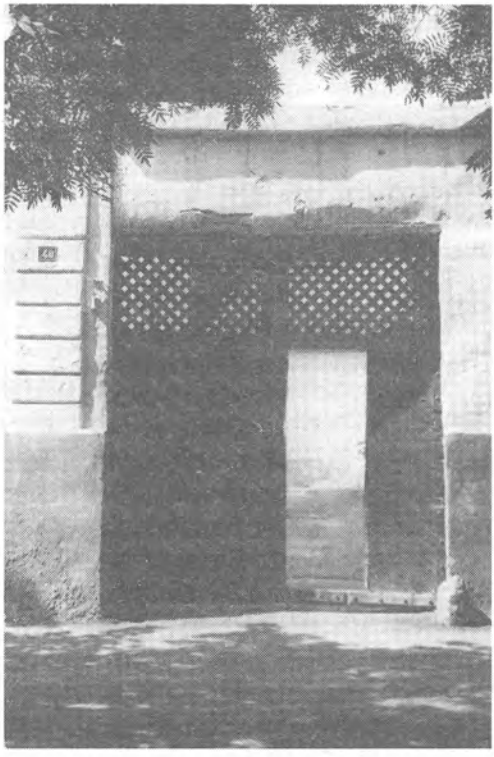
основывался на расчете на внезапность. В значительной степени эти расчеты оправдались.

При погрузке часть батальона разместилась на рыболовецкой шхуне, а мы — на барже, прикрепленной к шхуне тросом. Погода была сложная — ветер, легкий морозец 3—4 градуса. Течением воды из Азовского в Черное море несло большое количество льдин, появилась опасность, что они могут пробить борт и утопить судно. Но нам повезло.

Через некоторое время после отплытия я ощутил на барже запах дыма. Похоже на пожар! Я начал искать, в чем дело, и обнаружил в трюме, откуда шел запах, группу военнослужащих, в основном грузин (из другой, не нашей части), которые прямо на ящиках с боеприпасами разожгли для согрева небольшой костер. Несмотря на достаточно бурный национальный протест, я потребовал прекратить эти, мягко говоря, опасные действия.

К Керчи мы подошли на рассвете. Никто нас, конечно, ни оркестром, ни цветами не встречал. К счастью для нас, для противника наш десант оказался неожиданным. Пирсов для швартовки наших судов не нашли, и мы прыгали в холодную морскую воду, доходившую до груди или до пояса, и спешно выбирались на берег. Было 3—4 градуса мороза. Керчь была очищена от врага.

Запомнился такой трагический случай. Через несколько дней после освобождения Керчи мы шли с комиссаром батальона Ковальчуком в направлении Приморского бульвара. Немецкие самолеты бомбили город. Мы к налетам привыкли и не обращали на них особого внимания. Немного не доходя до поворота на бульвар, я поднял голову и увидел падающую прямо на нас бомбу. Не говоря ни слова (не было времени), я сильно толкнул комиссара в подворотню. Он упал, и рядом упал я. В это время разорвалась бомба, которая точно угодила в стоящий рядом четырехэтажный дом. Дом был разрушен. А в этом доме находился штаб десантно-морской



Город Керчь. Приморский бульвар. Ворота дома, у которых в январе 1942 года ст. лейтенант Иванов попал под бомбежку

части. Многие матросы и офицеры были убиты, многие ранены. Мы с комиссаром были сильно оглушены и легко контужены.

Из дымящихся руин выскочил человек с обожженной головой. Одна его штанина было оборвана, на колене кровоточила большая рана, один глаз висел около носа. Он протянул к нам с комиссаром руки, прохрипел что-то вроде «помогите» и упал. В помощи он уже не нуждался.

После войны, в конце 70-х годов, я был в Керчи, разыскал указанную выше подворотню и сфотографировался на ее фоне вместе с сыном Юрием.

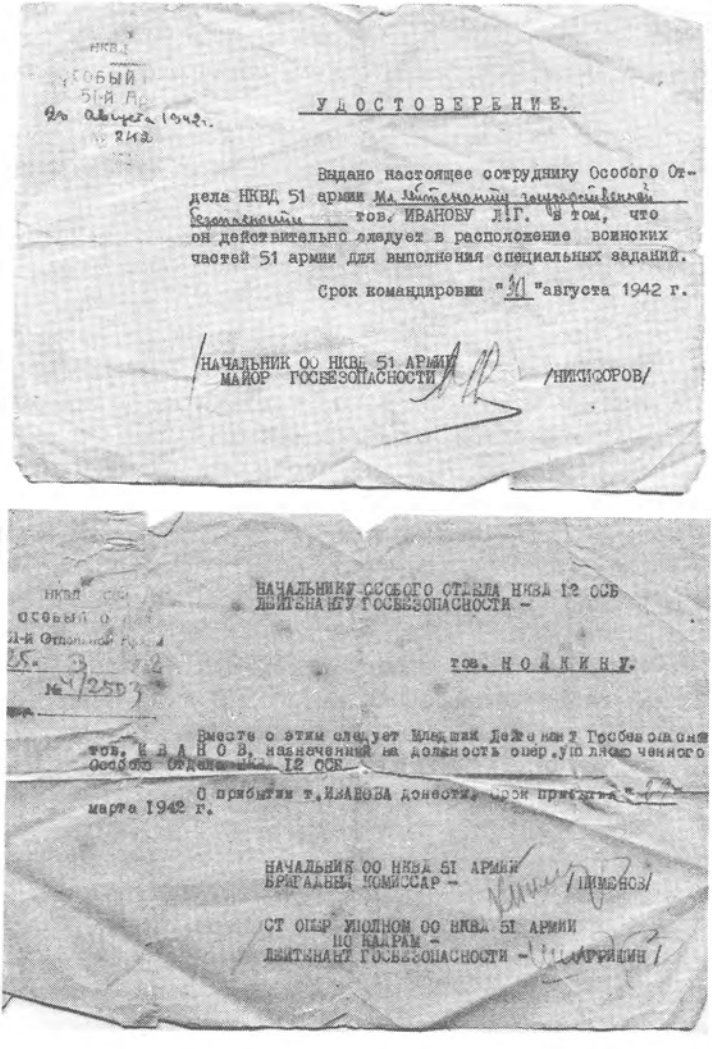
Успех при овладении Керчью во многом был определен тем, что командование и оперработники приняли самые активные меры по обеспечению скрытности при подготовке десанта. Показания пленных подтвердили, что десант явился для немцев полной неожиданностью.

Я был тогда оперуполномоченным батальона и в рамках своих возможностей принимал участие в этой работе.

При вступлении в город Керчь на центральной площади были обнаружены семь повешенных немцами партизан. Во рву под Багерово, в 8 км от Керчи, были найдены семь тысяч расстрелянных советских людей (в основном евреев)! Естественно, что я в числе других сотрудников занимался поиском преступников, совершивших эти злодеяния.

В печати и литературе определенного типа встречаются заявления о том, что контрразведчики сидели в тылу, пили водку и занимались всевозможными неблаговидными делами (здесь уж насколько хватает фантазии авторов). О каком тыле можно вести речь, если я, например, в течение пяти месяцев вместе с батальоном находился на знаменитых Ак-Монайских позициях под постоянным огнем противника. Была поставлена задача — тревожить противника и систематически ходить в атаки. До меня в этом батальоне было убито трое оперуполномоченных.

Фронтовой быт на Ак-Монайских позициях был очень тяжелый. Часто шли дожди. Никаких землянок не было. Все бойцы, включая командование батальона, находились в окопах по колено в грязи. Спать приходилось стоя, прислонившись к углу окопа. Месяцами были лишены возможности поменять белье или искупаться. Вшей было множество. Бывало, засунешь руку за во-



НКВД
ОСОБЫЙ
51-й Ар
20 августа 1942 г.
№ 242

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Выдано настоящее сотруднику Особого Отдела НКВД 51 армии Мл. лейтенанту государственной безопасности тов. ИВАНОВУ Л.Г. в том, что он действительно следует в расположение воинских частей 51 армии для выполнения специальных заданий.

Срок командировки "30" августа 1942 г.

/НАЧАЛЬНИК ОО НКВД 51 АРМИИ
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /НИКИФОРОВ/

НКВД
ОСОБЫЙ О
51-й Отдельной Армии
25. 3 42
№ 4/2503

НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 12 ОСБ
ЛЕЙТЕНАНТУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ -

тов. НОЙКИНУ.

Вместе с этим следует Младший Лейтенант Госбезопасности тов. ИВАНОВ, назначенный на должность опер. уполномоченного Особого Отдела НКВД 12 ОСБ.

О прибытии т. ИВАНОВА донести. Срок прибытия "[illegible]" марта 1942 г.

НАЧАЛЬНИК ОО НКВД 51 АРМИИ
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР - /ПИМЕНОВ/

СТ ОПЕР УПОЛНОМ ОО НКВД 51 АРМИИ
ПО КАДРАМ -
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ - /ГРИЩИН/

Удостоверения Особого отдела НКВД 51-й армии, выданные в 1942 году

ротник гимнастерки и на ощупь, не глядя, вытаскиваешь маленький катышек, состоящий их трех, четырех, пяти вшей... Потом бросаешь этот катышек из окопа в сторону немцев.

С водой было плохо. Во фляги набирали дождевую воду из воронок и клали туда для дезинфекции 2—3 таблетки хлорки...

Вся эта «жизнь» протекала под беспрерывным артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем противника. Помогали все это выдержать молодость и патриотизм, преданность Родине, упорное желание выстоять и во что бы то ни стало победить врага. Здорово помогала и водка, которая выдавалась по приказу И. Сталина по 100 грамм ежедневно. Правда, мы пили по целой кружке. Водка хорошо дезинфицировала кишечник и помогала от всяких инфекций.

Между прочим, зачастую привозили не водку, а какой-то сырец. По-видимому, спирт перевозили в цистернах, где до этого возили бензин. Поэтому водка имела специфический, бог знает какой запах.

Питание же было нормальное. Ночью старшина приползал к командному пункту батальона и приносил термос с горячей пищей. На день он оставлял хлеб, колбасу, лук, яйца, иногда маринованные огурцы, еще что-то. Это сейчас бывает, что солдаты голодают и нередко у прохожих спрашивают деньги, чтобы купить себе хлеб. Тогда такого не было. После ужина я обычно устраивался в углу окопа и полусидя-полулежа, накрывшись плащ-накидкой, ненадолго засыпал. Часа в 2—3 ночи я просыпался, снимал с себя плащ-накидку, шинель и оставался в одном ватнике. Ведь надо было выполнять свои непосредственные задачи оперработника. Это значит, что надо было непосредственно встречаться со своими людьми, а они находились в окопах, непосредственно на переднем крае. Поэтому я был в облегченной одежде, чтобы легче было перебираться от окопа к окопу. Обыч-

Керчь, район Маяка. Л.Г. Иванов у валуна, где он собирался застрелиться 19 мая 1942 года, чтобы избежать плена

но в таких случаях я не любил ползать по-пластунски, а делал короткие перебежки. Противник, как правило, ночью не вел минометно-артиллерийского огня. Немцы обычно бросали осветительные ракеты и стреляли из пулеметов трассирующими пулями. Такая очередь была хорошо видна. Поэтому, когда она приближалась ко мне, я мгновенно ложился на землю и слышал над головой только свист пуль. Особенно неприятны были ракеты. Они освещали местность мертвенным и очень ярким светом. От этого света ложились длинные тени от любой мало-мальской кочки. Горящая осветительная ракета создавала гнетущее состояние и, главное, сильно слепила.

...Побеседовав накоротке со своими людьми, я уже мог знать, кто вынашивал изменнические или дезертирские намерения, каково вообще моральное состояние личного состава и т.д. По этим данным давалась соот-

ветствующая информация командиру и комиссару батальона для принятия необходимых мер, если в этом была нужда.

Если кто-то вынашивал изменнические намерения с целью бегства к противнику, то этого человека убирали с переднего края и переводили в тыл батальона, чтобы не допустить измены.

Одно время ко мне стали поступать сведения, что группа солдат умышленно стала говорить о побеге к немцам, с тем чтобы по моей информации их перевели в тыл и они остались бы живы. Поэтому в подобных случаях приходилось основательно разбираться и настойчиво, разными путями перепроверять первоначальные сведения.

На всю жизнь мне запомнилось 9 апреля 1942 года. В этот день войска Крымского фронта перешли во всеобщее наступление. Наступление окончилось неудачей, мы понесли тяжелые потери. Воевать как следует мы тогда еще не умели. Боевое настроение войск не отвечало условиям тогдашней войны.

Командующий фронтом Д. Козлов был неплохим боевым генералом, но его подмял под себя член Военного совета Л. Мехлис, который был очень неважным стратегом. Нечеткое противоречивое руководство отрицательно сказалось на ходе боевых действий.

Наш батальон входил в состав 13-й стрелковой бригады, известной тогда всему фронту. В наступлении бойцы батальона проявили отвагу и мужество. Но противник вел интенсивный огонь всеми огневыми средствами. С большим трудом комиссару батальона и мне удалось поднять личный состав в атаку. В этот момент на наши позиции, по ошибке, обрушился огонь артиллерии и нашей бригады. Как впоследствии выяснилось, начальник артиллерии бригады был пьян и не мог управлять огнем. На следующий день он был расстрелян перед строем

начальником Особого отдела бригады Нойкиным. Наш батальон понес большие потери — около 600 человек убитыми и ранеными, причем до немецких позиций наши цепи так и не дошли. В ходе атаки мне и еще одному солдату удалось добежать до немецкого ограждения. К тому времени атака захлебнулась, и нам целый день пришлось пролежать в воронке от крупнокалиберного снаряда — дожидаться, пока стемнеет. С наступлением темноты нам удалось вернуться в расположение батальона, вернее, того, что от него осталось. В этот раз я был сильно контужен в голову, но в госпиталь не пошел. Головокружение, рвоту, общую слабость перенес на ногах под наблюдением батальонного фельдшера.

Что касается больших потерь, понесенных батальоном, то в какой-то степени это объясняется неправильным боевым построением. Вот, скажем, батальон идет в атаку. Две роты впереди, а третья рота у них в тылу, на небольшом расстоянии. В этих ротах два взвода впереди, а третий — сзади. То же с отделениями. Получается эшелонирование личного состава в глубину.

Те солдаты, что бегут сзади, не могут стрелять, так как впереди свои. А первая, важнейшая цепь солдат получается необоснованно разреженной.

Противник же бьет из орудий и минометов, квадратно-гнездовым способом (как мы тогда говорили) по всей площади расположения батальона, и солдаты гибнут в массовом количестве, порой не сделав ни одного выстрела.

Уже потом, где-то в сентябре 1942 года, когда наши войска вели бои под Сталинградом, был приказ И. Сталина об изменении построений боевых порядков пехоты при наступлении. Дела сразу пошли намного успешнее, значительно меньше стало бесполезных потерь.

Следует заметить, что в составе Крымского фронта было много представителей кавказских народов, среди

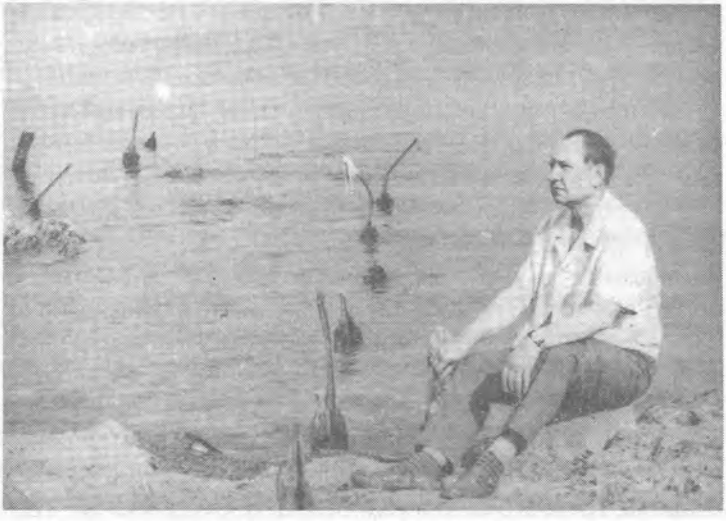
них армян, грузин, азербайджанцев. Особенно плохо воевали последние. Многие из них дезертировали в массовом порядке.

На вопрос: «Почему бежал?» у всех них был один и тот же ответ: «Курсак (желудок) больной». Многие в окопах замерзали, хотя мороз не превышал 4—5 градусов. Идя в атаку, они винтовку засовывали под мышку, руки — в рукава шинелей и — вперед. Если один из них был убит или ранен, то находившиеся рядом останавливались, садились на землю, образовывая живой круг, и выражали свое горе жалобными криками: «Вай, вай, вай...». Противник, видя неподвижную кучку солдат, открывал прицельный огонь и быстро уничтожал всех.

На фронте азербайджанцев презрительно называли «ялдашами», хотя это слово по-азербайджански обозначает «товарищ».

8 мая 1942 года в наступление на нашем участке фронта перешли уже немецкие войска. Авиакорпус Рихтгоффена рано утром нанес мощный бомбовый удар на узком участке левого фланга нашего фронта. Был пасмурный дождливый день, казалось, все было смешано и уничтожено. В этот узкий участок немецкое командование пустило свои танки. Так как весь фронт по протяженности составлял всего 21 километр, то танки быстро вошли в тыл всего фронта, порвали линии связи, которые в большинстве своем были проводными и обеспечивались так называемыми КШР (кабельно-шестовыми ротами).

Командование не только полков, дивизий и армий, но и фронта в целом потеряло управление войсками. А нет управления — нет армии. Началось беспорядочное отступление и массовое бегство в направлении Керчи — к Керченскому проливу. Это была страшная и тяжелая картина.



У остатков пирса в Керчи, в районе Маяка. На этом пирсе в мае 1942 года мне довелось быть руководителем переправы раненых военнослужащих на кубанский берег

Наш 3-й батальон 13-й отдельной стрелковой бригады отходил последним, более или менее организованно. Никогда не забуду, как в районе Кенегеза (татарское название населенного пункта) мы увидели наши брошенные тяжелые гаубицы и много-много штабелей со снарядами. Личного состава не было. Боевые позиции были оставлены. И такая картина была всюду, по всему фронту.

По моему настоянию командир батальона капитан Перевертай дал команду занять оборону на одной из сопок. Хорошо было видно, как шли на нас немецкие цепи. Шли спокойно. Кто-то поднимал что-то с земли, кто-то отшвыривал банку, кто-то оправлял амуницию, и тем не менее непрерывно стреляли, но пули были на излете и вреда не приносили. Слева и справа обходили сопку немецкие танки, обстреливая нас болванками (видимо, не было снарядов).

Болванки летели низко, с противным визгом. Создавалось впечатление, что вот-вот они ударят тебя по коленям. И тут среди личного состава началась паника.

Смотрю, побежал один солдат, потом поднялись и побежали сразу трое, потом стали подниматься и бежать еще более многочисленные группы.

Командир батальона Перевертай сидел на каком-то камне растерянный, безучастный, с отсутствующим взглядом. Губы у него пересохли, и он судорожно облизывал их языком. Я подскочил к нему, схватил за грудки:

— Ты что? Именем советской власти, расстреляю, если не возьмешь себя в руки!

Конечно, я не думал его расстреливать (хотя право такое имел), мне надо было вывести его из шокового состояния, из прострации. Задержал возле нас одного, второго, третьего из бегущих бойцов. Они залегли, стали отстреливаться. Перевертай встрепенулся, пришел в себя. Вскоре возле нас залегло уже несколько десятков человек. Бег прекратился. На наши позиции возвращались люди, бежавшие ранее (те, что остались в живых). Положение было спасено. До Керчи наш батальон отходил с боями, но на подходе к городу под непрерывными ударами он распался.

17—18 мая противник прижал нас к берегу Керченского пролива. Я оказался за Керчью, в районе Маяка. Велся беспрерывный обстрел кромки берега, на котором находились толпы людей. Отдельные снаряды выкашивали целые отделения. Многие стрелялись, другие открыто выбрасывали партбилеты, кто-то срывал с себя петлицы. Там и тут валялись останки — руки, головы, человеческие ноги.

На обстреливавшемся берегу кипела лихорадочная и беспорядочная работа. В ход шло все, что могло держаться на воде. Из досок и бочек сколачивались плоты, надувались и тут же пускались в плавание автомобильные камеры, несущие подчас целые отделения. Там и

тут, держась за бревно или какой-нибудь ящик, плыли по воде люди. Другие пускались вплавь сами, прыгая в холодную воду пролива. Люди шли на огромный риск, чтобы попасть на кубанский берег.

Сильным течением из Азовского в Черное море многих пловцов уносило вдаль от берегов, где их ждала гибель. Этих несчастных людей были сотни и тысячи. День и ночь ужасающие вопли и крики стояли над проливом. Картина была жуткая.

Началась настоящая агония. В нашем распоряжении оставалась небольшая полоска берега — в 200—300 метров. При появлении немецких цепей я встал за большой валун и решил застрелиться, чтобы не попасть в плен. В этот момент на небольшой высотке, совсем рядом, неожиданно появился здоровенный моряк в бушлате, брюках-клеш, бескозырке. Потрясая автоматом, он громко закричал:

— Братцы! Славяне! Отгоним гадов-немцев! Вперед! За мной! У-р-р-ра!

Наверное, никто не обратил бы на него внимания, но тут, рядом, неизвестно откуда появился военный оркестр и заиграл «Интернационал». Все военнослужащие, здоровые и раненые, в едином порыве рванулись на врага и отогнали его на 3—4 километра от берега.

Я случайно встретил в боевой цепи своего начальника Нойкина и получил срочное задание возглавить переправу раненых на кубанский берег, в район косы Чушки. Выполнить поставленную задачу было очень трудно. Дело в том, что район Маяка, откуда шла эвакуация, усиленно обстреливался противником из всех огневых средств. На берегу же скопились десятки тысяч военнослужащих. Никакого управления людьми, никакой дисциплины не было. Каждый отвечал сам за себя. Царила всеобщая паника.

На берегу пролива оставался только один дощатый пирс для швартовки рыбацких шхун, которые теперь

перевозили людей. По бокам пирса были потоплены две шхуны. Для швартовки оставался свободным только торцевой конец пирса. Все стремились туда, как к последней надежде на спасение.

С пирса было видно, что в морской воде находится большое число трупов, почему-то они были в вертикальном положении. Кто был в шинели, а кто в ватнике. Это были убитые или утонувшие наши люди. Была небольшая волна, и создавалось впечатление, что они как бы маршируют. Страшная картина. Многих она толкала на безрассудные поступки и отчаянные действия.

Напиравшую на пирс дикую неуправляемую толпу приходилось сдерживать силами нескольких человек. На подходившие шхуны мы помещали только раненых. Были случаи, когда под видом раненых пытались пробиться и здоровые. Некоторых из них приходилось сдерживать оружием. Суровая мера, но иного выхода не было.

Был, например, случай, когда четверо здоровых солдат-грузин несли над головами носилки и кричали:

— Пропустите! Пропустите! Мы несем раненого полковника — командира дивизии!

Действительно, на носилках лежал офицер, с четырьмя шпалами на петлицах и перевязанной головой. По его внимательному, настороженному взгляду у меня возникло сомнение — а действительно ли этот человек ранен?

Я приказал положить носилки на пирс и развязать бинт. Никакого ранения не оказалось. Я был в ярости. Вид у меня, наверное, был страшный: на голове каска, несколько дней не бритый, не спавший и не евший. Силы я поддерживал тогда с помощью фляги, наполненной смесью морской воды, сахара и спирта.

Периодически я делал из фляги 2—3 глотка.

Все мы на этой узкой полоске берега находились между жизнью и смертью. В любой момент каждый из

нас, живых, мог оказаться среди тех, кто был виден в воде. Тем большее возмущение среди тех, кто находился около пирса и видел картину происходящего, вызвал шкурный, трусливый поступок этого «офицера». Военнослужащие яростными криками требовали от меня расстрела полковника, в противном случае грозили расправиться со мной. При таких обстоятельствах я, как оперработник, имевший право расстрела при определенных экстремальных условиях, поставил полковника на край пирса, левой рукой взял его за грудь, а правой достал пистолет. И тут я увидел, что полковник мгновенно поседел. У меня что-то дрогнуло в душе. Я сказал ему, что выстрелю, но выстрелю мимо, а он пусть падает в воду, словно убитый, и там выбирается как может. Дальнейшей его судьбы я не знаю.

Переправа продолжалась три-четыре дня. Катера и шхуны подходили нерегулярно. Иногда их не было по 5—6 часов. Все это усиливало напряженность в большой массе скопившихся военнослужащих и желание во что бы то ни стало сесть на вновь подходящее судно.

21 мая все было кончено. Противник вновь подошел близко к кромке берега. Ну, думаю, пора стреляться, лучше на пирсе. Под Керчью остались в плену сотни тысяч военнослужащих. Мне самому совершенно случайно удалось уйти с последней, неожиданно подошедшей шхуной, и застрелиться я не успел. Пожилой капитан, он же моторист шхуны, знал меня лично — три или четыре раза он приходил за ранеными.

— Молодой человек, — печально и спокойно сказал он мне. — Это последняя шхуна. Больше не будет.

Я с трудом сел в шхуну, через несколько секунд противник открыл по нам прицельный пулеметно-винтовочный огонь, несколько человек было убито.

Мне удалось заползти за какой-то судовой ящик и тем самым спастись. Полузатопленная, с большим креном на борт, шхуна дошла все же до песчаной косы Чуш-

ки. До сих пор жалею, что не запомнил фамилию того героического капитана, спасшего жизни сотен военнослужащих, и в их числе мою.

В районе Керчи в тот же период находился Петр Иванович Ивашутин, впоследствии Герой Советского Союза, генерал армии, зам. начальника Генштаба, начальник ГРУ. Во время керченских боев он был заместителем начальника Особого отдела армии. Это был замечательный человек — умный, профессионально подготовленный, сдержанный, мужественный... После войны мне посчастливилось работать вместе с ним в Германии, а потом в центральном аппарате в Москве. Мы поддерживали самые теплые отношения до его последних дней. Встречаясь, мы часто вспоминали войну и говорили только о Керчи. Память о той трагедии тяжким грузом осела в душе навсегда.

Дни нашего вторичного поражения под Керчью были для многих бойцов Красной Армии невыносимо тяжелыми — и в моральном, и в физическом плане. Многие остались там навсегда. Из всех дней Великой Отечественной войны для меня те две недели под Керчью были самыми тяжелыми.

Как сотруднику контрразведки, мне пришлось там самостоятельно решать необычные, сложные, порой жестокие задачи, пришлось собрать в кулак все свое мужество, всю волю, все силы.

Овладев Керчью, противник бросил все освободившиеся силы на Севастополь. После упорной, кровопролитной и героической обороны Севастополь был оставлен. В связи с этим коренным образом изменилась в пользу немцев вся обстановка на юге России. Вот к чему привела нас кровавая трагедия под Керчью.

Переправившись на косу Чушка, я упал на влажный песок и проспал часов 10—12.

После длительного сна на влажном песке сильно захотелось пить. На косе Чушка шириной где 50, а где

и 100 метров никаких колодцев не было. По пути к кубанскому берегу нашел лужу с водой, потом заметил воду в следах тележных колес. Вода эта была дождевая: желтоватая, с обилием дождевых червей. Именно тогда я понял, почему дождевые черви носят свой эпитет. Чтобы напиться, требовалось определенное искусство, заключавшееся в том, чтобы, попив водички, не заглотить дождевого червя: когда делаешь первый глоток, вода сразу мутнеет, и не видишь, где находятся черви. Таким образом немного удалось утолить жажду.

В конце косы Чушка, на кубанском берегу, находился Кордон Ильича (название этого места я узнал позже). Здесь я увидел колодец и обнаружил привязанное ведро с водой. Помню, что был страшно удивлен и обрадован, увидев чистую и прозрачную воду. Вода была настолько чистой, что сквозь ее искрящуюся прохладную толщу виднелось дно ведра. Кроме того, вода эта оказалась удивительно вкусной. От этой роскоши я давно отвык. Тут уж я напился вдоволь и всласть. Понемногу начал приходить в себя.

На главной дороге к Краснодару был оборудован продовольственный пункт. Всем шедшим от Крыма людям давали полбуханки черного хлеба и две банки консервов. К сожалению, у меня нечем было их открыть.

В районе города Темрюка меня остановили офицер и двое солдат. Офицер сообщил мне, что по приказу командира дивизии я должен сдать им свое оружие «для частей дивизии». Такой оборот дел меня не устраивал, и я твердо заявил им, что не являюсь офицером этой дивизии, что приказ ее командира для меня не закон и что оружия я сдавать не буду. Тогда офицер заявил, что оружие мое они отберут силой, а меня арестуют за невыполнение приказа.

Я заявил, что никаких противоправных действий не совершил, что их намерения в отношении меня являются незаконными и что если они начнут их осуществлять,

то я в порядке самообороны, как офицер особого отдела, буду вынужден применить оружие. С этими словами я взял пистолет в руку.

Не ожидая подобного поворота событий, они молча переглянулись между собой, а я круто развернулся и пошел своей дорогой, не очень хорошо себя чувствуя со стороны спины.

Как потом мне стало известно, подобные мероприятия по изъятию оружия у отходящих военнослужащих имели место и на других участках фронта и порой заканчивались трагически.

Идя по дороге в Краснодар, я все время размышлял о событиях в Крыму под Керчью. В целом мысли мои, конечно, были невеселые. С одной стороны, мне, конечно, повезло, что удалось благополучно вырваться из смертельного пекла, из ада, а с другой — угнетали мысли о том, что и я, конечно, в чем-то виноват в развитии тех страшных трагических событий весной 1942-го.

Бывший на Крымском фронте в качестве корреспондента замечательный советский писатель К.М. Симонов в своей книге «Разные дни войны» очень правдиво и точно описывает неудачные действия наших войск под Керчью. В какой-то степени он раскрывает причины нашего тяжелого поражения тогда.

Проникновенны и близки его слова о людях, участниках тех далеких сегодня событий: «Перечитывая свои записи, я с горечью вспоминаю многих людей, которые погибли в ту весну в Крыму, не дошедших ни до Сталинграда, ни до Курской дуги, и так и не успевших увидеть, как меняется война, как она поворачивается с Востока на Запад».

Кстати говоря, у меня была краткая встреча с К. Симоновым в 1945 году в Карлсхорсте, во время подписания Акта о капитуляции Германии. Он выглядел молодым, энергичным, восторженным. Он произвел тогда на меня сильное впечатление, хотя и был слегка подвы-

пившим... Но не он один был в таком состоянии. Это по-человечески понятно. Наступал конец войне, пришла долгожданная Победа!

Конечно, к моей радости, я не раз встречал потом на войне тех, кто остался в живых, пройдя через трагическую крымскую эпопею весны сорок второго. Но о ней даже в дни самых больших наших побед мы не любили вспоминать.

На разные воспоминания тянуло людей во время войны, в том числе и на трудные. Но на воспоминания о случившемся тогда на Керченском полуострове — нет, не тянуло. Другие же, их было меньшинство, вспоминали только те события, вся остальная война меркла в их памяти.

Вспоминая тяжелые бои в Крыму, не могу не отметить, что большую помощь немецким войскам там оказывали татары. Из татар создавались целые национальные отряды, которые воевали на стороне немцев.

Хорошо зная горную местность, они помогали немцам выслеживать и убивать партизан, выявлять их замаскированные склады с оружием и продовольствием.

Бывший начальник политотдела родимцевской дивизии Федоренко во время моего пребывания в Венгрии рассказывал мне, что он партизанил в Крыму, где был свидетелем многих кровавых акций, проводимых татарами, когда без всяких оснований они расстреливали людей только за то, что те были русскими.

Со мной также произошел в Крыму памятный случай в октябре 1942 г. При отходе от Перекопа наш батальон остановился в селе Изюмовка, километрах в 20 севернее Феодосии. Утром батальон снялся и ушел, а мы с комиссаром Ковальчуком задержались, уже не помню по какому поводу. Я зачем-то зашел в сарай, там на меня неожиданно напал здоровый татарин и стал душить. Завязалась драка. На шум прибежал комиссар Ковальчук

и, изловчившись, застрелил татарина. После этого на тачанке мы поехали догонять батальон.

Считаю правомерным решение И. Сталина о выселении татар за их многочисленные злодеяния из такого стратегического региона, каким был и остается Крымский полуостров.

Крым не является исконно татарской землей. Они пришли туда как кровавые завоеватели. Выселение татар из Крыма было актом восстановления исторической справедливости. Нечего говорить о том, что весь татарский народ в Крыму не был виноват. А русский народ был виноват, когда во время татаро-монгольского нашествия его убивали и жгли?

Еще великий А.С. Пушкин заметил, что «татары иссушали душу русского народа».

Сталинград

После крымской трагедии я пешим порядком прибыл в город Краснодар, где находилось Управление Особых отделов Северо-Кавказского фронта. Со мной были партбилет, удостоверение личности и оружие. Поэтому мне не было высказано никаких претензий. Вскоре я был назначен старшим оперуполномоченным Особого отдела 302-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в станице Мышастовская. Но пробыл я в этой дивизии совсем немного, наверное, где-то около месяца. Приказом по Управлению Особого отдела фронта я был назначен ст. оперуполномоченным Особого отдела 51-й армии, находившейся в станице Мечетинская (в 70 км южнее Ростова). Работал я в 4-м отделении. Отделение было ведущим в отделе, т.к. оно занималось руководством особых отделов корпусов и дивизий, оказанием конкретной помощи в оперативной работе, контролем и проверкой.

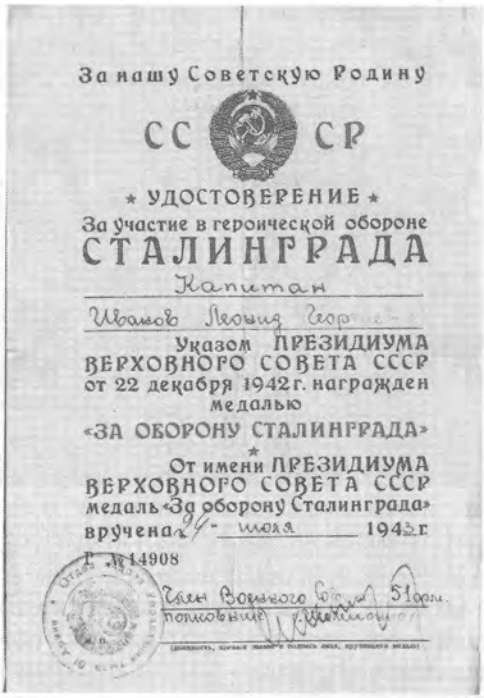
Вскоре после Керчи, когда я прибыл в станицу Мечетинская, что под Ростовом, и в течение двух-трех дней обжился, у меня вдруг сильно заболели стопы ног, так что нормально ходить я не мог. Дело осложнялось тем, что, несмотря на все свои старания, я не мог снять сапоги. Не помогла и помощь ребят. Позвали на подмогу сотрудниц особого отдела. Одна из них, в прошлом медсестра, убедившись в тщете силовых приемов, реши-

тельно взяла в руки ножницы и разрезала голенища моих верных сапог сверху донизу, решительно оторвала лохмотья и ловко сняла с ног то, что секунды назад было сапогами.

Глянув на мои ноги, присутствующие охнули. Те места ног, что закрывали голенища, были полны вшей. Меня спросили, когда я в последний раз мылся. Ну, купался-то я часто — и во многих встречных речках, и даже в Керченском проливе. А вот мыться-то мне довелось давно, с полгода назад, в устроенной из подручных средств полевой «бане».

Рассказ о моей убогой санитарии повлиял на наших решительных сотрудниц. Переглянувшись и, по-моему, не сказав ни слова, они взяли меня в плотное кольцо и стали куда-то теснить. Несмотря на мои возмущенные выкрики и попытки физического сопротивления, они скоро приволокли меня в сарай и, сорвав ветхую одежду, принялись мыть. Горячей воды, конечно, не было, тогда она бывала, наверное, только в чайниках, в качестве мочалки использовали пучок соломы... С шутками и прибаутками, чтобы я не очень смущался, их ловкие натруженные руки быстро сделали свое дело, и я — забытое ощущение — вновь почувствовал себя человеком. Надев принесенное мне кем-то белье, облачившись в штаны, гимнастерку и неизвестно откуда появившиеся сапоги, не новые, но явно не уступавшие по качеству моим старым, затянув на животе свой видавший виды ремень, я, будто заново родившись, от всей души благодарил девушек за их «банную» заботу.

Удивительно, но об этом необычном и в какой-то степени пикантном случае я напрочь забыл, и напомнила мне о моем вынужденном купании в тот весенний день на нашей недавней встрече Тоня Хрипливая (по мужу Буяновская) — в те далекие годы секретарь отдела. Сидя за столом, она со смехом, очень картинно и с хорошим юмором вспомнила обстоятельства забытой мною по-



За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

СТАЛИНГРАДА

Капитан

Иванов Леонид Георг...

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Сталинграда» вручена 9- июля 1943 г.

№ 14908

Член Военного Совета 51 армии
полковник

мывки. Напомнила она и о том, что девчонки порой отпускали в мой адрес:

— Ну, Леня, ты теперь наш! Пойдем с нами купаться.

...Где-то в районе Тундутово летом 1942-го я был в оперативной командировке в расположении стрелкового батальона. В это время на участке фронта, вверенном батальону, немцы начали наступление. В такой критический момент было неудобно покидать батальон, и я принял участие в бою. Когда атака противника захлебнулась и все улеглось, я выполнил предписанное мне задание и убыл в отдел.

Несколько дней спустя после этого начальник Особого отдела 51-й армии полковник Никифоров, собрав

в какой-то избушке весь оперсостав отдела и обсудив какие-то текущие вопросы, в резкой, даже грубой форме высказал в мой адрес свои замечания. Оказывается, батальон, куда я попал в районе Тундутово, остался без питания, и теперь полковник Никифоров сурово высказывал мне претензии, почему я не обеспечил питанием батальон, при этом обзывая меня бюрократом, формалистом и безответственным человеком. Не выдержав столь резкой и огульной критики, несправедливой, с моей точки зрения, я в свою очередь возразил, что я оперработник, что мои задачи определены положением об особых отделах, где ничего не сказано об общепитовских функциях оперативников. Обеспечение питанием — дело интендантов, тыловых офицеров, а не мое. Распалившись от несправедливых слов, я высказал претензии Никифорову: армия отступает в беспорядке, порой царят паника и неразбериха. Почему же Никифоров, как начальник особого отдела армии, не принимает действенных мер к прекращению такого тяжелого положения вещей, ведь это-то как раз входит в обязанности начальника особого отдела.

Никифоров страшно на меня разозлился, покраснел, обозвал меня последними словами и к вечеру дал приказ: во главе группы солдат, на автомашине, следовать в южном и юго-восточном направлении, останавливать отступающие в беспорядке части, группы и отдельных солдат, направлять их для сбора в район Сталинграда.

В середине июля 1942 года немецкие войска заняли Ростов и Новочеркасск. Это стало большим потрясением для армии и страны в целом. Противник сравнительно легко овладел указанным крупнейшим стратегическим районом.

Дело было в том, что наш фронт на Дону оказался очень слабым и по численности войск и по вооружениям. Помню, как один из руководителей особого отдела дивизии докладывал, что дивизия имеет всего 700 че-

Апрель 1943 года. Южный фронт. Группа оперработников контрразведки «Смерш» 51-й армии: Л.Г. Иванов — в первом ряду слева; справа — Журба; за ним — Гинзбург; слева от Гинзбурга — Г. Буяновский

ловек личного состава, что недостаток стрелковых вооружений вопиющ, что до 20% бойцов не имеют в руках даже винтовки и вынуждены дожидаться, пока убьют соседа, чтобы воспользоваться оружием последнего. Многие из солдат и офицеров этого фронта побывали в аду Керченского полуострова, пережили там тяжелейшую трагедию и в моральном отношении не были достаточно устойчивы.

Немецкое командование в р-не Константиновки соорудило понтонный мост и пустило по нему танки на левый берег Дона. Некоторые танки были камуфлированы для маскировки нашими надписями по бортам «За Родину», «За Сталина», враг использовал тогда значительное количество заранее собранных и подготовленных трофейных танков Т-34 и БТ. Танковая армада, вырвавшись на оперативный простор, пошла гулять по донским

степям, расчленяя и уничтожая отдельные части, лишая их связи друг с другом и с командованием. Отдельные танковые группы противника, сея панику, вышли к Волге и были остановлены за 200—300 км от линии фронта. В этих тяжелейших условиях, когда над нашей страной нависла смертельная угроза порабощения, был издан знаменитый приказ И. Сталина № 227.

После сдачи Ростова и Новочеркасска отступление по бескрайним донским степям проходило беспорядочно. В крови и поту, в жаре и бесконечной пыли по степям бродили какие-то части или даже группы вооруженных людей. Многие не имели никаких указаний: ни куда идти, ни кого искать, ни где закрепляться. Порой встречались какие-то дикие группы солдат. Как цель следования называли почему-то Элисту — столицу Калмыкии. Командование не имело с этими группами никакой связи, порой просто не знало о их существовании.

Однажды мы задержали какого-то одинокого высокого человека, пожилого, интеллигентного вида, одетого в деревенские штаны, рубаху и лапти. В руках он нес висящий на веревочке горшок с водой. Спрашиваем его: кто он такой?

Отвечает:

— Я — такой-то, командир дивизии. Дивизия была разбита в степях под Ростовом, из личного состава многие погибли. Другие разбрелись кто куда.

Спрашиваем:

— Как вы докажете, что являетесь командиром дивизии?

Старик тяжело вздохнул, сел прямо на землю и снял лапоть. Из-под стельки он достал удостоверение личности, партбилет и звезду Героя Советского Союза.

Мы не имели времени заниматься его проверкой, сказали только, чтобы он шел в направлении Сталинграда. Снабдили его картой, дали поесть...

В начальный период войны, когда наши войска отступали, было множество ложных, панических и просто провокационных слухов. Как правило, это были слухи о высаженных мощных десантах, о танковых колоннах, беспрепятственно движущихся в нашем глубоком тылу, о перерезанных путях отступления и т.д. и т.п. Что в таких случаях надо было делать командованию наших войск? Посылать в заданном направлении мобильные развед-группы с хорошей связью, которые были в состоянии оценить наличие и силы противника. На деле же в места предполага́емого появления противника посылались войска — полк, а то и дивизия. Наши силы распылялись, впустую терялись время, горючее и силы, нарушались планы командования. Все это отрицательно сказывалось на ведении боевых действий.

Вести борьбу с такими ложными слухами на деле было очень сложно и даже, я бы сказал, невозможно. Того, кто первым сказал «а», установить, как правило, не удавалось. Во всяком случае, в основе и самих этих слухов, и их быстрого распространения были всеобщая паника и растерянность, тяжелое психическое состояние солдат и офицеров отступающих войск. Нельзя было, конечно, исключать и провокационных действий немецкой агентуры. Во всяком случае, мы не оставляли без своего внимания указанные обстоятельства, стараясь в первую очередь как-то перепроверить распространяемые слухи. Иногда это приносило свои плоды.

Где-то в августе 1942 года командование предоставило в мое распоряжение четырех солдат с водителем, выдало мне карты и дало указание: ездить по степям и встреченные группы военных или целые части направлять к Сталинграду, для укрепления линии обороны. Наша группа была снабжена консервированным продовольствием.

За несколько дней нам удалось направить в направлении под Сталинград несколько мелких и средних групп

военнослужащих. Большинство из них получало наши указания с благодарностью.

Однажды встретили большую, более тысячи человек, группу военнослужащих. Командовал этой группой грузный, но боевой полковник Е. Макарчук. Мои пожелания он внимательно выслушал, поблагодарил и неожиданно заявил, что своей разведкой он засек большую группу немцев и, пока он их не перебьет, не сдвинется с места. Надо сказать, и выправка военнослужащих и вооружение производили благоприятное впечатление. В отряде было несколько бронеавтомобилей, минометы, большое количество автоматического оружия, в том числе трофейного.

Е.Ф. Макарчук был героический человек — сильный, волевой, прекрасный организатор. Позднее со своим еще увеличившимся и отлично вооруженным отрядом он прибыл к Сталинграду, где без промедления был назначен командиром дивизии. Впоследствии, в 1943 году, при наступлении он погиб и похоронен в городе Зимовники.

Мы практически безостановочно разъезжали по донским степям, направляя группы военнослужащих к Сталинграду. Когда мы встречали одного, двоих, троих военнослужащих, то оставляли их с собой, впоследствии присоединяя к встреченной более крупной группе.

Практически ежедневно происходили встречи и с немецкими разведками и патрулями, обычно заканчивавшиеся перестрелкой, а порой и боем. Преследовать немцев мы не могли — не хватало ни сил, ни скорости. Да это и не входило в наши задачи.

Вспоминается случай, произошедший в Зимовниках. В этом известном впоследствии селе мы остановились на ночлег. И вот среди ночи в село въехал мотоциклист в немецкой форме, с бляхой и медалями на груди. Моя группа сразу его задержала. Оказалось, это русский, предатель, уроженец Зимовников, уже более полуго-

да воюющий за немцев. Думая, что Зимовники заняты немцами, прибыл повидаться с родственниками. При нем помимо документов и оружия нашли несколько страшных фотографий. На одной он стрелял в человека в советской форме, на другой держал за ножку маленького ребенка, намереваясь ударить его об стенку. Хотел покрасоваться в родном селе, но поспешил. Я отрядил часовых, нашел крепкий сарай и велел стеречь гада. Под утро ко мне подходят бойцы, переминаются с ноги на ногу и смущенно говорят, что видели те фотографии, виноваты, но уж больно наглый оказался гад, сопротивлялся, хотел бежать, и они зарубили его саперными лопатками. Никаких замечаний тогда я им не сделал. В степи было тревожно.

Впоследствии, предупредив ребят, я сообщил об указанном случае в прокуратуру армии. Ведь фактически это был самосуд. В прокуратуре просил учесть сложную обстановку, в которой мы тогда находились, с самой лучшей стороны рекомендовал бойцов. Дело, к нашей радости, заведено не было.

Битва под Сталинградом — известнейшая битва Великой Отечественной войны, собравшая, наверное, самую большую «прессу» — статей, исследований, книг, фильмов. Имя «Сталинград» до сих пор встречается на карте мира. Есть это имя и в Штатах и в Париже, не осталось его только на карте родной страны.

Известность этой битвы, помимо ее исключительной значимости и стратегической важности, в ее очевидной драматичности. Именно тогда, под торжествующее улюлюканье геббельсовской пропаганды, советские войска оказались прижатыми к Волге, а фашистские флаги поднялись над Эльбрусом, но именно тогда и оттуда стала распрямляться пружина советского наступления, сметая со своего пути немецкую армию.

В мае 1942 года развернулись ожесточенные сражения под Ленинградом, Демянском, в Крыму, под Харько-

вом. Под Ленинградом и Демянском сражения прошли в целом безрезультатно, а вот на юге Красная Армия потерпела сокрушительные поражения: после Керчи был сдан Севастополь, и Крым оказался в руках немцев, а позднее, в июне, в контрнаступлении немецкие войска овладели Харьковом.

28 июля Сталин подписал приказ № 227, широко известный в народе под названием «Ни шагу назад». Приказ исключительно эмоционален, написан в духе времени и потряс большинство из тех, к кому он был обращен. Не могу не напомнить текст этого важнейшего документа Великой Отечественной войны:

«Враг бросает все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относившееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию. А многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток.

...Мы потеряли более 70 млн населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет теперь уже преобладания над

немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину...

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый кусочек советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Не хватает порядка, дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток.

Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

...Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины...

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов, и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный

отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. Сталин».

Это был тяжелый, но объективно необходимый приказ.

В этом великом приказе чувствуется рука Сталина. Он не правил его, не редактировал. Мне думается, он написал его сам, от начала до конца, в слоге приказа чувствуется стальной ритм того поэта, что когда-то написал стихи, признанные величайшими деятелями грузинской культуры и вошедшие в антологию грузинской литературы.

Приказ не правили литературно; в нем есть тавтологии и преувеличения, но есть и великая сила, ощутимая даже сегодня, почти семь десятилетий спустя.

Великая мобилизующая сила этого приказа была очевидна виднейшим советским военачальникам: Жукову, Рокоссовскому, Василевскому, Коневу... Они приняли к исполнению приказ в свое время и по достоинству оценили его в своих мемуарах.

Приказ № 227 имел прямое, непосредственное отношение и к особым отделам. С учетом изменившихся требований и в целом обстановки многое надо было срочно менять в своей работе, и вообще работать активнее и изобретательнее. Вскоре после издания этого приказа мы получили указание собрать информацию о реакции личного состава частей и соединений на этот приказ. Сделать это было чрезвычайно трудно. Тем не менее через нашу агентуру, в доверительных беседах с

рядовыми и офицерами разных уровней, через выписки из писем военнослужащих, доставленных военной цензурой, удалось собрать достаточно полный материал об отношении к приказу И. Сталина.

В целом приказ № 227 личным составом одобрялся. Но были высказывания, что приказ опоздал, что издать его надо было раньше, после трагедии на Юго-Западном фронте, когда был сдан город Харьков. А так дело дошло до крайней точки, чего нельзя было допускать.

Другие высказывали мнение, что теперь бойцы будут находиться как бы между двумя огнями — впереди немцы, а сзади свои. Высказывались опасения, что в результате ошибок, которые могут быть допущены в сложной боевой обстановке, будет неправомерно применяться оружие. Отмечалось, что нет четкого перечня причин, по которым офицеры могут направляться в штрафбаты, а солдаты в штрафроты, что также может привести к необоснованным решениям.

Но, еще раз повторю, приказ № 227 был встречен с одобрением.

Все поняли, что будут приниматься острые, порой резкие и непопулярные решения, что сама война должна пойти теперь по-другому.

Особый отдел 51-й армии отходил вместе с войсками к Сталинграду, шел по жарким южнороссийским степям, по тому крестному пути, где лопнуло наконец-то терпение России.

Ростов, Новочеркасск, Глубокий, Кетченеры, Сарпинские озера — наименования мест, через которые довелось тогда пройти. Состав дивизии менялся, и наладить оперативную работу было очень трудно.

Выполняя приказ № 227, мы в ходе Сталинградской битвы активизировали борьбу с изменой Родине, предательством, дезертирством, паникерством... Нельзя сказать, что мы раньше не занимались этими вопросами. Занимались. Но, учитывая остроту боевой обстановки,

когда решался вопрос — быть или не быть советской власти, указанные задачи стали решать более решительно и активно.

Должен сказать, что на участке 51-й армии, где я находился, случаи измены Родине были, но их было очень немного. В начальный период войны этих негативных явлений было гораздо больше. Личный состав в целом с пониманием встретил приказ № 227. Большинство поняло, что от его личных боевых качеств, от его мужества зависит судьба страны. Боевой дух Красной Армии заметно повысился именно тогда, в дни Сталинградской битвы. Находясь тогда на Волге, мы не чувствовали такого беспокойства за судьбу страны, как сейчас. Уже тогда мы твердо верили в нашу победу.

В конце сентября — начале октября 1942 года враг активизировал свои действия, стремясь любой ценой завоевать Сталинград.

Я, как и все фронтовые оперработники, работал круглосуточно: ночью занимался оперативной работой, днем приходилось принимать участие в боевых действиях.

Чтобы как-то снять напряженность, в районе Сталинграда командованием фронта были задуманы и осуществлены контрудары, проведенные силами 51-й и 57-й армий на южном участке Сталинградского фронта.

Первый удар наносился в районе озер Сарпа, Цаца и Барманцак. Замечу, что удар наносился силами трех-четырех дивизий неполного состава. Был он тщательно спланирован и решительно осуществлен на рассвете 25 сентября.

Противник, а противостояли нам румынские пехотные дивизии, был выбит из своих траншей и отступил за озера. Наши войска и приданные им инженерные части спешно приступили к укреплению захваченных межозерных пространств.

В ходе контрудара 1-я и 4-я румынские пехотные дивизии потеряли убитыми около 4000 человек, большую часть своей артиллерии.

Второй контрудар осуществлялся в направлении на Садовое силами нашей 302-й стрелковой дивизии, которой командующим 51-й армии генералом Н.И. Труфановым была поставлена эта задача. Садовое находилось километрах в пятидесяти южнее Сталинграда, и главная задача состояла в том, чтобы ввести противника в заблуждение, заставить его считать, что Красная Армия начала наступление на Котельниково с целью отрезать тылы и базы противника. На большее пока, увы, сил не хватало.

Удар был нанесен по позициям, обороняемым силами 6-го румынского корпуса, слабое морально-политическое состояние воинов которого, серьезные проблемы, имевшиеся во взаимоотношениях с немцами, были учтены при выборе места нанесения удара.

Глубокой ночью 29 сентября, соблюдая меры ночной маскировки, наша дивизия двинулась на противника. Большинство румынских воинов безмятежно спало в окопах. Развивая успех, воины дивизии и приданные им танки устремились на Садовое, находившееся в 25 километрах за линией фронта, что вызвало панику среди оборонявшихся румынских войск. Часть солдат и офицеров противника, бросив оружие, устремились в беспорядочное бегство.

В результате этого контрудара противник потерял более 2000 человек убитыми, на поле боя было захвачено 17 танков, 15 артиллерийских орудий, большое количество других вооружений. Были разгромлены три румынских полка. Командир 5-го румынского пехотного полка полковник Бутенеску был убит.

При проведении операции было захвачено большое количество секретных документов, содержавших коды,

переписку, характеристики, обобщенные разведданные.

Командир 302-й стрелковой дивизии, уже упоминавшийся мною боевой полковник Е.Ф. Макарчук, в мешке отвез эти документы командующему Сталинградским и Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику А.И. Еременко, о чем тот с удовольствием вспоминает в своих мемуарах — книге «Сталинград».

Замысел и проведение контрудара полностью оправдали себя. С юга Сталинграда сюда были переброшены две полнокровные германские танковые дивизии. Противник был вынужден ослабить давление на главном направлении.

С этого времени особенно настойчивыми стали слухи о скором контрнаступлении советских войск. Постепенно, с получением новых приказов, постановкой задач эти слухи стали обрастать плотью.

Важнейшими задачами этого этапа было решение об осуществлении перегруппировки войск и максимальной скрытности подготовки к наступлению.

В этот период особые отделы большое внимание обращали на недопустимость утечки секретов к противнику по любым каналам, нарушений в управлении войсками по различным линиям связи, болтовни, утраты документов.

Во время подготовки стратегического наступления, когда из-за Волги стало поступать большое количество войск и боевой техники, остро встал вопрос об их тщательной и надежной маскировке. Ведь территория, где они сосредотачивались перед наступлением, была относительно небольшой, и надо было умело укрыть людей и технику, чтобы противник не догадался о значительной концентрации войск. В этой связи особые отделы систематически предоставляли командованию информацию об имевшихся нарушениях и вносили конкретные предложения.

В этих условиях особенно важным становилось недопущение измены — скрытного перехода человека или группы лиц на территорию противника. Особенно важным становился контроль за перемещением военнослужащих, да и гражданского населения в прифронтовой и околофронтовой полосе.

Было несколько случаев задержания неприятельских агентов, пытавшихся в ночное время корректировать огонь и налеты авиации с помощью световых сигналов. Замечу, что работали они достаточно грубо, топорно. При допросах показали себя людьми малообразованными и запуганными.

Задача по обеспечению скрытности была поставлена на самом высоком уровне. Сосредоточение и перемещение войск было приказано проводить только ночью. На нас, офицеров особого отдела, была возложена задача по контролю максимальной «безжизненности» тыловых районов в дневное время.

В других районах, напротив, для введения противника в заблуждение проводилось открытое перемещение войск и техники.

На период реального передвижения и сосредоточения войск штабом фронта были учреждены специальные комендатуры по маршрутам движения войск, сбора в районах средоточения, на переправах. Этим комендатурам были предоставлены широкие полномочия по контролю за соблюдением установленного порядка движения, остановков, дисциплины и, в особенности, маскировки. Нам было рекомендовано оказывать этим комендатурам всяческое содействие.

При подготовке наступления частей 51-й армии туда приезжал Г. Жуков. Его приезд сохранялся в строгой тайне. О приезде знали только командующий армией, член Военного Совета и начальник Особого отдела армии полковник А. Никифоров. Последний давал соответствующие указания об охране Г. Жукова, не раскрывая,

о ком идет речь. Да и мы тогда еще ничего практически не знали о Г. Жукове. Одет он был в гражданскую одежду, облазил лично весь передний край, внимательно и долго изучал боевые позиции противника. Уже спустя определенное время мы узнали, кто к нам тогда на самом деле приезжал.

В период боев под Сталинградом у меня от долгого пребывания в окопах по колено в грязи на ногах появилось большое количество крупных нарывов.

Они гноились, прилипали к кальсонам и создавали невыносимую боль. Поэтому я был вынужден обрезать голенища сапог и до самого наступления под Сталинградом ходил в опорках. Перед самым наступлением мне прислали из-за Волги новые сапоги и шинель (старая шинель была утрачена под Керчью).

До сих пор в сырую погоду на моих ногах выступают темные пятна. Несколько раз показывал их врачам, но те в недоумении разводили руками.

Под Сталинградом был такой случай. Во время войны в войсках было большое количество лошадей. В одном из хозяйственных взводов старшина, старый закаленный вояка, приказал солдату запрячь лошадь. Тот, однако, не смог этого сделать. Старшина, крестьянский сын, проводивший много времени с лошадьми, несказанно изумился: как же так, солдат пятидесяти с лишним лет — и не умеет запрягать лошадей. Старшина стал его ругать и так, и эдак и, наконец, спросил, кто же он такой, в конце концов, по профессии? Солдат отвечал, что он доктор ветеринарных наук, профессор, ученый. По нашим каналам мы довели эти сведения до командующего Сталинградским фронтом генерала А. Еременко. Оказывается, у него была телеграмма из Москвы о розыске этого ученого.

А. Еременко вызвал солдата к себе, за Волгу, в поселок Ленинское и, присвоив ему звание полковника, назначил начальником ветеринарной службы фронта.

Вскоре полковник вызвал к себе того самого старшину из хозвзвода. Старшина прибыл и по всей положенной форме стал представляться. Полковник его не дослушал и сказал:

— Да брось, ты, Вася. Я ж тебя знаю. Переходи-ка лучше ко мне в адъютанты.

Так оно и получилось.

В начале ноября 1942 года был получен устный приказ о подготовке к контрнаступлению. Подготовку было приказано завершить к 10 ноября.

9 ноября на фронт прибыл Г.К. Жуков, и после глубокой рекогносцировки на командном пункте 57-й армии, разместившемся в одном из домиков поселка Татьянка, было проведено фронтовое совещание. Позднее, за два дня до контрнаступления, специальное совещание с участием командиров полков и дивизий было проведено на КП 64, 57 и 51-й армий. Командирам были поставлены задачи и очередность их решения.

20 ноября наша армия в составе других войск Сталинградского фронта начала наступление на южном участке фронта в направлении на Плодовитое и далее на Абганерово. Наступление развивалось успешно, и 22 ноября Сталин поставил задачу о соединении наступающих войск в районе Калача. 23 ноября 1942 года войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились, замкнув кольцо окружения вокруг 22 неприятельских дивизий.

Это была большая победа советского оружия, память о которой сохранится в веках.

Несколько дней спустя после начала успешного наступления под Сталинградом на фронте произошло крупное ЧП. Одна из наших дивизий, по-моему, 26-я, захватила в качестве трофеев несколько бочек со спиртом. Полагая, что это спирт доброкачественный, командование дивизии приложилось к нему. Но оказалось, что это был метиловый спирт, и вскоре все командование

дивизии в количестве более двадцати человек погибло. Остался жив только один военный прокурор, который был скрытым алкоголиком и метиловый спирт на него не подействовал.

Об указанном ЧП было доложено И. Сталину, и тот обратился к командующим фронтами и армиями со строгой телеграммой.

Как оперативного работника, меня удивило то коренное изменение психологии большинства бойцов, которое произошло после Сталинграда. Заметно больше в людях стало веры в грядущую победу, в ее неизбежность, значительно меньше стало вредных пораженческих настроений.

С окружением врага бои под Сталинградом не окончились. Необходимо было максимально развить успех, уничтожить окруженные войска, противостоять попыткам деблокирования.

Перегруппировав силы и получив подкрепления и обещания гитлеровского руководства о всемерной поддержке окруженных и скором снятии блокады, окруженные войска противника оказывали ожесточенное сопротивление. Во второй половине декабря операция по уничтожению окруженных частей замедлилась.

Немаловажной причиной этого обстоятельства стало отвлечение значительной части советских войск для противодействия наступлению немцев из района Котельникова.

Операция по спасению окруженных под Сталинградом войск была поручена генерал-фельдмаршалу Манштейну, достаточно успешно воевавшему с нами в Крыму.

Он начал наступление из района Котельникова 12 декабря силами 9 дивизий (из них 3 танковые) и отдельного танкового батальона, оснащенного 59-тонными тяжелыми танками «Тигр».

Используя мобильные качества своих боевых машин, за три дня боев противнику удалось продвинуться вперед к Сталинграду на 45 километров и даже переправиться через реку Аксай-Есауловский.

Первый удар врага пришелся по стыку нашей, 302-й стрелковой дивизии и 4-го кавалерийского корпуса. По выражению Еременко, противнику удалось создать танковый таран: на главном направлении удара наступали две танковые дивизии, в небе господствовала немецкая авиация.

Противостояние танковым частям Манштейна и Гота прекрасно описано участником тех боев Юрием Бондаревым в книге «Горячий снег».

В те дни больше пришлось быть в окопах, с винтовкой или карабином в руках сдерживать немецкое наступление.

Хотя бои были очень тяжелые, лично у меня и у большинства личного состава на фронте сомнений в нашей победе не было, да и в действиях противника были заметны какие-то однообразие и обреченность.

— Не тот стал немец, не тот, — говаривали бывалые солдаты.

Однако под тяжелыми ударами противника части армии были вынуждены отступить на несколько километров и закрепиться на рубежах совхоза Терновый. В поддержку нашей армии на участке дивизии был придан 13-й механизированный корпус, в котором было 28 танков.

Несколько слов о вооружении наших танковых частей в то время. Некоторые исследователи забывают, что качественные мощные танки мы получили уже после Курской битвы — Т-34-85, ИСы, СУ-100... Тогда же по ленд-лизу нам стали поставляться «Валлентайны» и «Шерманы».

В 1942 году в танковых частях присутствовали легкие БТ-5 и БТ-7, еще более легкие Т-26, Т-30 и

Т-40, неудачные, весом до 10 тонн английские танки «Виккерс-Армстронг» и «Тетрарх», американские «Стюарты».

Лучшими машинами справедливо считались «тридцатьчетверки» и КВ, но, во-первых, их было мало, во-вторых, доведенные, построенные перед войной машины были выбиты, в войска шли танки с только что развернутых производств — ненадежные, часто ломавшиеся. Легкие же машины вообще были вооружены короткоствольной пушкой 30—40 мм, с малой начальной скоростью снаряда, не пробивавшей брони даже среднего немецкого Т-III. Более легкие танки — Т-II немецкой промышленностью уже не выпускались, использовались как командирские машины и встречались редко.

На всех Т-34 и КВ до конца 1943 года стояла пушка 76 мм, но с малой начальной скоростью снаряда, с плохим прицелом и неудовлетворительной кучностью стрельбы.

Тактически немцы собирали свои машины в кулак и при поддержке мотопехоты наносили концентрированный удар большими силами. В первые годы войны это часто достигало цели. Концентрация машин в одном месте имела не только военные, но и ремонтные преимущества — это прежде всего запчасти и специалисты. Очень хорошо у противника была налажена эвакуация танков, подбитых на поле боя. Известны случаи, когда танк, получивший относительно тяжелые повреждения, бывал восстановлен столь быстро, что принимал участие в том же бою.

Вооружения Красной Армии создавались и совершенствовались в ходе войны. Это потом, в 1944-м, благодаря таланту русского народа и его героическому труду мы реально достигнем превосходства над немцами в вооружениях — и в технологическом, и в качественном планах. Тогда же, в 1942-м, мы серьезно уступали.

Удивляют безответственные слова и статьи на тему наших и ленд-лизовских вооружений некоторых «знатоков» и «экспертов» заканчивающейся ныне бесславной эпохи Горбачева — Ельцина. Они, эти «знатоки», конечно же были во все времена, но никогда, опираясь на помощь купленного телевидения, доступных и нетребовательных периодических изданий, не вели себя так нагло. Пытаясь создать о себе впечатление как о людях всезнающих, неподкупных, носителях высшей правды, они рассуждают, вникая в придуманные ими нюансы, не замечая, что делают принципиальные ошибки постоянно, уверенной и пустой риторикой закрывая и ход решения, и саму задачу. В эпоху «нового российского капитализма» эти специалисты находят своего слушателя, убеждают людей, не искушенных знаниями и размышлениями.

Но вернемся в холодный декабрь 1942 года. Части армии вели тяжелые оборонительные бои с танками и мотопехотой противника в районе Кругликов и Жутово. На наши ослабленные части, а также бригаду 13-го механизированного корпуса и два полка 126-й стрелковой дивизии противник бросил свежую авиационно-полевую дивизию, армейскую группу полковника Пантвица и румынский армейский корпус.

В районе Жутово стойкую оборону держала группа автоматчиков, поддержанная двумя орудиями и танком. Умело маневрируя по фронту, мастерски маскируя орудия, эта неполная рота продержалась в Жутово неделю, нанеся противнику большой ущерб. Неприятелю так и не удалось выбить наших воинов из северной части Жутово.

«На поле боя в районе Верхне-Кумского и в районе Жутово следует соорудить обелиски в честь славных воинов, героически выполнивших здесь свой священный долг перед Родиной», — пишет командующий Сталин-

градским фронтом А.И. Еременко в своей книге «Сталинград».

Последним рубежом, куда пришлось отступить нашей армии, была река Мышковка. Здесь наши части были усилены свежими частями усиленной 2-й гвардейской армии, которой командовал тогда генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский.

Утром 24 декабря 1942 года войска 2-й гвардейской и 51-й армий перешли в наступление с целью разгрома группировки Манштейна — Гота.

В 10 часов утра 24 декабря 1942 года после короткой артиллерийской подготовки одновременно начали наступление войска 2-й гвардейской и 51-й армий. Главный удар — справа — наносился силами 2-й гвардейской армии. 51-я армия наносила сковывающий удар, первоначально обходя противника с востока, затем поворачивая на запад с целью перерезать железнодорожную линию.

Танкисты 7-го танкового корпуса после напряженных боев 29 декабря заняли Котельниково, захватив значительные трофеи — 15 тяжелых самолетов, 40 танков, 40 орудий, склады с боеприпасами, горючим и амуницией. Немцы не предполагали того, что будут буквально выбиты из Котельникова.

Части нашей 51-й армии, действуя вместе с 6-м механизированным корпусом, уничтожили вражеский гарнизон в южной части уже упоминавшегося нами Жутово и, развивая успех, овладели поселком Нагольное.

Левый фланг 51-й армии развивал удар в направлении на Заветное и Зимовники, преследуя уходящие в беспорядке немецкие, румынские и итальянские части. С расстроенной обороной, практически лишенный поддержки авиации, неприятель нес большие потери в живой силе, потеряв практически всю технику. Было пленено свыше 5200 солдат и офицеров противника.

30 декабря, в канун 1943 года, войска нашей и 2-й гвардейской армии вышли на рубеж Семичный — Ильичев — Терновский — Глубокий — Валуевка. Здесь войскам были поставлены новые задачи — о преследовании противника и наступлении на Ростов.

Войска Сталинградского фронта и 51-й армии, где мне посчастливилось воевать, ценой огромных усилий и жертв решили вторую, с моей точки зрения, сложнейшую задачу Сталинградской битвы — разбили войска Манштейна, пытавшегося деблокировать окруженную немецкую группировку Паулюса.

Даже германский стратег Манштейн, в каждом своем поражении находящий признаки бывших побед, вынужден был признать:

«Итак, теперь и на фронте восточнее реки Дон пробил час, когда инициатива перешла в руки противника. 25 декабря противник, силы которого продолжали расти, атаковал 57-й тк (танковый корпус) на реке Мышковке и оттеснил его за реку Аксай. В последующие дни стало ясно, что противник стремится охватить фланги корпуса с востока и с запада.

Перед северным и восточными участками фронта 4-й танковой армии появились две армии противника (51-я и 2-я гвардейская)...

Начатая 12 декабря попытка выручить 6-ю армию потерпела неудачу, по крайней мере временную»[1].

Ну почему ж временную, господин Манштейн? Здесь вы уж очень скромничаете.

На той же странице, откуда взяты приведенные выше строки, Манштейн «выдает по серьгам всем сестрам»:

«Так, войска 7-го румынского ак... и войска 6-го румынского ак, задача которого состояла в прикрытии участка между 57-м тк и Доном, утратили всякое стремление к дальнейшему продолжению боевых действий».

---

[1] Манштейн. Утерянные победы. – М., АСТ. 1999.

«...Уже в январе за катастрофой итальянской армии последует еще более серьезная катастрофа венгерской армии на Дону».

В числе других главных противников своей стратегии Манштейн называет, конечно же, погоду, колоссальное численное преимущество русских (которого под Сталинградом практически не было), нетерпеливого и упрямого Гитлера.

Мне довелось провести в окопах и траншеях, блиндажах и хатах под Сталинградом всю его героическую эпопею. Я еще раз опровергаю ложь, которую придумали «писатели-демократы» и «телевизионщики» новой волны, взращенные на хлебах Советского Союза, но движимые отнюдь не любовью и даже не заботой о Родине. Ложь эта в том, что работники особых отделов, потом «Смерш» якобы сидели по теплым тылам с толстыми бабами, хлестали там водку и изредка или часто (в зависимости от фантазии авторов) «приводили в исполнение». Все это, конечно, не так.

На моих глазах снаряд попадал в дзот и гибло целое отделение, падал сраженный осколком товарищ, с которым я так и не закончил разговора, не раз я проходил мимо еще горящих танков и разбитых дымящихся пушек, по оттенкам свиста бомбы научился распознавать ее калибр и опасность, видел падающих под пулями людей, сам слышал пули и осколки, поющие на разные голоса... Говорю это не из чувства гордости, хотя гордость за пройденное, за содеянное, конечно, присутствует во мне, старом человеке. Говорю это для того, чтобы вы знали и помнили, что довелось пережить вашим отцам и дедам. Говорю для того, чтобы никакие резуны и поповы, манштейны и трумены не смогли опорочить в ваших глазах подвиг советского солдата, чтобы вы вспоминали о нас с гордостью, частично той, нашей.

26 января 1943 года войска 21 и 62-й армий соединились в районе Мамаева кургана, расчленив окруженных на две части.

31 января практически прекратилось сопротивление южной группы окруженных и был пленен генерал-фельдмаршал Паулюс, только что получивший это звание, со своим штабом.

2 февраля сдались и остатки северной группы немцев. Сталинградская битва была окончена.

Вот как сказал о победе под Сталинградом один из ее творцов, человек исключительной скромности, а тогда начальник генерального штаба — А.М. Василевский:

«Великолепно справились в Сталинградской битве со своими сложными задачами и командующие войсками фронтов — Н.Ф. Ватутин, А.И. Еременко и К.К. Рокоссовский, их военные советы и штабы, проявив при этом возросшее искусство в управлении войсками. Вопросы использования в этой операции крупных подвижных частей войск, тесное, четкое и своевременное взаимодействие всех родов войск и на всех стадиях операции, организация окружения, создания внешнего фронта, изолировавшего столь крупную вражескую группировку от подходящих резервов, вопросы противовоздушной обороны и материального обеспечения войск были решены с большим знанием дела. Битва показала высокий уровень советского военного искусства и по существу стала достойным, поучительным уроком истории. В то же время победа под Сталинградом явилась и неопровержимым свидетельством огромной мощи, роста военного мастерства Советских Вооруженных сил в целом. Она послужила отличным примером и толчком для проведения в 1943 году целой серии новых наступательных операций, важнейшим этапом на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной Отечественной войне»[1].

---

[1] Василевский А.М. Дело всей жизни. – М, ИПЛ, 1976.

В 1943 году в Сталинграде кругом был битый камень и кирпич. Выжженная мертвая земля. Когда останавливаешься и поднимаешь голову, поражаешься многообразию руин — ни одного целого здания. Но уже тогда в Сталинграде хоть трудно, но жили люди, думали о будущем, вели работы по расчистке города и его восстановлению.

В Сталинградской битве с наилучшей стороны показал себя командующий Донским фронтом генерал-лейтенант, а с 18 января 1943 года — генерал-полковник К.К. Рокоссовский. Героические действия воинов Донского фронта во главе с Рокоссовским не только позволили окружить под Сталинградом части 6-й немецкой армии, потери которой составили 147 тысяч человек убитыми, пленить 91 тысячу солдат и офицеров противника вместе с командующим — генерал-фельдмаршалом фон Паулюсом, но и внесли перелом в ход войны. Именно после Сталинграда в корне изменилось настроение советских солдат и офицеров, именно там дано было нам окончательно поверить в победу.

Известно, что с августа 1937 по март 1940 года комдив К.К. Рокоссовский, ставший жертвой клеветы, был арестован и находился в ленинградской тюрьме Кресты.

Вскоре после своего освобождения в конце мая 1940 года генерал-майор (в начале мая 1940-го были введены генеральские звания в РККА) К.К. Рокоссовский был принят Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко, а затем и И.В. Сталиным. Сталин встретил Рокоссовского вопросом:

— Где ты так долго пропадал?

— Сидел, — кратко отвечал ему генерал.

— Нашел время сидеть. Работать надо! — заметил ему Сталин.

После того как Донской фронт под командованием К. Рокоссовского перешел в наступление севернее Ста-

линграда (20 ноября 1942 года) и в начале февраля 1943 года окончательно разгромил сталинградскую группировку противника, имя генерала Рокоссовского стало известным, его портреты появлялись во всех газетах. Из самых разных мест приходили поздравления.

Решил не отставать и начальник тюрьмы Кресты, пославший свое поздравление Рокоссовскому.

Тот немедленно ответил ему правительственной телеграммой:

«Рад стараться, гражданин начальник. Рокоссовский».

Сегодня, шесть с половиной десятилетий спустя, подъезжая к Волгограду, замечаешь пустые глазницы производственных зданий с раскрытыми крышами, с обвалившейся штукатуркой... И теперь уже вопрос о победителе не выглядит решенным.

После окончания битвы под Сталинградом войска 51-й армии принимали участие в освобождении города Ростова. После Ростова дивизии армии двинулись в направлении Таганрога. По пути остановились в станице Политотдельская. Так получилось, что там скопилось большое количество войск. Среди них были штаб 51-й армии с приданными частями, кавалерийский корпус Кириченко и множество других частей.

Немцы каким-то образом узнали об этой концентрации и начали активную бомбежку станицы Политотдельская. Они нанесли по Политотдельской концентрированный бомбовый удар, продолжавшийся без перерыва около 12 часов. Я в это время находился в деревянном одноэтажном доме, где располагалось тогда наше отделение. Всю бомбежку я отстоял в углу, внутри дома. Возле дома был погреб, но я, несколько раз видевший гибель людей в подвалах, предпочитал там не прятаться. Во время бомбежки с дома была сорвана крыша, выбиты окна и двери. К тому времени я пережил уже нема-

ло бомбежек и научился относиться к ним со смешанным чувством настороженности и презрения, но та бомбардировка была намного мощнее обычного, длиннее и оттого памятнее. Немецкие летчики-бомбардировщики под сильным истребительным прикрытием, обеспечивавшим им безнаказанность (а наши наземные средства ПВО были в то время ничтожны), прицельно бомбили станицу тяжелыми бомбами. Тогда погибло много наших солдат и офицеров, были разрушены десятки единиц немногочисленной в то время боевой техники. Дороги в станице были столь испещрены воронками, что после бомбежки не могли проехать автомобили, даже гужевой транспорт пробирался с трудом и медленно.

Март 1943 г., город Краснодон, вскоре после окончания Сталинградской битвы. Л.Г. Иванов с первым орденом

Когда вечером бомбежка кончилась и я смог осмотреться, то увидел, что стоял в углу под образами. Я — неверующий человек, но эту деталь запомнил на всю жизнь. Наверное, Бог все-таки пожалел меня и спас.

Несколько часов после налета мы плохо слышали, с трудом могли разговаривать, кричали, двигались словно пьяные, задыхались от кислого селитренного запаха. Потерь среди оперсостава тогда не было, только секретарь отдела Тоня Хрипливая получила ранение. Сейчас она живет в Оренбурге и, как активный участник ветеранской организации, хорошо известна в городе.

После Политотдельской 51-ю армию направили под Ворошиловоград. Там мы простояли до начала августа, когда пошли в наступление и освободили Донбасс, а затем и Одессу, город, в обороне которого я был в 1941 году.

Надеюсь, что большинству читателей все еще известна прекрасная песня военного времени «Землянка».

Расскажу о своем личном опыте. За все время войны я ни разу в землянке не находился, считая большинство этих сооружений ненадежными и опасными. Обычно я располагался в окопах под открытым небом. Правда, весной 1942-го, находясь в боевых позициях под Феодосией, мы вырыли яму 2х2 м и накрыли ее от дождей большой плащ-палаткой, организовав некое подобие землянки. Помню, что спать ложились туда все разом на левый бок, по команде переворачивались на правый... Вода в ней не задерживалась, поскольку дно ее было устроено несколько выше дна окопов.

В военных мемуарах, как правило, описываются боевые действия наших войск и очень мало говорится, если говорится вообще, о фронтовом быте. А ведь он был ох каким нелегким. Чтобы воевать, надо было жить в полевых условиях, выживать под постоянным огнем противника, быть в относительно здоровом состоянии.

Возьмем, к примеру, обед. Обед привозили, как правило, поздно ночью. Знаменитое изречение «мойте руки перед едой» никогда не выполнялось. Котелки и ложки не мылись, поскольку с водой почти всегда были проблемы. Брали воду чаще в воронках и лужах, набирая ее во фляги, бросая туда кусочки хлорки.

К слову, в начале войны фляги были очень неудобными, поскольку сделаны были из стекла. При падениях они легко бились и даже могли поранить. Уже во время войны большинство личного состава обзавелось немецкими трофейными флягами — алюминиевыми, в аккурат-

ных тканевых чехлах. Во время войны выпуск подобных фляг освоила и отечественная промышленность.

Не мылись на фронте порой месяцами. Поэтому вшей было множество.

При каждой возможности устраивалась — верх блаженства — баня. Качество бани, устроенной с помощью котелка холодной воды и котелка кипятка, можете себе представить.

Никаких постелей у большинства бойцов переднего края, конечно же, не было и в помине. Однако сон — царь владетельный и могущественный. Люди привыкали дремать и полудремать при ходьбе и стоя, в кабине автомобиля, коробке танка и за штурвалом самолета. Так и я приспособился спать полусидя-полустоя, прислонившись к углу окопа.

На Кишиневском направлении

После освобождения Одессы части 5-й ударной армии были направлены в Молдавию, в район Тирасполя. Войска армии в основном находились севернее Тирасполя.

Как известно, Днестр по ходу своего течения имеет большую извилину в виде петли, вдающейся в глубь территории Молдавии.

Командование решило использовать это обстоятельство и нанести мощный охватывающий удар. Но удар не получился, и почти целый корпус оказался отрезанным немцами. Наши войска понесли большие потери. Правда, севернее Тирасполя войскам удалось форсировать Днестр и захватить небольшой, примерно 3х4 км, плацдарм в районе Чобручей. На этом плацдарме вела бои 49-я гвардейская стрелковая дивизия.

По долгу службы мне не раз приходилось бывать на этом плацдарме. Трудность посещения плацдарма состояла в том, что немец нещадно и настойчиво обстреливал эту переправу, практически не делая никаких перерывов. Но для меня все обходилось благополучно,

В целом войска армии находились на Днестре довольно длительное время, вели тяжелую позиционную борьбу — начиная с середины апреля и кончая началом

Июль 1944 г. Под Тирасполем. 3-й Украинский фронт. Командование контрразведки «Смерш» стрелкового корпуса: командир отделения Л.Г. Иванов — справа в первом ряду; начальник контрразведки корпуса подполковник Лебедев — в середине второго ряда; начальник контрразведки дивизии — капитан Алимов — в середине первого ряда

августа 1944 года, когда войска фронта пошли в решительное наступление. Это была известная сегодня Ясско-Кишиневская операция.

Отдел контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии находился тогда в крупном селе Глинное, располагавшемся неподалеку от Днестра.

Противник, понимая, что советское командование готовит на этом направлении крупное наступление, вел активную разведку. Он часто засылал свою агентуру через линию фронта, но чаще на парашютах забрасывал в тыл своих агентов. Выброска агентов, как правило, совершалась в ночное время или под раннее утро, когда парашютистов труднее обнаружить.

Контрразведка «Смерш» проводила активную многостороннюю работу по поиску и задержанию таких агентов. В прифронтовой полосе систематически проводились так называемые «прочески» с целью выявления и проверки подозрительных лиц. «Прочески» часто давали свои положительные, часто неожиданные результаты. Соответствующая, постоянная и активная работа велась с местным населением. Целенаправленно использовался полк регулировщиков, водители автотранспорта, связисты, бойцы заградительных отрядов, сотрудники комендатур, роты охраны отделов «Смерш» и многие другие подразделения.

В итоге этой кропотливой и упорной работы удавалось обезвредить опасных агентов немецких разведорганов, прошедших серьезную подготовку в разведывательных школах, одетых в форму солдат и офицеров Советской Армии, имевших чаще всего безукоризненные поддельные документы и надежные средства связи, прекрасно вооруженных.

Где-то в июле 1944 года от одного пастуха был получен сигнал, что в прифронтовой полосе, в районе поселка Фрунзенское, он в ночное время услышал гул самолетов и наблюдал, как приземлилось несколько парашютистов.

Сигнал был серьезный. Войска готовились к Ясско-Кишиневской операции, и заброска группы парашютистов в наш ближний тыл вызвала у командования серьезную тревогу. Мне, по линии ОКР «Смерш» армии, было поручено обеспечить необходимую работу по их поиску и задержанию. Естественно, сразу возник вопрос, а правду ли говорит пастух. Не приснилась ли ему вся эта высадка. Или он говорит неправду с умыслом, чтобы отвлечь от работы квалифицированных контрразведчиков. Несколько раз говорили с пастухом, и он твердо стоял на своем, клялся и божился, что видел самолет и парашютистов. Тогда мы выехали к месту предпола-

Майор

ИВАНОВ Леонид Георгиевич

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от „10" апреля 1944 г. № 49 за овладение г. Одесса всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, ОБ'ЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

КОМАНДИР ЧАСТИ [подпись]

О-ПОЛКОВНИК

/КАРПЕНКО/

Войсковая Часть ... Полева 547

Мы в битвах решаем судьбу поколений.
Мы к славе отчизну свою поведем!

гаемой высадки, чтобы искать парашюты. Из опыта мы знали, что после высадки парашютисты обычно закапывали свои парашюты на склоне оврагов, в кустарниках, болотах и т.д. Мы стали тщательно осматривать местность. Особое внимание обращали на склоны оврагов, на разные земляные бугорки, взрыхленную почву и т.д. Вскоре на одном из склонов оврага нам удалось найти пять закопанных парашютов. Теперь сомнений не было, что высадка действительно состоялась.

Но что делать, как искать высаженный десант, ведь никаких примет, тем более фамилий, известно не было. Мы пошли по единственному возможному, на наш взгляд, пути. Были созданы четыре оперативных поисковых подгруппы с оперативным работником «Смерш» во главе. Подгруппы были соответственно направлены от места высадки в северном, южном, западном и восточном направлениях. Перед ними была поставлена одна-единственная задача: опрашивать местных жителей — не видели ли они каких-либо посторонних лиц, которые своим поведением вызвали какое-то подозрение. Такой способ наших действий вскоре оправдал себя.

Через день-два одной из подгрупп удалось получить данные от косаря о подозрительном поведении двоих человек в красноармейской форме. На вопрос, откуда они идут, они ответили, указав направление, что из Глинного, хотя Глинное было в противоположной стороне. Военнослужащие предложили косарю закурить и дали ему сигарету, что в условиях военного времени было большой роскошью — наши военнослужащие курили махорку. При появлении на горизонте военной машины они засуетились, заспешили и быстро ушли, непрерывно оглядываясь по сторонам.

По показаниям косаря, на солдатском мешке у одного из красноармейцев было написано чернильным карандашом число 23.

Указанное поведение этих «красноармейцев» вызвало серьезные основания подозревать их в возможной причастности к разыскиваемым парашютистам. Важной уликой для их поиска явилась цифра 23 на вещевом мешке. Эта улика стала основной в дальнейших поисках.

Для ясности следует отметить, что на фронте каждый красноармеец, имея вещмешок, надписывал на нем свою фамилию или ставил на нем какую-либо цифру. Это делалось для того, чтобы не перепутать одинаковые внешне вещмешки.

Особое внимание было обращено на поиск красноармейца с таким вещмешком в 194-м армейском запасном полку. Такие полки были при каждой армии. Через них проходили тысячи солдат. Одни поступали из тыла по мобилизации, другие из госпиталей после ранения и т.д. Их некоторое время обучали военному делу и потом маршевыми ротами отправляли на передовую, в полки и дивизии.

Так вот, в 194-м запасном полку, входившем в состав 5-й ударной армии, проводилась особо тщательная работа по поиску красноармейца с мешком, на котором было написано число 23. Вскоре в этом полку был обнаружен солдат, на вещмешке которого была указанная цифра. При проверке его красноармейской книжки было установлено, что скрепки сделаны из блестящей нержавеющей стали, на листах нет следов ржавчины.

Стали его допрашивать. Он заявил, что находился в военном госпитале в Тамбове, откуда прибыл после излечения осколочного ранения в ногу. Попросили показать следы раны на ноге. Следы от ран действительно были. Задали вопросы: что из себя представляет здание госпиталя в Тамбове, на каком этаже он лежал, номер палаты, имена медсестер и тому подобное. На все вопросы он дал ответы. Запросили Тамбов. Как и ожидалось, данные не подтвердились. Но и после этого «крас-

ноармеец» стоял на своем и не признавался, что является агентом-парашютистом. И только после того как был привезен косарь и проведено опознание, он признался, что является агентом гитлеровской разведки, и дал подробные показания на четырех остальных шпионов.

В течение нескольких дней все остальные агенты были задержаны и разоблачены. Один из них, «капитан», успел получить направление в отделе кадров армии в оперативный отдел штаба 32-го стрелкового корпуса (!). По пути в штаб он был снят с кузова грузовой машины. Двое оказались диверсантами и имели задание взорвать важный железнодорожный мост в районе Балты. Они попали в засаду, устроенную возле моста. У агентов были изъяты магнитные мины, оружие, радиопередатчики, большое количество советских денег. Таким образом, за одну неделю была изъята опасная, подготовленная группа агентов и диверсантов.

Другой пример. Как я уже писал выше, войска армии готовились к наступлению, и командование было особенно заинтересовано в том, чтобы данные о подготовке этой стратегической операции не попали к противнику. Через зафронтовую агентуру и по другим нашим каналам поступили сведения о том, что в 49-й гвардейской стрелковой дивизии, ведущей бои на плацдарме Днестра, действует опасный агент абвера. Были получены его фамилия, имя и отчество, а также информация, что перед войной он работал поваром в ресторане «Метрополь». Данных было вполне достаточно для розыска и задержания. Как обычно в таких ситуациях, дали шифрограмму в отдел контрразведки дивизии о задержании этого агента и этапировании его в ОКР «Смерш» армии. По истечении пяти дней получили ответ, что такого человека в дивизии нет.

Мы забеспокоились. По указанию начальника отдела армии я выехал в отдел дивизии.

С большими трудностями, на рассвете, мне удалось переправиться на плацдарм и явиться в ОКР «Смерш» 49-й гвардейской стрелковой дивизии, начальником которого был подполковник Васильев. Чтобы найти разыскиваемого шпиона, я дал команду собрать списки всех военнослужащих, которые есть в наличии, а также списки убитых, раненых, убывших в командировки.

На это ушло два-три дня. После этого я лично перепроверил все списки. Разыскиваемого агента среди личного состава дивизии не было. Делать больше нечего, на рассвете решил убыть.

Перед отъездом мы сели позавтракать в землянке начальника отдела Васильева. Я обратил внимание на удивительное для боевых условий высокое качество завтрака. Поинтересовался: кто готовил?

Васильев ответил, что недавно у него во взводе охраны ОКР «Смерш» появился новый солдат, работавший поваром до войны. У меня сразу возник вопрос:

— Слушай, Васильев, а список твоего взвода мы проверяли?

Васильев при этих словах словно окаменел, пораженный догадкой:

— Так это он и есть! Тот, кого мы разыскиваем. Солдат-повар, который подает нам завтрак.

Я говорю:

— Спокойно, никаких эмоций, доедим, как обычно, свой завтрак до конца.

После завтрака взял список взвода охраны отдела «Смерш» дивизии и убедился, что солдат-повар действительно является разыскиваемым шпионом. Но как доставить его через переправу с маленького плацдарма, находящегося под огнем немцев, чтобы не вспугнуть его и исключить попытку к побегу?

Вызываю его на беседу и говорю, что, мол, ты здорово готовишь, а в штабе армии есть один важный гене-

рал с больным желудком, ему нужно соблюдать диету. Не согласишься ли перейти к генералу?

Тот согласился.

Чтобы не вызвать никаких подозрений, сразу же оформили все документы на убытие (вещевой, продовольственный аттестаты и др.). Когда прибыли в отдел армии, он тут же «раскололся».

Взяли его своевременно. Он уже собирался переходить к немцам с данными о нашем крупном наступлении на Кишинев и, что особенно опасно, намеревался перед своим уходом похитить некоторые оперативные документы в отделе контрразведки.

Естественно, возникает вопрос: каким образом немецкий шпион оказался во взводе охраны ОКР «Смерш» дивизии? Да очень просто. Взвод охраны, как и другие подразделения, нес боевые потери. Потери надо восполнять. А каким образом? Когда войска шли вперед, то в освобожденных от противника населенных пунктах оказывалось много людей призывного возраста. Для их призыва в армию прибывали полевые военкоматы. Они призывали названных лиц в армию и направляли в части. Вот в числе таких призывников и оказался агент абвера. А там уж подфартило — попал прямо во взвод охраны «Смерш».

Специально проверять призванных людей в боевых условиях не было ни возможности, ни времени. Бывали случаи, когда призванные таким образом люди шли в бой в гражданской одежде, не успев получить военную форму. Так требовала обстановка.

Несмотря на все объективные обстоятельства, подполковник Васильев вскоре был снят с должности начальника ОКР «Смерш» дивизии, хотя был очень опытным руководителем. Мне было искренне жаль его.

Где-то в июне 1944 года в отдел контрразведки «Смерш», по-моему, 248-й стрелковой дивизии, находившейся в районе Тирасполя, с повинной явился

офицер в форме лейтенанта и заявил, что он является агентом немецкой разведки. Десантирован на нашу территорию с самолета. Сотрудники «Смерш» дивизии немедленно доложили об этом в отдел контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии, находившийся в селе Глинное.

Я с двумя оперработниками срочно выехал в дивизию для разбирательства и принятия мер.

«Лейтенант» был молодым человеком, довольно упитанным, с нескрываемым беспокойством на лице. Он сообщил, что попал в плен к немцам будучи раненым. После излечения ему предложили обучение в немецкой разведывательной школе. Поначалу он колебался, давать согласие или нет — уж больно не хотелось ему становиться предателем. Поразмыслив, он решил, что в его ситуации единственный путь для возвращения на Родину — это дать согласие, а после заброски явиться в соответствующие органы и правдиво рассказать всю свою историю. Таким образом он мог вернуться в ряды Красной Армии и продолжать бить немцев.

Спрашиваем его:

— Кто вместе с вами был в самолете перед выброской?

— Были еще два, по-видимому, агента. Одного, он был в форме капитана, я хорошо знаю по учебе в разведшколе, — «лейтенант» назвал его имя и достаточно точно указал характерные приметы. — А вот другого мне не удалось даже рассмотреть. Он был закутан в плащ-палатку, сидел к нам спиной и не проронил ни слова. Видать, важная шишка! Крупный агент!

Разговорчивость и даже некоторая предупредительность «лейтенанта», смахивавшая на заискивание, чего греха таить, импонировали нам, и мы предложили ему сесть с нами в машину, объехать ряд населенных пунктов, ж.-д. станций, других мест концентрации военнослужащих... Может, где и встретит он знакомцев — «капи-

тана» или кого из других «однокашников»? «Лейтенант» искренне согласился сделать это, понимая, что эти его усилия зачтутся при определении меры наказания.

Таким образом, нами быстро была создана так называемая оперативная разыскная группа, с включением в эту группу агента-опознавателя. С агентом заранее было оговорено, что если он заметит кого-либо из известных ему лиц, то подаст нам условный знак.

Начались настойчивые, почти нескончаемые разъезды. Вскоре на одной из маленьких железнодорожных станций агент-опознаватель подал сигнал.

Мы, в мгновение ока сконцентрировавшись, словно нас облили ведром холодной воды, сразу заметили среди небольшой группы военнослужащих приснопамятного «капитана». Рассредоточившись по бортам машины, чтобы быстро выскочить и задержать его, мы ждали, когда машина подойдет ближе, но тут случилась неожиданность. «Капитан» вдруг бросился бежать в сторону леса. Каким образом он почувствовал опасность в одном из автомобилей, подъехавшем к толпе на 50 м, и сегодня остается для меня загадкой. По-видимому, сработала та самая «звериная» интуиция, основанная на предельной осторожности, помноженной на снисканный профессионализм.

Судя по быстрому легкому бегу, «капитан» был человеком спортивным, да и обут он был в легкие брезентовые сапоги. В то время многие офицеры в армии шили себе подобные сапоги. На мне же были кирзовые сапоги, тяжелые по весу и довольно жесткие. Автомобиль наш из-за пересеченной местности не мог преследовать беглеца, и хотя, выскочив из машины, я попытался догнать его, но с первых шагов понял, что затея моя бесполезна. Столь же неудачливы в преследовании оказались и мои товарищи. Тогда, достав пистолет, я на ходу открыл по беглецу стрельбу. Первые мои пули легли мимо. Наконец я остановился возле одиноко стоявшего дерева, крепко

прижался к нему спиной и, задержав дыхание, выстрелил. Этот выстрел оказался удачным. «Капитан» упал, но через несколько секунд открыл ответную стрельбу. Я приказал свом оперработникам также открыть огонь, но не на поражение, а поверху или в сторону. Одновременно попросил считать, сколько выстрелов сделает «капитан». Вскоре выстрелы с его стороны прекратились. Выждав некоторое время и рассредоточившись, мы бегом направились к «капитану», опасаясь, что он лишил себя жизни. Но «капитан» был жив: бледный, с пеной у рта, с окровавленной раной на левой ноге, но жив. Мы быстро перевязали рану, наложили жгут, дали хлебнуть спирта.

«Капитан» этот, как оказалось, служил в Красной Армии, был офицером, добровольно сдался в плен и служил у немцев полицейским. За «заслуги» в своей «работе» он был зачислен в разведшколу, где проявил рвение и был среди первых. До задержания он уже дважды забрасывался в наш тыл и дважды успешно переходил назад после выполнения заданий. Это был настоящий враг — злой, убежденный, жестокий. При нем оказалась большая сумма подлинных советских денег, справки, что он находился на излечении в госпитале, а также командировочное удостоверение с подлинной печатью и действительной подписью командира дивизии. Последнее нас страшно удивило: и мы, да и не только мы, долго ломали головы, как это могло получиться. Сегодня я допускаю, что документы его были подделкой, но исключительно высокого, не виданного нами ранее качества.

Задание у него было простым: пользуясь командировочным удостоверением, дней десять–двенадцать покрутиться в прифронтовой полосе, а затем попасть в одну из действующих частей, где выведать сведения о готовящемся наступлении.

Третьего агента, кутавшегося в плащ-палатку, о котором говорил нам «лейтенант», обнаружить мы так и не

смогли, несмотря на целый комплекс мер, принятых в масштабе целого фронта и шире.

За эту и другую чекистскую работу, за личное участие в разоблачении и задержании нескольких немецких агентов командующий армией Н.Э. Берзарин[1] наградил меня орденом Отечественной войны I степени. Он лично прибыл в отдел, вручил мне награду и расцеловал.

Со стороны генерал-полковника Н.Э. Берзарина отношение к офицерам военной контрразведки было исключительно благожелательным. Он видел и понимал, сколь велик вклад контрразведчиков в обеспечение проведения операций, в том числе самых крупных. А ведь этот человек до войны арестовывался органами НКВД, некоторое время провел в тюрьмах, но не затаил зла.

Замечательный полководец и человек, первый комендант Берлина Н.Э. Берзарин навсегда останется в памяти нашего народа как один из выдающихся творцов Великой Победы.

Кроме борьбы с агентурой противника, активная работа проводилась нами по борьбе с изменой Родине.

У некоторых читателей может возникнуть вопрос: какая измена, ведь наши войска по всем фронтам активно наступают, конец войны недалек, зачем военнослужащему переходить линию фронта и сдаваться немцам?

А дело в том, что, как я уже писал выше, в период наступления в качестве пополнения приходят люди, призванные полевыми военкоматами из числа освобожденных жителей. Проверить их сразу не было ни сил, ни возможностей, ни времени, поэтому среди них попадались и враждебные элементы. Среди таких «призывников» попадались активные немецкие пособники, полицаи и другие предатели. Они-то хорошо понимали, что

---

[1] Николай Эрастович Берзарин (1904 —1945) — Герой Советского Союза (1945), генерал-полковник (1945), командующий 5-й ударной армией, первый комендант Берлина *(прим. ред.)*.

Германия, май 1946 года. Одна из первых семейных фотографий

грядущая победа Красной Армии не принесет им ни забвения, ни прощения, что им придется нести ответственность за свои преступления. Чтобы избежать такой безрадостной перспективы, они всеми силами старались изыскать возможность перехода линии фронта, чтобы сдаться в плен к немцам.

Конечно, они при этом готовились выслужиться перед немцами и заранее запасались различными военными сведениями секретного характера.

Поэтому борьба с изменой Родине активно шла до конца войны, продолжаясь и на Кишиневском направ-

лении, и на Сандомирском плацдарме под Варшавой, и когда мы находились на Одере.

В результате принятых нами мер на Кишиневском направлении не было допущено ни одного случая измены Родине. Командование армии высоко ценило эту нашу работу.

В круг задач, решаемых «Смерш», включалась и борьба с дезертирством и членовредительством. Хотя нужно прямо сказать, что здесь уже ощущалось дыхание победы, то есть с каждым днем таких случаев становилось все меньше и меньше.

Отдел контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии систематически представлял Военному совету армии информацию о результатах работы по борьбе с агентурой противника, с изменой Родине, о фактах разглашения военных секретов, нарушения воинской дисциплины, о морально-политическом состоянии личного состава. Обычно такие документы составлял я как начальник ведущего отделения.

В августе 1944 года началось успешное наступление на Кишинев. Наши войска быстро продвигались вперед, и вскоре Кишинев был освобожден.

Кишинев предстал перед нами сильно запущенным и захламленным городом. Население восторженно встречало своих освободителей. Жители угощали нас молодым вином, яблоками, грушами, виноградом...

Под Кишиневом была захвачена в плен большая группа солдат и офицеров вермахта — несколько тысяч человек. Эти пленные сидели под открытым небом на одной из пустынных площадей Кишинева. Обращало на себя внимание то, что немцы были, по-видимому, настолько деморализованы, настолько пали духом, что для их охраны на всей этой площади находился только один наш солдат с винтовкой.

В Кишиневе войска 5-й ударной армии имели короткую оперативную паузу, во время которой приводили себя в порядок.

Мне запомнилось посещение домика, где когда-то останавливался наш великий и гениальный предок — А.С. Пушкин.

Вскоре войска 5-й ударной армии получили новый приказ — передислоцироваться под Варшаву.

В начале сентября 1944 года отдел «Смерш» армии вместе со штабными офицерами прибыли на станцию Веселый Гай для погрузки в железнодорожные вагоны. На путях стояло несколько эшелонов с небольшими товарными, или, как мы тогда говорили, с телячьими вагонами. Мы привезли с собой большое количество ящиков с яблоками, грушами, помидорами, виноградом, чтобы как подспорье в питании использовать их в пути.

Пришли к вагонам, где нам предстояло ехать несколько суток, и нашли их абсолютно пустыми — ни кроватей, ни нар, ни клочка сена.

Бросились на поиски досок, чтобы соорудить себе нары. Вскоре нашли достаточное количество пригодных для заданных целей досок.

Чтобы их никто не растащил, я встал на временную охрану этих досок.

Был теплый солнечный тихий день. В начавших желтеть листьях, в обилии плодов уже чувствовалось приближение осени.

На полустанке была дорожная суета и беспорядочное движение людей, одетых в военную форму. Крики, смех, восклицания...

Меня в те дни трепала малярия, я несколько дней не брился, хотя было тепло, но у меня на плечи была накинута шинель. В общем, выглядел я отнюдь не блестяще.

Тут я заметил двух девушек в новенькой форме младших лейтенантов, направлявшихся прямо ко мне. Одна из них была очень симпатичной блондинкой, с добрым

открытым лицом и необычно яркими голубыми глазами. Эта симпатичная девушка смело обратилась прямо ко мне:

— Дяденька, а дяденька! Мы едем в товарном вагоне, а нар нет. Дайте нам досочек, нары сделать.

Я, по-видимому, слишком впечатленный ее красотой, неожиданно ответил ей что-то типа:

— Вы что, устав забыли, товарищ младший лейтенант? Как обращаетесь к старшему по званию!

Она испуганно вытаращила было глазенки, но быстро пришла в себя, показала мне язык и, сказав насмешливо:

— Подумаешь, майор! — убежала вместе с подругой. Эта короткая встреча запала мне в душу. Уж больно хороша была девушка.

По дороге в Польшу наш эшелон периодически останавливался, порой прямо в поле, все выходили из вагонов, чтобы размяться. Здесь-то я вновь встретил ту девушку. Мы познакомились. Звали ее Полина.

В пути, как могли, помогали друг другу и решили не расставаться. Оказалось, что она пошла на фронт добровольно, молоденькой девчушкой. Была младшим лейтенантом «Смерш». Имела боевые награды.

Поженились уже в Берлине, в мае 1946 года, когда открылось советское консульство, где можно было зарегистрировать наш брак. Никаких поздравлений, цветов, застолья не было. Помню, зашли с ней в недавно открытый в Берлине ресторан для советских офицеров.

Ресторан очень скромный — и по интерьерам, и по меню. Я выпил там рюмку водки, она — бокал шампанского. От души поздравили друг друга.

Полина Ивановна родом с Урала, из семьи знатного рудознатца и золотоискателя Ивана Фроловича Конюхова. Всю свою жизнь, и при царе, и в советские времена, до самой своей гибели от бандитской пули в 1934 году

ее отец возглавлял золотопромышленные артели, был специалистом, известнейшим в своей области.

Полина Ивановна помнит, что в детстве за неимением игрушек она играла золотым песком, пересыпая его из мисочки в туесок, из туеска в стаканчик...

Член РСДРП еще с дореволюционных времен, руководитель крупнейших золотоискательских артелей, добывавших золото десятками и сотнями килограммов, ее отец не имел ни своего дома, ни квартиры.

— Я человек честный, и мне по уставу не положено, — отшучивался он в ответ на случавшиеся замечания жены.

...С тех пор мы живем с Полиной Ивановной уже более 60 лет. У нас два сына — Юрий и Вячеслав, оба полковники, внук и две внучки. Семья у нас очень дружная.

Иной раз сравниваю наше скромное бракосочетание с теперешними и удивляюсь огромной разнице. Теперь во время свадьбы приняты торжественные поздравления, цветы, дорогие подарки и роскошные лимузины... Апогеем свадебного торжества является застольное бдение, порой на 200—300 человек.

Смотришь, а через полгода недавние молодожены уже и развелись.

На Варшавском направлении

До Варшавы мы ехали несколько дней, хотя для наших эшелонов везде был зажжен зеленый свет. Проезжали в основном по территории Украины, а потом Белоруссии. До этой поездки я ни разу не был в тылу, все время на фронте.

По пути нашего движения мы с удивлением и горечью рассматривали разоренные города, разбитые населенные пункты, сгоревшие деревни.

Когда эшелон останавливался на какой-нибудь железнодорожной станции, вагоны обступали толпы голодных, плохо одетых людей, подчас с маленькими детьми.

Все эти недавно освобожденные люди просили хлеба. Мы раздали все, что у нас было. В Молдавии нас хорошо снабдили помидорами, яблоками, грушами, виноградом. Вначале мы отдавали яблоки и виноград целыми ящиками. Но количество голодных просящих людей не уменьшалось, а наши запасы иссякали. Вынуждены были раздавать по одной груше, по одному яблоку. Раздали и все личные сухие пайки. В общем, по дороге раздали все, что было.

Проезжая по территории Белоруссии, с удивлением рассматривали целые ряды ограждений из колючей проволоки, выставленные вокруг железнодорожных мостов. Эти заграждения были сооружены немцами, боявшимися нападения партизан.

В то время еще ничего не было известно о героических защитниках Брестской крепости, но мы тем не менее, будучи в Бресте, посетили знаменитую цитадель.

На территории Польши части 5-й ударной армии находились южнее Варшавы, на известном сегодня Магнушевском плацдарме.

Бои были жестокие и упорные. Особенно напряженные сражения проходили в предместье Варшавы — Праге.

В Польше полегло 400 тысяч наших лучших воинов.

Декабрь 1944 года. 1-й Белорусский фронт под Варшавой, Магнушевский плацдарм

Задачи «Смерш» и военной контрразведки в принципе оставались теми же, что и в ходе боевых действий на территории Советского Союза. Так как готовилось крупное наступление, то особое внимание было обращено на сохранение в строгой тайне подготовки к этому наступлению. Особенно нас волновали возможные случаи измены. Не случайно командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н.Э. Берзарин лично мне поставил задачу: не допустить ни одного случая измены Родине при подготовке частей Красной Армии к наступлению на Варшавско-Берлинском направлении в январе 1945 года.

Декабрь 1944 и первую половину января 1945 года я непосредственно находился в боевых частях армии на переднем крае и организовывал работу по недопуще-

нию измены Родине. Как я указывал выше, в итоге нашей работы ни одного случая измены Родине на участке 5-й ударной армии не было, что существенно повысило внезапность нашего наступления на немцев.

Запомнилась работа по задержанию крупного военного преступника, проведенная в то время. Во время нашей работы в войсках 5-й ударной армии на Магнушевском плацдарме был установлен некий рядовой Петров — якобы радист немецкого разведоргана, действовавший в городе Херсоне. Был известен адрес дома в Херсоне, где он проживал. Для проверки того, действительно ли мы имеем дело с разыскиваемым агентом, в Херсон была послана фотография Петрова с целью его опознания хозяйкой дома, где он жил. Хозяйка его опознала. С целью недопущения его перехода к немцам он был задержан на двое суток.

Стали его допрашивать (тогда разрешалось допрашивать без возбуждения уголовного дела), и при этом выяснилось, что во время оккупации он все время был в Белоруссии. Выходит, что раз он вообще не был на Украине, то никак не мог быть в немецком разведоргане в городе Херсоне. Возникло сложное положение. Что делать? Как быть? Освобождать опасно и арестовывать нельзя.

Я решил его допросить сам. В ходе допроса неожиданно задал вопрос: не имел ли он второй фамилии? Вижу, что допрашиваемый заколебался, смутился. В конце концов он признал, что имел уличную кличку Бобок.

Товарищ, к которому я обратился с просьбой проверить это имя по разыскным книгам, перезвонил мне через несколько минут и, захлебываясь от радости, сообщил:

— Есть, есть такое имя! Есть Бобок!

Выяснилось, что Бобок проходит по розыску как человек, действительно живший в Белоруссии, где был в партизанском отряде. Из отряда он бежал к немцам, выдал

Майор

Иванов Леонид Георгиевич

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина

от „2" мая *1945 г. №* 359

за овладение г.Берлин

всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

КОМАНДИР ЧАСТИ (подпись)

ПОДПОЛКОВНИК-

/КАРПЕНКО/

Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе отчизну свою поведем!

им партизанские базы и людей, был принят на службу в качестве полицейского, принимал участие в расстрелах советских граждан, дослужился до должности заместителя начальника районной полиции. В ходе наступления советских войск в Белоруссии бежал вместе с немецкими войсками в район Кенигсберга.

Получив такие данные, вызываю его вновь и спрашиваю:

— Ты что ж, брат, молчишь? Был в партизанском отряде в Белоруссии, а не рассказываешь?

— Так вы ж о том не спрашиваете, — скромно отвечает тот.

В общем, дал он показания и о своих преступлениях на оккупированной территории, и о новом разведывательном задании, которое получил...

Бобок был арестован, а следовательно, были предотвращены тяжелые последствия для наших войск, к которым могли привести его шпионские действия.

Здесь я хотел бы сказать о трудностях содержания задержанных подозрительных лиц в полевых условиях. Скажем, оперработник задержал подозреваемого. Где его содержать и как охранять до отправки в тыл? Казалось бы, мелочь, а на самом деле как поступить?

Ведь камера для арестованных отсутствует, условия полевые, специально обученной охраны нет. Мы во время войны поступали так: вырывали яму глубиной три-четыре метра, на веревочной лестнице опускали подозреваемого, лестницу вытаскивали, ну а дальше — чтобы часовой сам ненароком не свалился в эту яму.

Также в освобожденной Польше осуществлялись мероприятия по разоружению частей и подразделений «Армии Крайовой» (АК), созданной польским эмигрантским правительством Миколайчика, пытавшегося руководить ситуацией из Лондона. Боевые действия против гитлеровских войск они предусмотрительно не вели. После вступления наших войск в Польшу эта армия оказа-

лась у нас в тылу и представляла большую опасность. Ее части находились в лесах, были хорошо оснащены и вооружены, имели склады боеприпасов.

В январе 1945 года после освобождения Варшавы в наши руки попал один немецкий военнопленный, одетый в форму, значительно отличавшуюся от форм военной одежды немецких военнослужащих. Одет он был в добротную куртку зеленого цвета с разводами. Мы заинтересовались им и стали обстоятельно допрашивать. Оказалось, что он был одним из членов знаменитой террористического-диверсионной организации Отто Скорцени, называвшейся «Ягд фербанд Ост». На допросах он показал, что в плен попало несколько десятков других участников этой организации.

По указанию полковника Н.М. Карпенко я объехал лагеря, где содержались немецкие военнопленные, и по необычной знакомой нам форме одежды выявил более 50 участников организации О. Скорцени. Замечу, что это были специально подготовленные диверсанты, многие из которых были озлоблены и не сломлены. Это был большой успех «Смерш».

Когда об этом факте было доложено в Управление контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта, то там усомнились в достоверности наших сведений. Лично начальник управления «Смерш» фронта генерал-лейтенант А.А. Вадис звонил по этому поводу полковнику Карпенко. Тот подтвердил достоверность наших данных. После этого генерал Вадис дал указание доставить в управление «Смерш» фронта всех выявленных и задержанных участников организации «Ягд фербанд Ост» для обстоятельной работы с ними.

Я был назначен старшим опергруппы «Смерш» в прифронтовой полосе 5-й ударной армии по разоружению частей АК. Работа была ответственная и необычная, значение которой возрастало в условиях, когда наши войска активно готовились к наступательным операци-

ям по освобождению Варшавы и овладению Берлином. Еженедельно о ходе и результатах этой работы составлялись доклады и шли лично к Сталину.

Еще раз возвращаясь к недоброй памяти немецкому агенту Таврину (агентурная кличка — Шило), скажу, что задержан он был сразу после его появления в нашем тылу. В этом деле обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на серьезность задачи, поставленной перед Тавриным, на серьезную и длительную его подготовку, немцы допустили ряд элементарных, даже смешных ошибок.

В частности, размещение наград на груди агента не соответствовало правилам ношения орденов и медалей в Красной Армии. Так, ордена Александра Невского и Красной Звезды положено было носить на правой стороне груди, а у Таврина они оказались слева.

Это была ярко выраженная «засветка» агента, когда агент терпел провал сразу и по вине готовившей его группы специалистов.

Случай с Тавриным был далеко не единственным, когда противник допускал серьезные ошибки, быстро ведущие к провалу.

Интересно, что десантировали Таврина-Политова вместе с мотоциклом М-72 и сопровождающей его «капитаном» Шиловой с совершившего посадку в нашем тылу четырехмоторного самолета «Арадо 232». Интересен этот редкий тяжелый самолет был тем, что, имея более десятка стоек неубирающегося подфюзеляжного шасси, он мог садиться на сильно пересеченной местности.

В «Смерш» знали о готовящейся операции, правда, неизвестны были цели противника, поэтому вели с немцами активную радиоигру. Вел игру и абвер, проводивший отвлекающие операции. В последний момент немцы, подстраховавшись или в рамках своей контригры, уклонились от предложенной легенды и совершили по-

садку на 150 км севернее того места, где их ждали. Но это не помогло. Самолет на пробеге столкнулся с деревом и загорелся, диверсанты на мотоцикле были задержаны через полтора часа после посадки, экипаж из пяти человек также был вскоре пленен. Один член экипажа, оказавший сопротивление при задержании, был убит.

Возможно, что авария самолета провалила немецкую операцию, засветив место посадки и десантирования. Надо заметить, что операция проводилась немцами в очень плохую погоду при весьма ограниченной видимости. Но и при самых благоприятных условиях, при исключительном везении Таврин и его помощница не имели бы никаких шансов.

Несмотря на близившийся конец войны, «Смерш» вел крупные оперативные игры с противником.

Интересна операция, проводившаяся органами «Смерш» с сентября 1944 фактически до самого конца войны. После того, как в августе 1944 органами «Смерш» были пленены несколько агентов немецкой разведгруппы с рацией (помните финал прекрасной книги В. Богомолова «Момент истины»?), через немецкого радиста ушло сообщение. В сообщении говорилось, что удалось обнаружить и установить связь с несколькими группами немецких солдат и офицеров численностью более 1000 человек, «продолжающих борьбу в советском тылу». «Группы» мечтали прорваться на запад и просили помощи оружием и снаряжением. Подготовка радиоигры была тщательно спланирована, были использованы имена недавно плененных офицеров противника, числившихся у немцев пропавшими без вести, в частности, оберстлейтенанта Генриха Шерхорна, командира стрелкового батальона. Немецкая фронтовая разведка, проводившая операцию по нашему «приглашению», присвоила ей имя этого офицера — «Шерхорн».

Немцы в течение нескольких месяцев вели радиоигру, затем осуществили несколько воздушных разведок над заявленным районом.

19 октября 1944 года о «группе» было доложено фюреру. Тот, лишенный в последнее время положительной информации с фронта, немедленно воодушевился и приказал безотлагательно начать доставку требуемого снаряжения и вооружения. В «район действия» были выброшены две проверяющие группы. Этих агентов напряженно ждали. Одна из групп тут же попала в руки «Смерш», и уже через день к немцам полетели новые оптимистичные радиограммы. До конца своих дней Гитлер «запал» на разработку советской разведки, упорно приказывая доставлять грузы в район Борисова, а позднее на территорию Польши.

Последний груз — оружие, снаряжение, продукты питания и медикаменты — был выброшен немцами «группе Шерхорна» за две недели до конца войны — 18 апреля 1945 года! Среди снаряжения, сброшенного в этот день, находился «Рыцарский крест железного креста», которым Гитлер наградил своего последнего любимца — теперь уже оберста Генриха Шерхорна, тихо жившего и работавшего тогда в подмосковном Красногорске.

Всего немцы совершили к «окруженной группировке» более 20 вылетов, сбросив около 60 тонн ценных военных грузов. Надо подчеркнуть, что усилия эти были предприняты врагом в самое тяжелое для него время, когда на счету была каждая тонна горючего, каждый фауст-патрон, каждый ящик с гранатами.

...В октябре 1944 года вместе с начальником контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии полковником Н.М. Карпенко и старшиной водителем (к глубокому сожалению, годы стерли из памяти его фамилию) мы ехали на «виллисе» по безлюдной и мрачной лесной дороге в направлении Ковеля в штаб армии.

Ехали мы довольно долго, в машине было жарко, и нам дружно захотелось пить. Заметили водителю, чтобы он был повнимательнее, и вскоре увидели неподалеку добротный и прочный дом, прилепившийся у самых комлей гигантских стволов. Мы остановились метров за 50 в кустарнике и направились к дому. Перед этим проинструктировали водителя, вооруженного автоматом, чтобы в случае стрельбы или при каких-либо иных подозрительных обстоятельствах он немедленно проникал в помещение и действовал по обстановке.

Зайдя в дом, мы встретили мрачного бородатого лесника с недобрым взглядом. Поздоровались, попросили воды. Тот на странном языке, состоявшем из русских, польских, украинских и немецких слов, заметил, что за водой он должен ненадолго выйти из дома. Мы согласились.

Через несколько минут он вернулся, а следом за ним быстро и решительно вошли два здоровенных, заросших мужика в грязных тулупах и без лишних слов навели на нас винтовки. Затем коротко потребовали лечь на пол.

Пришлось подчиниться: такой оборотистости от нашего бородатого хозяина мы не ждали. Чтобы затянуть время, я стал говорить, что воюем вместе за Украину, за ее освобождение, что был на защите Одессы с первого до последнего дня, что совсем недавно освобождал ее, что мой начальник украинец, носит украинскую фамилию Карпенко, что румыны отняли часть украинской территории, назвав ее Транснистрия.

Внимательно прослушав мою довольно длинную тираду, они, нерешительно переглянувшись, заметили, что являются совсем маленькими людьми, что отведут нас в лес, ну а там начальство пусть разбирается.

Смысл моих речей состоял, конечно же, в затяжке времени, в том, чтобы наш водитель, оставшийся в машине, заподозрил неладное и, вспомнив полученные инструкции, вошел в дом.

Так и произошло. Водитель наш видел, как из дому вышел лесник, а через несколько минут вернулся обратно в сопровождении двух вооруженных людей. Внимательно осмотревшись и сняв автомат с предохранителя, он вбежал в дом и, увидев нас на полу, а двух заросших мужиков — с винтовками в руках, понял, в чем дело, и автоматной очередью закончил дискуссию. Мы тут же вынули личное оружие и бросились вон из зловещей хаты, залегли по разные ее стороны и некоторое время внимательно наблюдали за прилегающим лесом.

Не заметив ничего подозрительного, мы от всей души поблагодарили нашего водителя-спасителя и, оставив его на улице для наблюдения, вернулись в дом. Обыскав убитых и скромное убранство, мы нашли много интересного по нашей части: инструкции — как нападать на отдельных красноармейцев, как нарушать линии связи, минировать здания и технику, строить схроны и т.д. Нашли также несколько красноармейских книжек и справок: кто-то был не столь удачлив при встрече с бандитами.

По прибытии в штаб мы немедленно и подробно доложили о случившемся. Обстоятельствами дела заинтересовался и сам командующий армией генерал Н.Э. Берзарин. Тем более, что похожие случаи уже происходили в последнее время. Он наградил нашего водителя медалью «За отвагу» и послал во все части армии шифротелеграмму о повышении бдительности, исполнении охраны спящих бойцов, о повышении внимания при задержании подозрительных личностей, был изложен и целый ряд других специальных требований.

Наш толковый и отважный водитель вскоре был направлен на учебу, а я его потерял, о чем до сих пор жалею.

Запомнилось, что мы выезжали в село Вулька-Родощинская, где на ночлег останавливалось отделение из семи человек, и все они были убиты. По целому ряду прямых и косвенных свидетельств стало ясно, что эти и

многие другие преступления — дело рук оуновских бандитов.

Органы «Смерш» по своей линии всемерно, насколько позволяли силы и обстановка, усилили борьбу с бандитизмом.

В январе 1945 года войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление. Сразу же были достигнуты большие боевые результаты.

Под Варшавой, январь 1945 года. 1-й Белорусский фронт

Вскоре после тяжелых боев была освобождена Варшава. Без оперативной паузы наступление развивалось ускоренными темпами. За день советские войска продвигались порой на 50—70 километров.

Обращало на себя внимание то обстоятельство, что польское население не проявляло тех положительных эмоций и беспредельной радости, которые мы наблюдали при освобождении советских городов. Зато наши войска дружно и восторженно приветствовали люди, освобожденные из концентрационных лагерей: французы, бельгийцы, югославы... Они двигались обычно вместе, колонной, кто с мешком на спине, кто с коляской, кто на велосипеде. Надо было видеть их восторженные лица, худые руки, сжатые в кулаки и поднятые к плечу, приветствия, несшиеся к нам сквозь топот и лязг, на всех языках Европы.

Вскоре после освобождения Варшавы из контрразведки «Смерш» фронта поступило указание собрать

данные о реакции поляков на вход на их территорию советских войск. Эти данные требовались для личного доклада начальника ГУКР «Смерш» В.С. Абакумова И.В. Сталину.

Задача была трудная. С кем говорить о настроениях и как? Мешал к тому же языковой барьер.

Посоветовавшись, мы решили разделить нашу задачу: кто-то из наших товарищей говорит с рабочими, кто-то с крестьянами, кто-то с интеллигенцией и т.д. Я выбрал себе миссию побеседовать с ксендзами и представителями молодежи.

В итоге этих наших действий получилась довольно пестрая картина: некоторые поляки положительно отнеслись к входу советских войск на их территорию, некоторые настороженно. Восторга, в общем, не высказывал никто.

Один молодой человек, с которым я беседовал, мне прямо заявил:

— Зачем вы пришли в Польшу? Мы и без вас бы обошлись.

При этом высказал несколько нелестных фраз в адрес русского народа. Я понял, что имею дело с врагом, и дал ему резкий аргументированный отпор. Мне показалось, что, несмотря на свою антисоветскую ориентацию, поляк был потрясен сутью моих слов. Большинства приведенных мною аргументов он просто не знал.

Замечу, что к началу боевых действий на Курской дуге в немецких дивизиях, среди «хиви» — добровольных помощников-военнослужащих, подавляющее число составляли поляки — от 10 до 30% личного состава.

Тогда я еще не знал, что в боях за освобождение польских земель погибло более 400 тысяч солдат и офицеров Красной Армии!

Очень дорогой ценой досталось нам освобождение Польши.

Все собранные нами тогда сведения были обработаны и отправлены в управление «Смерш» фронта.

Интересно, что вскоре после освобождения Польши я был награжден польской большой серебряной медалью «Храбрым на поле боя».

Не может не удивлять поступок Президента РФ В.В. Путина, когда он при посещении Польши в январе 2002 года возложил букет к памятнику аковцам. За что, спрашивается, им такая честь? Видимо, плохо работают советники президента, некачественно.

«Армия Крайова» формально создавалась польским эмигрантским правительством во главе с Миколайчиком в Лондоне. Фактически она создавалась на средства и при активном участии американо-британских и иных капиталов.

Никакой борьбы с немцами эта армия не вела, если не считать Варшавского восстания, поднятого Бур-Комаровским 1 августа 1944 года, стоившего жизни тысячам польских патриотов и заранее обреченного на провал. На линии фронта аковцев никогда не было. А вот «Смершу» они хлопот доставляли много.

У аковцев была одна задача: с Миколайчиком или с кем-нибудь еще сохранить буржуазную, враждебную СССР соседнюю Польшу.

Или президент РФ не знает о том, что происходило на территории Польши в годы войны, или решил потрафить нынешнему, уже не только антисоветскому, но антироссийскому руководству Польши? Где же память о тех 400 000 павших советских солдатах и офицерах?

Германия. В поверженном Берлине

Выйдя на польско-германскую границу, наши войска с ходу пересекли ее и стали развивать наступление по ранее намеченным целям.

Запомнилось радостное неописуемое настроение, как мне казалось тогда, всех советских воинов. Перенести тяготы войны, потери родных и близких, пройти через запредельные человеческие ощущения и физические страдания, когда не раз удивлялся тому, что все еще жив, и с победной могучей армией вступить на немецкую землю! Сбывалось то, о чем мы мечтали последние годы, но, увы, не всем довелось увидеть осуществление этой мечты.

Войска 5-й ударной армии перешли границу в районе Черникау и вступили на территорию Германии.

Удивили аккуратные города, ровные шоссейные дороги, мычащие недоеные коровы, обилие голодных собак и кошек и почти полное отсутствие населения. Кто-то бежал, понимая свою ответственность за совершенные злодеяния и опасаясь мести. Большинство же было напугано официальной немецкой пропагандой. Геббельсовская пропаганда работала изощренно, постоянно и не стесняясь в методах. Советские войска в лучшем случае сравнивались с ордами жестокого завоевателя Аттилы из раннего Средневековья.

Апрель 1945 года. Район Кюстрина на реке Одер. Справа майор Л.Г. Иванов, посередине зам. нач. к/р «Смерш» 5-й УА Кондратенко

Хотя на самом деле все было наоборот. Смерть, издевательства и разрушение на нашу землю несли именно немецкие войска. Мы же, вынужденные, с одной стороны, вести борьбу с нацистским государством и все еще сильной немецкой армией, с другой стороны, выступали освободителями немецкого народа, бравшими на себя ответственность за жизнь мирного населения Германии, за жизнь и будущее ее детей.

Запомнилось, что в первом немецком доме, куда мне довелось зайти, чувствовалось недавнее присутствие хозяев, они бежали буквально с нашим приходом. На кухне, на выключенной плитке, еще потрескивала приготовленная яичница...

На следующий день после перехода границы у дорог появились здоровенные плакаты с надписями «Вот она, проклятая Германия» или «Добьем фашистского зверя в его логове!».

1-й Белорусский фронт. Апрель 1945-го. Район Кюстрина. Слева майор Л.Г. Иванов

У одного из этих плакатов, помню, стояла пролетка с тремя убитыми голыми немцами с трубками во ртах и в цилиндрах. Такой же немец сидел на месте возницы. Над пролеткой плакат: «Вперед, Великая Германия». Такая вот жуткая военная картинка запомнилась мне на всю жизнь. Что было — то было.

Конечно, озлобленность и чувство ненависти у некоторой части наших солдат и офицеров в отношении немцев были сильны. Это относилось, прежде всего, к лицам, потерявшим в ходе войны родных и близких. В отдельных случаях ненависть и озлобленность проявлялись в изнасилованиях, расстрелах фашистов, поджогах домов.

Иной раз входили в немецкий городок — чистенький и аккуратный — и через полчаса были вынуждены его оставить, когда он весь был объят пламенем. Это наш солдат входил в дом и бросал на постель горящую спичку...

Карлсхорст, май 1945-го. С капитаном Бахтиным перед поездкой на Темпельгоф

Это продолжаться долго не могло, и вскоре была издана директива ГЛАВПУРа, разъяснявшая, что Красная Армия вступила на территорию Германии не для мщения, унижения и порабощения немецкого народа, а для его освобождения от гитлеризма. Этой директивой разъяснялась освободительная роль нашей армии — армии первого в мире социалистического государства. Были выдвинуты требования о том, чтобы со стороны наших воинов в отношении мирного немецкого населения не было никаких актов террористического характера, никаких насилий и издевательств. Предлагалось вести разъяснительную работу среди немцев о роли и задачах Красной Армии на немецкой земле. Надо ли говорить,

Май 1945 года. Берлин, возле входа в Академию наук. Офицеры контрразведки 5-й ударной армии. Л.Г. Иванов — 3-й слева

что директива эта была очень своевременна и сыграла важную роль.

Должен заметить, что настрой войск тогда, в 1945-м, был исключительно боевым. Большинство солдат и офицеров чувствовали себя членами дружной единой и очень сильной семьи. Эти настроения очень верно и точно замечены Богомоловым в его книге «Момент истины». Я не говорю вовсе, что все было гладко, но чувство боевого братства было тогда первостепенным

Нельзя не отметить высочайшей военной специализации и искусства, которых достигли многие саперы и летчики, артиллеристы и танкисты, пулеметчики и снайперы. Достигнут был исключительно высокий уровень полководческого мастерства. Мое глубокое убеждение, что в 1945 году Красной Армии по плечу был любой противник. Недаром в разговорах порой слышалось: ну что нам Берлин — «Даешь Париж!». Конечно, это была

Берлин. Рейхстаг. Май 1945 года. Группа руководящих работников отдела «Смерш» 5-й ударной армии: Л.Г. Иванов — справа; начальник отделения Зобов, нач. контрразведки 5-й ударной армии полковник М. Карпенко, майор В. Иовлев

неофициальная позиция, и политработники боролись с этими проявлениями милитаризма.

В конце мая 1945 года в Берлине началось строительство арки Победы на улице Франкфурталлее. Это было временное, отнюдь не безвкусное деревянное соо-

ружение, хотя и не претендовавшее на роль выдающегося архитектурного произведения. Тем не менее арка на территории Берлина являлась архитектурным символом нашей Великой Победы. Простояла эта арка недолго.

Вскоре началось крупное строительство памятника погибшим советским воинам в Трептов-парке. Автором памятника, принимавшим активное участие в напряженном строительстве, был известный советский скульптор, впоследствии академик, народный художник СССР Е.В. Вучетич. Строительство вели несколько военно-строительных батальонов. Оперативную работу обеспечивала группа работников «Смерш» в количестве трех человек во главе с опытным работником майором Сердюком. Поскольку группа подчинялась мне, майор Сердюк регулярно докладывал о ходе работ.

По наиболее важным вопросам, требовавшим вмешательства вышестоящего командования, нами представлялась информация Военному совету группы войск, как правило, с изложением наших конкретных предложений. Величественный памятник в Трептов-парке был построен за два с половиной года и в 1949-м был торжественно открыт.

Одновременно проводилось строительство другого монумента погибшим советским воинам, уже в Западном секторе Берлина, где хозяйничали союзники. Это учитывалось при проведении оперативной работы в ходе возведения памятника. Построен он был недалеко от Рейхстага, вблизи Бранденбургских ворот.

В июне в Западном секторе Берлина было проведено крупное мероприятие — парад союзных войск в честь одержанной победы. Парад принимал маршал Жуков и высшие чины союзных войск.

Примерно в то же время в центре Берлина, на большой площади Александерплац, по ее периметру, на одинаковом расстоянии друг от друга, были поставле-

Район Кюстрина, май 1945 года. Л. Иванов со своим заместителем В. Иовлевым

ны крупные портреты руководителей антигитлеровской коалиции — И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля.

Людям молодого поколения, да и некоторым взрослым следует пояснить, каким образом американцы, англичане и французы оказались в Берлине. Ведь Берлин с ожесточенными боями был взят войсками Красной

Армии. Во время боев за Берлин Гитлер снял почти все свои войска с Западного фронта и направил их против советских воинов. Поэтому американские, английские и французские войска шли по территории Германии практически без серьезных боев, продвигаясь иногда по 60—70 км в день. Они очень хотели взять Берлин, но Берлин оказался в наших руках, а вот большая часть территории Германии — в руках союзников.

Уже после окончания войны союзники очень хотели быть в Берлине и согласованно обратились к Верховному Главнокомандующему И. Сталину с просьбой выделить им определенные сектора на территории Берлина. Мудрый И. Сталин не возражал, но потребовал за это отдать в распоряжение Красной Армии часть немецкой территории, где находились союзнические войска.

В итоге американцы, англичане и французы получили свои сектора в Западном Берлине, ввели туда небольшие количества своих войск и образовали военные миссии. Взамен этого мы получили провинцию Тюрингия с центром в Веймаре, Померанию с центром в Шверине и г. Магдебург с прилегающими к нему территориями.

Так действовал И. Сталин в интересах своей Родины. А как действовал президент Ельцин, согласившись вывести наши войска из ГДР и не потребовав ничего взамен? А ведь за время пребывания наших войск в ГДР было построено большое количество жилых и промышленных зданий, складских помещений, аэродромов, оборудованы парки и зоны отдыха, построены спецобъекты. За наш выход из ГДР, других восточноевропейских стран и Прибалтийских союзных республик мы могли потребовать очень многое. Во всяком случае, нерушимого военного нейтралитета, полного отсутствия на территории этих стран иностранных солдат и вооружений. А так наш выход оттуда выглядел как настоящее бегство — сегодня мы имеем американские боевые самолеты ближе к нашим границам, чем свои.

Май 1945-го, Потсдам. Группа офицеров контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии в парке Сан-Суси. Л. Иванов — 2-й слева

Мы оставили на территории бывших союзных стран большое количество фактически военного имущества, от боевых истребителей МиГ–29 до бетонных взлетных полос, готовых к приему любого самолета. При этом «дипломаты» и «переговорщики» обернули дело так, что на СССР, а позднее на Россию лег гигантский финансовый долг.

Некоторые офицеры и генералы, видя это прямое предательство национальных интересов и слыша трескучий и бесстыдный лозунг Гайдара — «обогащайтесь», проявляли «предпринимательские способности» и продавали оружие, спецтехнику, другое военное имущество. Это был настоящий позор для нашей страны.

...А пьяный Ельцин, по сути, подчеркивая крах российских интересов в Европе, на потеху всему миру, приплясывая, дирижировал немецким оркестром.

Перед непосредственным овладением городом Берлином органами «Смерш» были созданы специальные

оперативные группы для розыска, обнаружения и ареста главных военных преступников — Гитлера, Гиммлера, Геббельса, Бормана, Риббентропа и др., сотрудников центральных разведывательных и контрразведывательных органов Германии. Другая задача этих групп состояла в розыске, изъятии и охране важнейших правительственных документов, раритетов, ценностей и т.п. Это была очень ответственная и напряженная работа. Мы обнаруживали и охраняли склады, где было множество золотых и серебряных изделий, драгоценных камней в оправах, драгоценного старинного оружия.

Я, как начальник отделения, возглавлял оперативную группу наших сотрудников, действовавшую в районе Рейхсканцелярии, по поиску и задержанию главных военных преступников. Подобные оперативные группы были сформированы и из других органов «Смерш». Дело было организовано таким образом, что среди этих групп развернулось как бы своеобразное соревнование по розыску.

Помню связанный с этим неприятный случай. Офицер «Смерш» 5-й ударной армии майор Н. Зыбин первым обнаружил обгоревший труп Геббельса. Труп надо было доставить в Карлсхорст, где размещался отдел «Смерш» 5-й ударной армии. Майор Н. Зыбин связался со мной, сообщил, что обнаружил труп, но не имеет подходящего автомобиля для его доставки. В распоряжении Зыбина был только маленький «Опель», в котором везти труп по разбитому Берлину было невозможно. Растрясет, и не узнаешь, кого привез. Просил срочно прислать ему полуторку. Я быстро нашел полуторку и послал ее Н. Зыбину. Но в это время в район Рейхсканцелярии прибыл начальник контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии полковник Мирошниченко. Он идет прямо к Н. Зыбину и спрашивает:

— Ну, кого нашел, майор?

В поверженном Берлине. Группа офицеров «Смерш» 5-й ударной армии. Л.Г. Иванов — 4-й слева

Н. Зыбин радостно отвечает, что нашел труп Геббельса. Мирошниченко тут же дает команду своим людям забрать зловещую находку в грузовик «Смерш» 3-й ударной армии. Майор Зыбин был маленького роста, но резкий и храбрый. Выставив грудь вперед, он говорит:

— Товарищ полковник, это мой трофей! Не отдам!

Мирошниченко — здоровый, грубый мужик ударил Н. Зыбина кулаком в лицо. Тот упал. Люди Мирошниченко забрали труп Геббельса и увезли.

Конечно, этот неприятный случай никак не соответствовал поведению офицеров «Смерш», а объяснялся личными качествами Мирошниченко — его взрывным несдержанным характером и беспринципностью. Я лично знал его только в отрицательном плане. Впоследствии он был сильно понижен в должности и работал начальником сектора в Особом отделе Прикарпатского военного округа во Львове. Это было справедливо.

Работники опергруппы «Смерш» 5-й ударной армии доставили в Карлсхорст большое количество личных вещей, документов и различных предметов, принадлежавших главным военным преступникам.

В частности, в моих руках были несколько кителей Гитлера с золотыми фашистскими значками и вензелями на подкладке — АН, выполненными шелковыми нитями. Были специальные башмаки колченогого Геббельса, у которого, как известно, одна нога была короче другой, подарки, драгоценные ручки, документы и многое другое из личных вещей фашистских руководителей.

Характерно, что никто из наших работников не позарился на эти вещи. Единственное, чем мы воспользовались, — это три коробки с витаминами, внешне сходными с кусочками сахара из личных запасов Гитлера. Этими витаминами все наше отделение питалось несколько месяцев.

Позднее, после войны, во время в служебной командировки в Управление Особых отделов ГСВГ, мне показали большой гараж, под асфальтом которого были захоронены останки Гитлера. Место его захоронения было строго засекречено.

Перед уходом наших войск из ГДР останки Гитлера были извлечены из земли и сожжены, а пепел развеян по ветру. Это было сделано для того, чтобы в будущем

место захоронения Гитлера не стало местом паломничества и поклонения новых поколений фашистов.

Вскоре после окончания войны военнослужащие 301-й пехотной дивизии (командир генерал-майор Антонов) обнаружили в центре Берлина подземный склад СС с наличием большого количества различных ценностей.

Я вместе с командиром дивизии посетил этот склад, состоявший из полутемных мрачных коридоров, где бегали крупные белые крысы. По бокам коридоров, едва оставляя проход, громоздились большие ящики, набитые золотыми изделиями, — это были часы, коронки, монеты разных стран и народов, ювелирные изделия, награды... Была создана специальная комиссия для учета и охраны этих богатств. Полковник Карпенко предложил мне войти в состав этой комиссии от «Смерш». Я категорически отказался, заявив, что я оперработник, а не учетчик и ничего не смыслю в золотых изделиях. А участие в работе комиссии надолго оторвет меня от оперативной работы.

Тогда полковник Н. Карпенко включил в состав комиссии моего заместителя майора Иовлева. Он долго работал в этой комиссии. По окончании ее работы все, что было на складе СС, под охраной было отправлено в Москву.

По приглашению командующего армией Н.Э. Берзарина мне в числе других посчастливилось участвовать в приеме капитуляции немецких войск Берлинского гарнизона 2 мая 1945 года. Это было незабываемое зрелище.

В тот же день я расписался на стене Рейхстага. Написал просто: «Л. Иванов из Тамбова». Настроение в тот день было особенно радостное, в Берлине установилась весенняя солнечная погода. Помню, что во многих окнах уцелевших домов немцы вывесили простыни, наволоч-

ки, полотенца — в знак капитуляции. Такое вот получилось «праздничное оформление».

Мое последнее боевое задание в годы Великой Отечественной войны — участие в оперативной группе контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта по обеспечению безопасности процедуры подписания Акта о капитуляции фашистских войск.

Меры безопасности принимались при встрече представителей союзных войск и группы Кейтеля на Темпельгофском аэродроме в районе Берлина, при поездке по разбитому Берлину в Карлсхорст и непосредственно в самом Карлсхорсте.

Для союзных делегаций на аэродроме был выстроен почетный караул, а духовой оркестр играл гимны стран, делегации которых прибывали на аэродром. Это касалось, естественно, только стран из антигитлеровской коалиции и не распространялось на немцев.

Встречал делегации генерал армии, а впоследствии (с 1946 г.) Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский. Все было обставлено очень торжественно и четко. Но надо было охранять Кейтеля. Не дай бог его по дороге в Карлсхорст пристрелят, кому в таком случае подписывать акт о капитуляции? Ведь война еще не окончена. Берлин был весь разбит, там и тут раздавалась стрельба, нормальных дорог не было. Трудностей было немало, пришлось задействовать все свои силы, но задание было выполнено. Все делегации прибыли в Карлсхорст благополучно.

У здания инженерного училища в Карлсхорсте, где должна была быть подписана капитуляция, строем стояли наши солдаты — здоровые, рослые, одетые в новую военную форму. Вот только в спешке подогнать ее как следует не сумели.

В Карлсхорсте я отвечал за внешнюю безопасность здания, где проходила торжественная процедура подписания капитуляции. Хоть и недолго, ведь я был при ис-

Потсдам, 1945. В парке Сан-Суси

полнении, но и мне посчастливилось быть в том зале, где проходило подписание. Был я именно в тот психологически очень яркий момент, когда в зал вошел фельдмаршал Кейтель и его делегация. Я обратил внимание, что при входе в зал члены немецкой делегации быстро переглянулись. Дело было, наверное, в том, что выразительный ковер, которым покрыли зал, был взят из кабинета

Гитлера. Они, конечно, сразу его узнали и соответственно среагировали. Сам Кейтель пристально вглядывался в волевое лицо маршала Жукова, наверное, пытаясь запомнить своего победителя. Г. Жуков был абсолютно спокоен, внимателен, точен в движениях и эмоциях.

После подписания капитуляции был устроен пышный банкет. Великолепные напитки и наилучшие закуски были заранее привезены из Москвы, а горячее приготовлено хорошими поварами. Сидели за столом до утра, танцевали, пели.

Возник вопрос о том, как быть с немецкой делегацией — кормить их или нет? Задали этот вопрос Вышинскому — он был тогда заместителем министра иностранных дел. Он ушел от ответа, заявив, что это дело не его, а военных. Тогда обратились к Г.К. Жукову. Тот ответил:

— Дать им, гадам, все, что есть на нашем столе. Они знали русских во время войны, пусть теперь узнают после войны — в мирное время.

Как мне потом рассказывали участники банкета, глава французской делегации генерал Де Латр Де Тассиньи здорово выпил, видимо, на радостях, да и уснул за столом. Члены других делегаций стран-союзников незлобно шутили — французы, мол, всю войну проспали, да и победу тоже.

Так вот сложилось в моей судьбе, что, приняв первый бой на границе глубокой ночью 22 июня 1941 года, мне выпало быть там, где Великая Отечественная война получила свое официальное завершение. По времени мне довелось пройти ее всю и даже немного больше.

В середине мая 1945 года руководство отдела контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии устроило в честь Победы праздничный вечер. Торжество было устроено в Карлсхорсте, в здании, которое находилось рядом с тем, где был подписан акт о капитуляции Германии.

На торжество был приглашен весь опersостав отдела «Смерш» армии, а также все начальники отделов «Смерш» корпусов и дивизий армии. Я был на торжестве вместе с Полиной Ивановной, хотя мы еще не были с ней расписаны.

Звучало множество тостов и взаимных поздравлений, в том числе и красноречивых. Конечно, первый тост был за И.В. Сталина. Был упомянут его первостепенный и великий вклад в руководство Красной Армией и Советской страной. На этом вечере впервые прозвучали слова о том, что теперь мы должны перенести свои усилия на борьбу со спецслужбами западных стран, о создании должного порядка на территории оккупированной Германии.

Март 1945 года. Район Фюрстенфельде на реке Одер (около Кюстрина). На Берлинском направлении

То далекое сегодня торжество по поводу нашей Победы осталось в моей памяти на всю жизнь.

К концу войны командующим армией продолжал оставаться генерал-полковник Н.Э. Берзарин. Это был исключительный человек — отзывчивый, точный, внимательный, честный. Эти характеристики относятся не к частному человеку, а к командующему победоносной 5-й ударной армией в годы Великой Отечественной войны, первому советскому коменданту поверженного Берлина.

Как сейчас вижу перед собой его круглое приветливое лицо, ладную фигуру в кожаном пальто, слышу мягкий, но точный выговор.

Семнадцатилетним юношей Николай Эрастович участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, командовал полком в боях у озера Хасан... В 1937 году он был по клеветническому навету осужден и только накануне войны получил свободу.

Я много раз общался с Николаем Эрастовичем; получал от него задания, докладывал оперативную обстановку, выполнение... Ни разу ни словом, ни намеком я не слышал от генерала сетований, упреков или жалоб на органы, что с иными командирами отнюдь не было редкостью. Подобно К. Рокоссовскому, он считал случившееся с ним до войны досадным недоразумением и не считал возможным раздражаться по этому поводу или, тем более, мстить. С большим доверием он относился к офицерам «Смерш» армии.

Его личное отношение к солдатам и офицерам, ведущим тяжелые, кровопролитные, для многих последние бои, было душевным, даже, если позволите, ласковым. Навсегда запомнилась мне его речь перед командирами полков и дивизий армии, собранными накануне битвы за Берлин:

— Надо беречь людей как зеницу ока, продумать все детали операции, с тем чтобы потери были минимальны.

— Товарищи! — призывал Берзарин, — перед боем надо **обласкать** солдата.

Забот в поверженном Берлине у Берзарина было много. Во многие, самые разные вопросы он вникал, искал решения, вступал в полемику, требовал...

«После захвата Имперской канцелярии мы поехали туда с генерал-полковником Н.Э. Берзариным, членом военного совета армии генерал-лейтенантом Ф.Е. Боковым и другими участниками штурма, чтобы убедиться в

самоубийстве Гитлера, Геббельса и других руководителей гитлеровцев».

«Уже 14 мая военный комендант Берлина генерал-полковник Н.Э. Берзарин вместе с новой дирекцией метро открыл движение по первой линии метрополитена, а к концу мая было введено в эксплуатацию пять линий метрополитена общей протяженностью 61 километр».

«19 мая состоялось торжественное учредительное собрание берлинского магистрата, на котором Н.Э. Берзарин выступил с докладом о политике советских властей в Берлине...»

«25 мая по приказу Н.Э. Берзарина была разрешена организация городской полиции, суда и прокуратуры». Это лишь несколько строк из книги воспоминаний Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления».

Можно себе представить широту вопросов, решаемых Берзариным, и представить, какой всесторонней глубокой подготовки и проработки они требовали.

...Помню, что меня, как офицера «Смерша», поначалу коснулись вопросы поисков следов фюрера, Бормана, некоторых других фашистских главарей. Вскоре, однако, эти дела были перепоручены специальным оперативным подразделениям.

...Замечу, что Н.Э. Берзарин удостоился добрых слов от большинства советских маршалов и генералов, с которыми он воевал, — Г. Жукова, К. Рокоссовского, А. Василевского, И. Конева, В. Соколовского.

Вот как отозвался о Н. Берзарине Г. Жуков:

«Учитывая наиболее успешное продвижение 5-й ударной армии, а также особо выдающиеся личные качества ее командарма Героя Советского Союза генерал-полковника Н.Э. Берзарина, 24 апреля командование назначило его первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина».

В те дни писатель Всеволод Вишневский в своем дневнике сделал такую запись: «Комендантом города назначен командующий Н-ской ударной армией генерал-полковник Берзарин. Это один из культурнейших генералов в Красной Армии. У него есть масштаб».

Николай Эрастович Берзарин был преданный сын Коммунистической партии, патриот Родины, опытный, волевой, дисциплинированный командир. Командуя в Отечественную войну армиями, Н.Э. Берзарин в Ясско-Кишеневской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях проявил себя талантливым военачальником. К разработке операций и руководству войсками относился вдумчиво, творчески выполняя приказы высшего командования. В своей работе он всегда опирался на коммунистов».

Вопросы, которые приходилось решать в поверженном городе после победы, были связаны, прежде всего, с организацией продовольственного снабжения населения Берлина. Не менее важным вопросом было восстановление и обеспечение нормальной работы коммунального хозяйства города Берлина. От города из 250 000 зданий не более 50 000 остались относительно целыми и имеющими незначительные повреждения. Около 30 000 зданий были разрушены полностью. Система коммунального хозяйства целиком прекратила свою работу. Не работали ни водокачки, ни канализация, ни водопровод, ни электростанции. Городской транспорт был полностью парализован, более трети станций метро затоплено, силовая сеть городского трамвая выведена из строя. Благодаря энергичной работе комендатур и политорганов, привлекавших к работе местные регистраты, освобожденных из лагерей и тюрем коммунистов, антифашистов и других, эти вопросы начали ускоренно решаться.

Только к середине мая сорок пятого года из полуголодного Советского Союза поступило в Берлин 96 тысяч

тонн зерна, 60 тысяч тонн картофеля, 48 тысяч голов скота, молоко, сахар, масло, многие другие продукты и лекарства.

Одним из первых постановлений Военного совета фронта, принятым в мае 1945 года, было постановление № 080 — о снабжении молоком детей Берлина.

Тяжело сегодня, спустя шесть десятилетий, читать труды немецких «историков», пивших, возможно, именно то молоко, заботливо переведенные на русский язык и аккуратно изданные в России, о захватнических, насильственных мотивах в поведении «советских оккупационных войск», по своему менталитету, в изложении авторов, недалеко ушедших от орд Аттилы. Во времена Советского Союза подобные издания не рисковали появляться, а если уж у хозяев очень свербило, то они маскировались под мемуары всевозможных «белокурых рыцарей» и «сыновей Вотана».

Ныне же Советский Союз взорван, Германия объединена и делает все более уверенные и последовательные реваншистские шаги. Официальная же Россия, смущенно улыбаясь, пытается обустроить газпромовский бизнес и предпочитает не замечать летящую в нее грязь. Слава богу, что мы хоть не пытаемся больше дирижировать мелкими немецкими оркестрами.

Тогда же, в 1945-м, в Берлине могучие силы Красной Армии, помноженные на энтузиазм немецких коммунистов, антифашистов и великое трудолюбие немецкого народа, быстро приносили плоды.

Метро вскоре было открыто, по пятисоткилометровым трассам запущены городские трамваи, восстановлен водопровод, газовые заводы, канализация. Начало передачи немецкое радио, к июню в Берлине были открыты 120 кинотеатров, с 15 мая начала выходить газета «Теглихе рундшау» — орган советских оккупационных войск. К середине июня шли занятия в 600 берлинских школах, были организованны 90 детских домов.

И опять это было непростое время, когда для спасения жизней тысяч берлинцев приходилось заниматься незнакомыми ранее вещами — встречей и сопровождением продуктов, поиском и доставкой печатных станков, устройством бедных отощавших детей.

К середине июня в строй вступили важнейшие железнодорожные станции и речные порты, обеспечивавшие снабжение Берлина продовольствием, лекарствами, топливом, предметами первой необходимости.

Вынужденный работать по 16—18 часов в день, Николай Эрастович взял за правило вне официальных делегаций перемещаться по Берлину на мотоцикле, которым он хорошо владел. Быстро, удобно и легко было объезжать на мотоцикле завалы и воронки.

Да и исполнилось прославленному генералу тогда едва сорок лет.

16 июня 1945 года на выезде из арки в районе Карлсхорста его «Цундап» столкнулся со «Студебеккером», следовавшим в перпендикулярном направлении. Николай Эрастович ударился о раму грузовика головой и мгновенно погиб. В его лице наша страна потеряла как минимум крупного и талантливого военачальника, честного и порядочного человека.

После трагической гибели Н.Э. Берзарина в Берлине мне довелось стоять в почетном карауле у его гроба. Похоронен Н.Э. Берзарин был в Москве.

На посту военного коменданта Берлина и командующего 5-й ударной армией Берзарина сменил Герой Советского Союза генерал-полковник А.В. Горбатов, также прикладывавший все усилия для восстановления жизни немецкого народа.

Эйфория победы уходила, и наши недавние союзники поворачивались к нам другим боком.

Активизировались они и с точки зрения попыток вербовки агентов из числа советских офицеров, используя различные пути и возможности. Они особенно искали

контакты с людьми, работавшими в штабах, на аэродромах, железных дорогах. Мы, со своей стороны, оценили это достаточно быстро, и нередко противник «вербовал» офицера советской контрразведки.

В этих оперативных условиях, если так можно выразиться, возросла роль женщин. С одной стороны, окончание войны, перспективы мирной жизни, с другой — активизация подрывной деятельности недавних союзников. Практически не стесненные в средствах американцы с легкостью вербовали агентов среди обнищавшего немецкого населения. Правда, агенты эти отнюдь не были надежны и при любой более или менее острой ситуации готовы были принять сторону побеждающей стороны. Однако многие мелкие тактические задачи с помощью этих агентов удавалось решать.

Нельзя обойти молчанием тот аспект первых лет послевоенной жизни Германии, который сегодня поставлен нашими противниками с ног на голову. После войны в Германии было большое количество проституток.

Причинами этого могут быть названы самые разные факторы: это и почти шесть лет войны, и значительное сокращение мужского населения, и трудные условия жизни в последние два года войны... Фланирующие проститутки, бордели организовывались предприимчивыми немецкими гражданками, но в советской зоне оккупации, встретив отпор, быстро переходили на нелегальное положение. Тем не менее слухи шли, и некоторые морально нестойкие военнослужащие пользовались услугами легкомысленных (?) фройляйн.

Из литературы же, появившейся в нашей стране после «победы» перестройки, можно узнать, что советские солдаты массово насиловали немок. Как человек, находившийся на переднем крае борьбы, принявшей новые формы, и бывший в курсе подавляющего большинства всех нерядовых событий, заявляю, что это злобный навет и провокация.

Конечно, изнасилования случались, они — неизбежный спутник любых войн, и не только войн, но случались в единичных количествах и карались строго. Подобное преступление для командира любого уровня прикрыть было невозможно: для этого не существовало ни человеческой, ни политической, ни материальной базы. Я знаю о нескольких строгих приговорах, вынесенных трибуналами по этой статье.

По роду своей деятельности, в служебных целях, встречался с некоторыми немками, «дамами полусвета». Однажды был вынужден даже проводить краткое разбирательство жалобы немецкой гражданки.

Эта строгая подтянутая дамочка жаловалась, что один из солдат — ее бывших клиентов стащил у нее не то двести, не то триста марок.

— Похищен результат большого труда! Я беру всего лишь 5 марок за сеанс, — возмущенно и требовательно говорила она, по всей видимости считая, что небольшие деньги, которые она берет за сеанс, должны поднять ее авторитет в глазах советского оккупационного командования.

Как очевидец и участник многих событий в послевоенной Германии, со всей ответственностью заявляю, что вся эта богатая библиография по поводу массовых изнасилований, все эти жуткие главы в мемуарах битых нацистов и в трудах западных «историков», очевидно, имеют заказной характер с единственной целью — очернить советских солдат и офицеров, смазать их подвиг в годы войны, бросить тень на непобедимую и легендарную Красную Армию, а заодно и мазнуть грязной краской по нашему национальному имени.

Работа в Управлении Особых отделов Группы советских оккупационных войск в Германии

С окончанием войны войска 1-го Белорусского фронта стали активно сокращаться. Расформировывались целые дивизии и армии. В связи с победой солдаты-победители отправлялись домой, в Советский Союз. Проводы везде были торжественными, играли духовые оркестры, уезжающим вручали цветы, подарки, продовольственные наборы. Это было незабываемое зрелище.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны И.В. Сталин дал высокую оценку деятельности органов «Смерш» и высказал благодарность всему личному составу военной контрразведки. Многие начальники управлений «Смерш» фронтов после их расформирования были назначены на высокие посты в центральном аппарате и в периферийных органах. Сам В.С. Абакумов стал министром госбезопасности СССР. Одним из его заместителей стал Н.К. Ковальчук, бывший до этого начальником Управления контрразведки «Смерш» 4-го Украинского фронта.

Пятерым бывшим начальникам отделов «Смерш» армий были присвоены генеральские звания. В частности, генеральское звание было присвоено Н.М. Карпенко — начальнику «Смерш» 5-й ударной армии, в которой я закончил войну. После ликвидации армии Н. Карпенко был назначен начальником Управления госбезопасности по Алтайскому краю.

Безусловно, все народы Советского Союза внесли свой вклад в нашу общую Победу на фронте и в тылу. И столь же бесспорным мне представляется тот факт, что основной вклад в нашу Победу внес Великий Русский народ.

На фронтах Великой Отечественной войны русские составляли основной костяк всех частей и соединений. Они в целом воевали смело и мужественно. Меня на фронте всегда поражала стойкость и терпимость русских солдат ко всем трудностям и невзгодам. Это замечено и своими и чужими.

Не раз мне довелось наблюдать самые тяжелые картины.

Во время боев в Крыму, под Феодосией, одному русскому солдату пуля попала в мякоть руки повыше локтя, но не вышла. Уходить в госпиталь боец отказался. Тогда военфельдшер взял в руку шомпол, протер его спиртом и, введя через входное отверстие пули, вытолкнул пулю наружу, разорвав кожу. Боец при этой «операции» даже не пикнул.

Другой солдат под Сталинградом получил множественное осколочное ранение кисти руки и локтя. Медсестра пинцетом вытащила эти осколки, по всей видимости, повредив вену, так как из руки сильно брызнула кровь. Солдат побледнел, а после завершения перевязки хриплым и спокойным голосом сказал:

— Была бы кость, а мясо нарастет.

Таких примеров можно привести десятки, но не буду испытывать терпение читателя.

Берлин. Олимпишесдорф. Июнь 1945 года. Отделение Л.Г. Иванова (справа), рядом — Цыпурин, Иовлев — слева, Говорков — справа, Власенко — вверху

В связи с сокращением войск за ненадобностью ликвидировались многие отделы «Смерш». Многих офицеров-смершевцев увольняли. В первую очередь под увольнение подпадали не слишком проявившие себя в служебной деятельности или имевшие замечания. Под увольнение попали сотни оперативных работников.

Я же под увольнение не попал: напротив, меня перевели с повышением из отдела контрразведки «Смерш» армии в управление «Смерш» ГСОВГ. В Германии после войны мне приходилось находиться в Карлсхорсте, Олимпишесдорфе, Шверине, Потсдаме и в городе Гере в Тюрингии.

В Потсдаме располагалось Управление Особых отделов (УОО) Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), оно находилось в живописной части города с соответствующим ограждением и охраной.

В УОО я был назначен начальником отделения. Отделение было большое, насчитывало 53 человека. У меня было два заместителя.

Отделение занималось оперативным обслуживанием всех частей группового подчинения (склады — ГСМ, боеприпасов, вещевые, продовольственные; военные госпитали, трофейные бригады, батальоны по строительству памятника в Трептов-парке, животноводческие хозяйства и т.д.).

В Потсдаме в то же время находились американская, английская и французская военные миссии. В свою очередь наши военные миссии находились в американской, английской и французской зонах оккупации Западной Германии.

Нам было известно, что военные миссии союзников в г. Потсдаме укомплектованы, как правило, кадровыми разведчиками, ведущими активную работу против Группы советских войск. В этих целях они старались завязать связи с нашими людьми во время приемов и через немок, которые имели интимные связи с нашими людьми. Все это делалось для того, чтобы искать удобные вербовочные подходы и в случае благоприятных условий осуществлять саму вербовку. Нам приходилось работать над поиском подобных подозрительных связей. В отдельных случаях проводили профилактические беседы с попавшими в наше поле зрения офицерами или даже рекомендовали их к досрочной отправке из Группы в Советский Союз.

Большую головную боль создавал нам и так называемый черный рынок в Западном Берлине, за Бранденбургскими воротами. Там скапливалось большое количество представителей союзных войск, бывали там и наши офицеры. Между посетителями «черного рынка» шел активный торговый обмен, главным образом, товар на товар. Безусловно, этот рынок часто посещали в своих целях и разведчики союзных войск. Под видом торго-

вых операций они старались вступить в личный контакт с советскими офицерами. Принимали все меры к закреплению установленных отношений.

Нам приходилось там внимательно работать. Нередко мы посылали своих людей с конкретными задачами и сходными целями, иногда рынок посещали наши наблюдатели, большей частью в гражданской одежде.

Эта работа приносила немалые результаты. Важно было не допустить проникновения агентуры союзников в наши войска.

Как я уже писал выше, в войсках Группы было немало людей, призванных полевыми военкоматами после освобождения от немецкой оккупации той или иной советской территории. Они призывались в армию скоротечно, и заниматься их проверкой в ходе боев не было возможности. В этой категории оказались лица, которые в свое время активно сотрудничали с немцами, были предателями, агентами гестапо, запачканными кровью советских людей.

Они понимали, что рано или поздно до них доберутся и им придется понести наказание за свои преступления перед советским народом.

Мы вели активную работу по выявлению подобных лиц. У нас в руках были специальные книги розыска, по которым проходили еще не привлеченные к ответственности немецкие агенты, старосты, полицейские. На некоторых из них были более или менее подробные данные, на других очень краткие сведения. И все же в тех непростых условиях нам удавалось устанавливать и задерживать разыскиваемых лиц.

Помню, в 1947 году я послал с книгой розыска одного из подчиненных в большое животноводческое хозяйство, где работали около 300 человек. Оперработник сразу выявил четверых преступников. Один из них, некто Вешенский, был немецким резидентом в одном из лагерей военнопленных. Во время войны он служил в

армии, был майором, потом по трусости изменил Родине и перебежал через линию фронта к немцам. При допросах он рассказал немцам много интересного, после чего его завербовали и направили в лагерь военнопленных для выявления лиц, готовящихся к побегу или ведущих антигитлеровскую пропаганду, то есть советских патриотов. На этом поприще он выдал немцам ряд лиц, чем заслужил похвалу командования и был переведен в резиденты.

У него на связи было более десятка агентов гестапо, перед которыми он по заданию немцев ставил задачи, собирал информацию.

Когда я допрашивал Вешенского, у меня складывалось впечатление, что я веду разговор с кадровым агентуристом. Он беспрерывно сыпал словами «явки», «провалы», «конспиративные встречи», «сеансы» и т.д.

Он был арестован и получил по заслугам.

По-прежнему большая работа проводилась по борьбе с изменой Родине. Теперь изменники изменили свои задачи и приемы, но остались теми же по сути. Они боялись возмездия за совершенные преступления и старались сбежать в западные зоны оккупации.

Обычно в этих целях они вступали в интимные отношения с немками и, по прошествии определенного времени, уговаривались с ними об уходе на Запад. Это было удобно для изменников. Немки знали немецкий язык, территорию Германии, дороги и т.д. Мы имели право вести оперативную работу среди немецкого населения. От наших людей из числа немок мы нередко получали сведения о подготовке определенного лица к уходу на Запад.

За время войны со стороны офицеров особых отделов, а затем «Смерш» не было ни одного случая перехода их через линию фронта к немцам, то есть не было случаев измены Родине. Во всяком случае, так было на тех участках фронта, где я проходил службу — в Примор-

ской армии, на Крымском, Северо-Кавказском, Сталинградском, Южном, 3-м Украинском, 1-м Белорусском фронтах.

Уже после войны, в 1949 году, когда я служил в Управлении Особых отделов ГСВГ, имел место факт измены Родине офицером управления, ст. лейтенантом Гольдфарбом, переводчиком немецкого языка. Он часто выезжал за пределы территории Управления вместе с семьей — женой и ребенком. В службе охраны к этому привыкли и не обращали на его выезды внимания — бдительность притупилась.

В день измены он, как всегда, на машине выехал с семьей за территорию управления и не вернулся. Тогда сразу стало ясно, что Гольдфарб давно готовился к переходу в Западный Берлин. Начальником управления Особых отделов группы был тогда генерал-лейтенант, а впоследствии генерал армии начальник ГРУ МО СССР Герой Советского Союза П.И. Ивашутин. Он многое пережил в связи с этим случаем.

Когда стали внимательно разбираться с прошлым Гольдфарба, выяснилось, что в 20-е годы его отец был расстрелян ЧК за крупные сделки с золотом. Этот факт своей биографии Гольдфарб, поступая на службу в органы, скрыл.

Он был в моей группе по изучению марксизма-ленинизма. На занятиях вел себя активно, часто выступал. Видимо, он хотел создать о себе хорошее мнение и отвести малейшие подозрения.

Я, конечно, внутренне переживал, что не разглядел сути этого выродка.

Поиск Гольдфарба никаких успехов не принес.

Приведу только один пример. Где-то весной 1948 года мы получили сведения, что солдат одной из частей в районе Берлина, Петров, такого-то числа намеревается со своей подругой-немкой, Гертрудой, бежать в Западный Берлин. Источник указывал час побега и предпо-

лагаемый маршрут. Зная адрес немки, мы в указанное время выставили засаду. Когда солдат в гражданской одежде вместе с немкой направлялся к машине, он был задержан.

Вся соль этой истории в том, что солдат, которого мы задержали, был радистом на машине, которая сопровождала главнокомандующего Группой войск Маршала Советского Союза Соколовского при его передвижениях по Берлину.

Наше отделение постоянно давало информацию Военному совету Группы за подписью начальника УОО Группы тогда генерал-лейтенанта П.И. Ивашутина[1]. Информация касалась положения в частях группового подчинения, грубых нарушений дисциплины, воровских махинаций и т.д.

В начале 1949 года я был назначен начальником Особого отдела 28-го гвардейского стрелкового корпуса, штаб которого дислоцировался в г. Гере (Тюрингия). Ранее, когда мне исполнилось 27 лет, присвоили звание подполковника.

Корпус был большой. Он имел две дивизии личного состава в городах Иена и Рудольштадт, артиллерийскую бригаду, зенитный полк, батальон связи и саперный батальон, некоторые другие части.

Командиром корпуса был генерал-лейтенант А. Веденин, прекрасный командир и замечательный человек, с которым меня связывали теплые дружеские отношения. Я много помогал ему, постоянно давая ему нужную информацию. Впоследствии А. Веденин долгое время был комендантом Московского Кремля.

---

[1] Петр Иванович Ивашутин (1909–2002) — Герой Советского Союза (1985), генерал армии (1971), в течение почти 25 лет, с 1963 по 1987 год, — начальник ГРУ, заместитель начальника Генштаба. В 1961 году короткое время исполнял должность председателя КГБ СССР. Кавалер 19 советских орденов *(прим. ред.)*.

7 ноября 1945 года. Первое празднование годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции после войны. Группа «Смерш» 5-й ударной армии. Л. Иванов — 4-й слева, рядом Н. Зыбин. Слева Иовлев, справа (боком) — Зобов

Как и в Потсдаме, работа Особого отдела корпуса была направлена на выявление возможной агентуры союзников в частях корпуса, борьбу с изменой Родине, с разного рода отрицательными проявлениями, снижающими боеготовность корпуса.

По окончании войны офицеры Группы войск в Германии не имели права привозить к себе жен. Жили без семей. Только офицерам особых отделов было разрешено привезти своих жен и детей. В этой связи не обходилось, естественно, без определенных нареканий в адрес особистов.

Поскольку армейские офицеры находились без семей значительное время, довольно часто случалось, что они вступали в интимные отношения с немками. Последние, надо сказать, охотно шли на эти связи. Офицеры особых отделов не оставляли без внимания эти отноше-

ния, поскольку порой они приводили к попыткам офицеров уйти на Запад, то есть вели к измене Родине.

Припоминается один из случаев. Офицер-артиллерист в г. Гере, майор, установил устойчивую связь с одной из немок, которая, по нашим данным, была связана с иностранной разведкой. Она стала потихоньку обрабатывать майора и склонять его к уходу на запад. Имея такие сведения, я вызвал к себе офицера для профилактической беседы, в которой потребовал от него прекращения связи с немкой, указав, что в противном случае он может быть отправлен в Советский Союз.

Через некоторое время поступили данные, что офицер не является на службу. Мы, естественно, встревожились, думая о том, что, возможно, тот совершил измену Родине. Немедленно пошли на квартиру к немке. Дверь оказалась закрыта, на стук и звонки никто не отвечал. Взломав дверь, мы нашли несчастную хозяйку и нашего майора, молодых и красивых, лежавших на кровати валетом мертвыми. Она погибла от выстрела в сердце, он от пули в висок.

В оставленной записке майор просил никого не винить в произошедшем. Он писал, что он и Габриэль любят друг друга, но от него требуют прекратить связь, что выше его сил. Уйти на запад, как советский офицер, он не может, и потому они избрали единственный оставшийся им путь, решив, по взаимному согласию, покончить жизнь самоубийством.

До сих пор вижу перед собой мужественное лицо того майора, вновь спрашиваю себя: так ли я все сказал, все ли нужные слова тогда нашел?

Похоронили их в одном гробу.

А вот другой пример. Молоденький лейтенант изнасиловал молодую немку. В этом не было необходимости, немка эта свободно и с большим желанием шла на интимную связь с нашими офицерами. Лейтенант был аре-

Берлин. Сентябрь 1980 года. Мы с женой у Бранденбургских ворот

стован. Узнав об этом, к командиру части пришел отец потерпевшей немки. Он спросил:

— Зачем и за что арестован герр офицер?

Узнав причину ареста, он возмутился:

— Подумаешь, изнасиловал дочь! Что здесь такого? Раньше в Германии с того, кто совершит изнасилование, брали штраф в 50 марок, и все. А вы — сразу арест! И потом, имейте в виду, — продолжал ходатай, — девочка ведь тоже получила удовольствие.

Вот такая мораль.

Во всяком случае, особисты продолжали заниматься выявлением связей армейских офицеров с немками, так как через эти связи могла идти обработка офицеров на вербовку или склонение к измене Родине.

За время моей работы в г. Гере были предотвращены четыре случая подготовки к измене Родине. За это А. Веденин получил благодарность от командования Группы. В то же время в соседнем корпусе были совершены три случая измены Родине, за что командир корпуса был наказан. Естественно, что при таком положении дел генерал А. Веденин очень хорошо относился ко мне, систематически поощрял.

Был случай, когда мне удалось предотвратить групповую измену Родине (группа из трех человек). Во главе группы стоял старшина, который, как оказалось впоследствии, был полицейским при немцах. Ему под различными предлогами удалось склонить к побегу двоих солдат. Все они были схвачены при попытке совершить преступление.

И все-таки один случай измены в корпусе был. Солдат из полка, находившегося в городе Плауен, бежал в Западную Германию. Для выяснения обстоятельств случившегося я выехал в Плауен.

Там была установлена немка, с которой был связан солдат, но по причине болезни немка не могла бежать с ним. Эта женщина сообщила, что изменник пошел к вокзалу, чтобы нанять там такси и доехать до границы. Мы приняли меры к розыску этого таксиста.

Всего у вокзала в тот день находилось 20 машин. Я стал вызывать поочередно каждого из этих таксистов и задавать им одни и те же вопросы: не видел ли он солдата и на какой машине тот уехал? Среди опрашиваемых был бледный, худой, плохо одетый таксист. «Нет, никого не видел», — отвечает тот. Мне стало его жалко, я дал ему буханку хлеба и кусок сала. Вызываю следующего таксиста, и тот показывает, что видел солдата, тот сел в машину таксиста, который только что у меня был. Я вновь вызываю худенького таксиста, журю его за вранье и еду с ним к тому участку границы, где сошел изменник.

Все показания надо было документально засвидетельствовать, чтобы возбудить уголовное дело и судить изменника заочно.

Но на этом дело не закончилось. Мы установили контакт с немкой, и по нашему указанию она завела с изменником переписку. В одном из писем она сообщила, что выздоровела и выезжает к нему. При этом они договорились о месте и времени встречи с ним в Западной Германии. Мы в это время подобрали двух крепких немцев, дали каждому по тысяче марок, попросили съездить в Западную Германию (тогда это свободно можно было сделать) и привезти изменника.

Они встретили его, посадили в машину, стукнули гантелью по голове, чем-то накрыли и привезли в Гере. Это было важное и успешное мероприятие, по достоинству оцененное руководством УОО и командованием Группы.

В апреле 1950 года, по истечении пятилетнего срока пребывания в ГДР, я был направлен в Киев начальником 2-го отдела УОО по Киевскому военному округу.

Работа в центральном аппарате МВД—КГБ

В июне 1952 года, после краткого пребывания в Киеве, я был переведен на службу в Москву, в 3-е Главное управление МГБ СССР.

Перед назначением я был принят руководством МГБ СССР, а затем вызван в административный отдел ЦК КПСС, так как предполагаемая для меня должность входила в номенклатуру ЦК.

Первоначально я был назначен начальником отдела по обеспечению государственной безопасности всех военных академий и военных научно-исследовательских институтов. Противостояние СССР и США нарастало, разведывательная деятельность западных стран и США в нашей стране усиливалась. Это произошло после неудачи вооруженных сил США в Корее, где они фактически потерпели поражение на земле и, сверх своих ожиданий, в воздухе. Напомню, что воздушные бои в Корее вели главным образом советские летчики, обеспечившие, как минимум, двукратное превосходство по сбитым самолетам. К такому повороту событий наши недавние друзья оказались не готовы и решили дать нам бой другими средствами и методами. Если выражаться дипломатично, то важных объектов для работы было много...

Но вскоре, неожиданно для меня, я был назначен начальником 1-го отдела 3-го управления по обеспечению государственной безопасности Генштаба Вооруженных сил и аппарата Министерства обороны СССР.

Отдел был большой, работа была напряженная, важная, ответственная.

Курировал 1-й отдел первый зам. начальника 3-го Главного управления полковник Н.Р. Миронов, замечательный человек, оказавший на меня первостепенное влияние.

При первой же нашей встрече он сразу расположил к себе доверительной и исключительно доброжелательной формой разговора, хотя разговор касался тем достаточно острых. Он, в частности, рассказал мне, что мое назначение, как весьма молодого по возрасту (мне было тогда 33 года), вызывает определенное недовольство у некоторых работников аппарата, которые сами предполагали занять место начальника отдела. Точно и ненавязчиво он рекомендовал мне, как держать себя в сложившемся положении, как смягчить удар, нанесенный по ожиданиям и самолюбию других людей, теперь подчиненных мне. С тех пор прошло более полувека, а я до сих пор благодарен ему за те советы, что помогли мне вписаться в коллектив, и никто на меня не бросал косых взглядов.

Генштаб и Министерство обороны были важнейшими государственными объектами, где находилось средоточие главных военных секретов страны. Естественно, что разведки иностранных государств всеми силами пытались узнать о них хоть что-то. Отсюда очевидна и наша задача: не допустить никакой утечки военных секретов ни по каким каналам (личным, агентурным, через систему скрытого управления войсками, посредством хищения секретных документов, с помощью различных технических средств и др.).

По всем этим направлениям проводились всесторонние оперативные мероприятия. При этом во многом мы опирались на руководство Министерства обороны, Генштаба и главных управлений.

С их помощью мы проводили профилактические мероприятия в отношении лиц, допущенных к секретам и замеченных в подозрительных связях с иностранцами, велась борьба с нарушениями в работе с секретными документами, с болтовней, косвенно, а порой и прямо выдававшей служебную информацию, и т.д.

По материалам 1-го отдела руководство 3-го управления систематически представляло оперативную информацию в Генштаб и в Министерство обороны. Кроме того, каждый оперработник, на своем уровне, представлял собранную информацию руководству управлений.

Я лично как начальник отдела имел постоянные встречи с первым заместителем начальника Генштаба генералом армии М.С. Малининым[1]. У меня с ним сложились настолько хорошие отношения, что он меня звал просто – Леня. При встречах с ним я сообщал ему оперативную информацию и, в свою очередь, получал от него специальные и очень необходимые сведения, которые учитывались при работе и очень помогали. Запомнился такой случай. В тот день, когда арестовали Л. Берию, в Москве на улицах появились войска и танки.

В моем кабинете раздается звонок — звонит первый зам. начальника 3-го Главного управления, ставленник Гоглидзе и Берии:

— Слушай, в чем дело? Почему на улицах появились войска? Поскорее выясни и доложи.

Я по «кремлевке» тут же звоню М. Малинину. Тот спокойно мне отвечает:

---

[1] Михаил Сергеевич Малинин (1899—1960) — Герой Советского Союза, генерал армии (1953). В годы войны начальник штаба ряда фронтов, в 1952—1960 первый зам. нач. Генштаба, Депутат Верх. Совета СССР.

— Леня! Во-первых, при всем уважении и доверии к тебе я ничего тебе не скажу. Во-вторых, советую тебе по этому вопросу больше ни к кому не обращаться. Понял меня?

— Так точно, все понял.

Уже впоследствии я понял, что своими ответами он хотел оградить меня от неприятностей. Ведь настойчивые звонки и расспросы в такой острый момент могли ко мне самому вызвать определенные подозрения.

Я позвонил первому заму начальника 3-го управления и доложил, что выяснить причины появления войск на улицах мне не удалось.

Тот в весьма грубой форме выразил свое крайнее неудовольствие. При этом его пассаже я также вышел из себя и заявил ему, что он — генерал, один из руководителей управления и вполне мог бы сам позвонить министру обороны. Генерал осекся, потом выругался и повесил трубку.

Вскоре он был уволен из органов как ставленник Гоглидзе.

Ко мне, как к начальнику отдела 3-го управления по академиям, а затем и по Генштабу, по наследству от В. Абакумова перешло большое количество оперативных дел на крупных военачальников, в том числе и на некоторых маршалов. В их числе были, например, материалы на Маршалов Советского Союза М.В. Захарова, Р.Я. Малиновского, А.М. Василевского, Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова и др. В материалах этих дел были, в основном, выписки из показаний арестованных офицеров и генералов, касающиеся названных лиц, записи разговоров, полученные техническими средствами, некоторые другие оперативные документы. В некоторых делах были фотографии, в других копии различных письменных распоряжений И. Сталина.

Возможно, эти дела велись по инициативе В. Абакумова, возможно, по приказу самого И. Сталина, кото-

рый, не исключено, боялся предательства со стороны отдельных лиц из армейского руководства в тяжелейшей из войн.

Все эти дела мне вместе с опersоставом было приказано пересмотреть и вынести обоснованное постановление либо об их уничтожении, либо с рекомендациями дальнейшей разработки. Как правило, постановления выносились об уничтожении этих дел, в них не было ничего серьезного. Постановления выносились за моей подписью, а утверждались вновь прибывшим начальником 3-го управления особых отделов генерал-лейтенантом Д. Леоновым.

Д. Леонов был поставлен на эту должность после ареста Гоглидзе. До этого он был членом Военного совета Ленинградского военного округа, а еще ранее заместителем начальника Генштаба по политчасти, и ему доводилось лично знать многих военных руководителей, постановления на дела которых мы выносили. Это, безусловно, сыграло положительную роль при рассмотрении названных документов.

Помню, с каким вниманием, детальнейшим образом он изучал тома оперативного дела на Г.К. Жукова. Замечу, что сколь-нибудь серьезных материалов на Г. Жукова собрано не было, попытки сфабриковать что-либо, бросить тень были, но бросалась в глаза их очевидная нелепость и надуманность. Дело на Г. Жукова было заведено уже после окончания войны, когда маршал победы попал в немилость к И. Сталину.

Д. Леонов был человеком большой порядочности и честности. Он работал на многих должностях в политорганах Вооруженных сил СССР, в том числе и на очень высоких. Хорошо разбирался в людях, верил в них. Оперативную работу он, конечно, не знал, но не чурался советоваться с подчиненными по самым разным вопросам и аспектам чекистской деятельности. Нередко по разным специальным вопросам он обращался и ко мне.

Будучи глубоко партийным и принципиальным человеком, он умело исправлял ошибки в работе управления, допущенные бывшим руководством, и мог твердо вести дело в заданном направлении. Он был очень строг и требователен не только к подчиненным, но и, прежде всего, к себе. Лично был очень скромен на службе и в быту. Среди опersостава он пользовался заслуженным авторитетом и уважением.

Работа по рассмотрению дел на военачальников отнимала у меня много времени, отвлекала от живой работы, требовала множества справок, проверок, уточнений.

Но работа была очень важная, ответственная, требовавшая предельного внимания, точности и объективности.

Среди рассмотренных дел были настоящие трагедии и сложно закрученные драмы. Хватало и ярких комических моментов.

Однако пересказывать те дела не могу прежде всего по этическим соображениям. Кратко расскажу о рассмотрении одного дела и о дальнейшей судьбе его фигуранта.

Однажды среди дел я нашел тонкую синюю папку — дело генерала И. Рухле. Это был один из первых красных офицеров, старый член партии, герой Гражданской войны, награжденный орденом Красного Знамени, стоявший в почетном карауле у гроба Ленина.

В этой папке находилась подлинная телеграмма командующего Сталинградским фронтом А. Еременко — И. Сталину, датированная осенью 1942 года, где тот возлагал вину за срыв сентябрьского наступления на готовившего его начальника оперативного управления штаба фронта генерал-майора И. Рухле. На телеграмме красным карандашом личная резолюция Сталина: «Рухле арестовать».

Переворачиваю телеграмму и вижу небольшую справку, что И. Рухле сидит в таком-то лагере. Ни приговора, ни решения суда, ни на сколько лет осужден И. Рухле — ничего этого не было. А сидел он уже более 10 лет. Дело показалось мне необычным.

Я доложил Д. Леонову об арестованном И. Рухле.

— Так я его знаю еще по работе в Генштабе, достойный человек, — сказал Леонов, — оставь-ка папку у меня.

Месяца через полтора Д. Леонов вызвал меня и сообщил, что И. Рухле жив, освобожден, восстановлен в звании генерал-майора и направлен в Петрозаводск заместителем командира стрелкового корпуса к генерал-лейтенанту С.А. Андрющенко.

Позднее, уже работая в Москве и проживая на Кутузовском проспекте, я узнал от жены, что наши соседи сверху — семья какого-то уважаемого генерала. Оказалось, что фамилия генерала — И. Рухле. Так мне довелось познакомиться с человеком, заочно знакомым мне ранее. О своем участии в его судьбе я никогда ему не рассказывал. Уже находясь на пенсии, Иван Никифорович Рухле вел большую общественную и партийную работу: был секретарем парторганизации уволенных в запас генштабистов — офицеров и генералов. Зная о моей работе в КГБ, он никогда не проявлял какого-либо недружелюбия или неприязни. Родственники его до сих пор поддерживают с нами дружеские отношения.

Запомнился один из курьезных эпизодов моей работы начальником 1-го отдела. Дело было в Москве, в середине 50-х годов. Однажды в моем кабинете раздается звонок по кремлевскому телефону. Снимаю трубку. Звонит начальник Главного разведывательного управления Генштаба генерал-полковник М.А. Шалин:

— Леонид Георгиевич! У нас ЧП. Прошу срочно приехать. — Голос глухой, взволнованный.

Через полчаса вхожу в кабинет М. Шалина. Тот перебирает за своим столом бумаги. Лицо у него серое, руки дрожат. В кабинете адмирал Л. Бекренев. Со мной начальник отделения нашего отдела — подполковник Н.И. Найдович.

— Вот, — разводит руками Шалин, — приходил ко мне адмирал Леонид Константинович Бекренев (начальник стратегической разведки) с рядом папок. Среди этих папок принес доклад для ЦК — о результатах работы стратегической разведки ГРУ за год, важнейшие новые положения... в зеленоватой скользкой папке, тоненький. Совершенно секретный, особой важности документ. Я чуть кое-где подправил. Передал документы Л. Бекреневу для исправления некоторых мест, и тот ушел. Потом быстро вернулся и взволнованно говорит: «Я не взял документы для ЦК!» Отвечаю, что точно передал их ему.

Я стал спрашивать, куда пошел Л. Бекренев после ухода от М. Шалина.

— Вышел в приемную, потом в коридор и к себе в кабинет — он рядом, десять шагов по коридору. Все уже осмотрели — ничего не нашли.

— Больше нигде не были? Никого не встречали? В туалет не заходили?

— Нет. Никого не встречал. Больше нигде не был. — Л. Бекренев нервно, заметно дрожавшей рукой достал сигарету.

Предлагаю: давайте воспроизведем всё, как было. Л. Бекренев с пятью-шестью тоненькими папочками заходит к М. Шалину. Тот просматривает документы и возвращает их Л. Бекреневу. Спрашиваю последнего:

— Где вы держали документы? В руках?

— Нет, под мышкой.

Вышли из кабинета М. Шалина в приемную, где встал за столом порученец, направились в коридор.

— Товарищ адмирал! А вы не сразу пошли в коридор, вы сперва на этот диван сели, — неожиданно вмешался в разговор порученец М. Шалина.

Я взглянул на диван. Кожаный, большой, добротный, но, как это нередко бывало, не очень удобный. Спрашиваю Л. Бекренева:

— Зачем вы сели?

Отвечает:

— Чтобы закурить.

— А документы все еще держали под мышкой?

— Точно так.

Говорю Л. Бекреневу:

— Берите папки, садитесь и закуривайте!

Бекренев сел, взял папки под мышку, закурил. Когда он прикуривал, согнутая рука его немного ослабла. Одна папочка при этом выскользнула и упала на диван.

Так оно и произошло на самом деле. Л. Бекренев был человек грузный, и немудрено, что диван под нагрузкой разошелся между сиденьем и спинкой и злосчастная папка скользнула в образовавшийся промежуток.

— Плотник у вас есть? Пригласите, — попросил я порученца.

Через минуту явился плотник.

— Разбирайте диван.

Плотник был при инструменте, оказался парнем знающим и мастеровитым. Через три-четыре минуты упали валики дивана, была отсоединена спинка, снято сиденье.

Под сиденьем, в закрытой донной коробке, сверкнула скользким боком злополучная папка.

На шум из кабинета выбежал М. Шалин. Он был радостно возбужден, начал обнимать меня и Н. Найдовича, сердечно благодарить, трясти руку. Тут же вручил нам по памятному подарку — наручным часам. Если бы документ не был найден, об этом ЧП следовало бы не-

медленно доложить министру обороны и в ЦК. Еще бы, нелепый ерундовый случай мог привести к большим хлопотам и плачевным результатам, в том числе и кадровым.

Помимо непосредственной службы в Москве нередко приходилось выезжать в войска, выполняя задания по обеспечению госбезопасности особо важных военных мероприятий. Одним из таких мероприятий были учения с применением ядерного оружия, описанные ниже в отдельной главе.

Как я уже писал выше, моим куратором в 3-м управлении был полковник Н.Р. Миронов — глубоко честный, одаренный, принципиальный и мужественный человек. В органы он пришел по распоряжению ЦК с должности секретаря Кировоградского обкома партии. В политорганах он прошел всю войну, нередко с оружием в руках оказывался на самых трудных участках. В партийной работе он умел добиваться поставленных задач без жестких методов и пользовался исключительно высоким авторитетом.

Ко мне он относился с доверием и уважением. Оглядываясь сегодня на прожитую жизнь, могу сказать, что он оставил во мне очень значительный след — его выдержка, спокойствие, умение быстро найти правильное решение были достойны восхищения, равно как и способность применить в сложной ситуации тонкий и точный юмор. Будучи впоследствии на высоких должностях, он поддерживал со мной дружеские отношения, внимательно следил за моим ростом, звонил по телефону, неоднократно приезжал.

После смерти И. Сталина, с приходом к власти Л. Берии, стала проявляться сильная тенденция вычищения из органов бывших партийных работников. Это коснулось и Н.Р. Миронова — его честный, независимый ха-

рактер не устраивал многих в тогдашнем руководстве МВД.

Где-то в апреле 1953 года по указанию Л. Берии он был снят с должности первого зама начальника 3-го управления и направлен с очень большим понижением на должность замначальника Управления Особых отделов Киевского военного округа.

Конечно, для Н. Миронова это был тяжелый моральный удар.

Вскоре после ареста и разоблачения Л. Берии в большом зале клуба им. Дзержинского состоялся партийный актив работников МВД, на котором присутствовал Н. Хрущев. На повестке актива стоял один вопрос — «антиправительственная деятельность Берии».

Я присутствовал на этом активе и выступил на нем. Дав соответствующие оценки ряду преступлений Берии и, в духе времени, одобрив действия ЦК по пресечению его враждебной деятельности, я отметил, что Л. Берия не терпел в МВД партийных работников, присланных в органы по указанию ЦК. В качестве примера привел Н.Р. Миронова. Сказал, что он был прислан в МВД по указанию ЦК, был хорошо принят коллективом, много, плодотворно и творчески работал, никаких ошибок и промахов не допустил. Здесь налицо не только нарушение дисциплинарного Устава армии, но и прямая расправа с хорошим работником. Мое выступление оказалось явно «ко времени» и было встречено с одобрением.

Вскоре Н. Миронов был возвращен в Москву на прежнюю должность. Я ничего не говорил ему о своем выступлении на активе, но полагаю, что он знал об этом и без меня. Я постепенно и дипломатично вводил его в курс чекистской работы, он неоднократно вместе со мной принимал участие в оперативных мероприятиях.

Запомнилось его отношение к подчиненным — истинно внимательное, человеческое. Как-то, возвратившись

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Служебный ПРОПУСК № 2919

Тов. Иванов
Леонид Георгиевич

для ПРОХОДА на КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
НА ПОХОРОНЫ
Председателя Совета Министров СССР и
Секретаря Центрального Комитета КПСС
Генералиссимуса
Иосифа Виссарионовича
СТАЛИНА

Начальник Генерального Штаба
Советской Армии и Военно-Морского Флота
Маршал Советского Союза Соколовский *В. Д.*
с супругой

просят полковника ИВАНОВА Л.Г.

с супругой

пожаловать на приём по случаю XXXIX годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Приём состоится 23 февраля 1957 г. в 18.00.

Форма одежды парадно-выходная. *Адрес: Площадь Коммуны, 1, 2 эт.*

**Пропуск на похороны Сталина (вверху).
Приглашение от Маршала Советского Союза
В.Д. Соколовского**

из отпуска, я сидел в своем кабинете, вникая в обстановку — изучая новые вводные, оперативные данные и т.д. Вдруг — звонок от Н. Миронова:

— Ты уже прибыл из отпуска. А чего ж ко мне не заходишь?

— Так надо же в курс дел войти, Николай Романович. Узнать, что к чему...

— От этого никуда не денешься. Ну, а сейчас зайди ко мне. Я хоть посмотрю на тебя, какой ты после отпуска.

Николай Романович осмотрел меня, внешним видом остался доволен.

— Выглядишь как капитан футбольной команды, — заметил он со свойственным ему юмором.

Очень редко за свою долгую жизнь я встречал или слышал о подобном отношении руководителя к подчиненному. Его внимательное, доброе отношение ко мне осталось в памяти на всю жизнь.

Вскоре Н.Р. Миронов был назначен начальником управления КГБ по Ленинградской области. Он тепло распрощался со своими сотрудниками, заметив мне, чтобы я не терял с ним связь.

Через некоторое время по делам службы я был в Ленинграде, зашел по служебным делам в кабинет к начальнику Особого отдела КГБ по Ленинградскому военному округу А. Шурепову. Раздается телефонный звонок. А. Шурепов подает мне трубку: это тебя. В трубке голос Н. Миронова. Поздоровался и спрашивает: почему я не захожу к нему? Далее, конечно в шутку: конечно, зачем вам, работнику центрального аппарата, заходить к какому-то провинциальному руководителю...

Не прошло и получаса, как я был в его кабинете. Обнялись, выпили по маленькой и по чашечке кофе. Затем он подает мне папку с документами и кивает на дверь в комнату отдыха:

— Иди почитай. Мне очень важно знать твое мнение по этому поводу.

Я открыл папку и увидел там письмо, адресованное лично Н. Хрущеву. В нем Н. Миронов писал, что председатель КГБ, Герой Советского Союза генерал армии И.А. Серов лично замешан в массовых репрессиях против советских людей, что он не желает вникать в суть из-

менившейся обстановки, что продолжает действовать и мыслить старыми категориями. Все эти слова были аргументированы конкретными убедительными примерами.

Прочитав письмо, я сказал Н. Миронову, что полностью с ним согласен, что письмо свидетельствует о мужестве и принципиальности автора, что не каждый способен на такой поступок.

Н. Миронов с улыбкой согласился со мной:

— Все это так, но я на всякий случай готовлю еще и сухари. Ведь Серов есть Серов, от него всего можно ожидать.

На прощание мы вновь обнялись и пожелали друг другу успехов.

При этом Н. Миронов вновь повторил, чтобы я не терял с ним связь.

Вскоре было объявлено о снятии И. Серова с поста председателя КГБ и назначении его начальником Главного разведывательного управления Генштаба. 2 февраля 1963 года И. Серов был освобожден от занимаемой должности. В марте того же года по предложению специально созданной комиссии Президиума ЦК КПСС (в состав комиссии входили Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов и новый начальник ГРУ П.И. Ивашутин), поддержанному решением Президиума ЦК КПСС от 12 марта 1963 года, «за утерю политической бдительности» Серов был лишен звания Героя Советского Союза и понижен в звании до генерал-майора. Позднее, в 1965 году, он был исключен из партии и отправлен в окончательную отставку.

Замечу, что смещение И. Серова произошло еще при Н. Хрущеве, с которым того связывала старая дружба. Видимо, Н. Хрущеву было выгодно убрать И. Серова из руководства органами: И. Серов много знал о неблаго-

видных делах самого Н. Хрущева, ибо длительное время работал с ним в Киеве, а затем в Москве.

Н.Р. Миронов вскоре был назначен заведующим административным отделом ЦК КПСС. Отдел этот курировал работы по подбору и назначению руководящих кадров Министерства обороны, КГБ, МВД, Прокуратуры СССР. Это был один из ведущих партийных органов страны.

Позднее мы несколько раз встречались с Н. Мироновым. Он дважды приезжал в Будапешт, где я работал начальником Особого отдела ЮГВ, и был в гостях у нас с Полиной Ивановной.

Большим ударом для многих советских людей, и в частности для меня, было известие о гибели Н.Р. Миронова вместе с делегацией, возглавляемой маршалом С.С. Бирюзовым, в авиакатастрофе на горе Авала, под Белградом, 19 октября 1964 года.

Человек исключительно одаренный, тонкий, внимательный и в то же время мужественный и решительный, Н. Миронов был прирожденным политиком. Хоть и не терпит история сослагательного наклонения, но уверен, не будь той трагедии под Белградом, судьба всей советской страны сложилась бы по-другому.

Н. Миронов вырос в Днепропетровске и с юных лет был дружен с Л. Брежневым. Теплые отношения они пронесли через всю жизнь. Говорили, что Л. Брежнев признавал интеллектуальное превосходство Н. Миронова и внимательно прислушивался к его рекомендациям.

Весть о трагедии пришла к Л. Брежневу, когда он стоял на трибуне Мавзолея, проводя торжественную встречу первого группового экипажа космического корабля — В. Комарова, К. Феоктистова, А. Егорова. Услышав о трагедии по телефону, Л. Брежнев долго молчал, в потрясении держа в руках телефонную трубку, затем сказал что-то А. Косыгину и Н. Подгорному. А позднее он откровенно рыдал, вспоминая погибшего друга.

Нельзя не заметить, что в стране Н. Миронова знали мало, широким массам его имя ничего не говорило. Но в руководстве партии, в силовых структурах его хорошо знали: это была сильная и авторитетная фигура. Он обладал колоссальной политической волей и умением достигать поставленных целей. О степени его влияния на высшее руководство страны, включая Л. Брежнева, ходили легенды.

— Еще один теневой лидер, — заметит кто-то. Это не совсем так. Ведь погиб-то он не на вершине карьеры. Что такое 50 лет для человека, «под которым» и до антихрущевского переворота «ходили» армия, КГБ, ГРУ, внутренние и пограничные войска, правоохранительные органы. Говорят, что он сыграл большую роль в смещении Хрущева.

Будь жив Н.Р. Миронов, уверен, не было бы такого разложения в верхушке партии, какое пришло в 70-е годы, не разгулялись бы Щелоков и дочь Брежнева — Галина. К чему это привело — вы знаете не хуже меня.

Вспоминая этого замечательного человека, считаю своим долгом кратко изложить его биографию.

Николай Миронов родился в 1913 году в городе Днепропетровске. Происходил из рабочей семьи — отец был рабочим кирпичного завода, а позднее работал на железной дороге. Как рабочий начинал и Николай. Позднее работал во многих профсоюзных и комсомольских организациях.

Активный участник Великой Отечественной войны. В боях был несколько раз ранен, один раз тяжело.

После войны, в 1947 году, был избран первым секретарем Октябрьского райкома КПСС, а в 1949 году — секретарем Кировоградского обкома партии.

В 1951 году по решению ЦК был направлен на работу в органы госбезопасности.

Был депутатом Верховного Совета СССР, делегатом двух съездов партии, в последние годы работал заведующим административным отделом ЦК КПСС.

Погиб в авиакатастрофе в 1964 году.

В моей памяти, душе и сердце образ этого замечательного человека, неутомимого борца и коммуниста сохранился на всю жизнь. Уверен, исследователи его жизни и дел еще придут, и вы поразитесь чистоте и масштабам его замыслов, энергии и колоссальной воле в работе.

Учения на Тоцком полигоне

В 1953 году на вооружение Советской Армии стало поступать серийное ядерное оружие. Министерство Вооруженных сил СССР выступило инициатором проведения общевойсковых учений с осуществлением реального ядерного взрыва. Вышло правительственное решение на эту тему, которое предписывало провести названные учения в течение года. Все подготовительные мероприятия согласовывались с Первым главным управлением при Совете министров СССР (впоследствии Министерство атомной энергии), министерствами здравоохранения, сельского хозяйства, химической и радиотехнической промышленности. Ответственным за подготовку учений был назначен заместитель министра обороны СССР по вооружениям маршал артиллерии Н.Д. Яковлев. Подготовку и осуществление конкретных мероприятий осуществлял специальный отдел Генерального штаба Вооруженных сил.

29 сентября 1953 года Совет министров СССР принял постановление, регламентирующее действия вооруженных сил и гражданского населения «в особых условиях». По представлению спецотдела Генерального штаба Н. Булганин утвердил перечень руководящих документов. Здесь были и памятки, и руководства, и подобия справочников: «Боевые свойства ядерного оружия», «Руководство по защите городов», «Руководство по де-

зактивации и санитарной обработке», «Памятка солдату, матросу и населению по защите от атомного оружия».

Перед личным составом Вооруженных сил началось чтение регулярных лекций о свойствах и защите от ядерного оружия, были показаны специальные научно-популярные фильмы.

Была сформирована специальная рекогносцировочная команда, получившая задание изучить возможности и предложить полигон, где можно было бы провести общевойсковые учения с осуществлением ядерного взрыва. Предложение провести учения на полигоне Капустин Яр было отклонено как не отвечающее требованиям безопасности. Весной 1954 года рекогносцировочная группа под руководством генерал-лейтенанта И.С. Глебова предложила для учений Тоцкий полигон, один из старейших, известных еще с царских времен полигонов России, где испытывались многие артиллерийские и стрелковые системы, расположенный на западе Оренбургской области.

Вся подготовительная работа для проведения учений была осуществлена под руководством генерала армии И.Е. Петрова.

Руководителем учений был назначен Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Техническая подготовка учений была возложена на Министерство среднего машиностроения, возглавлявшееся в то время выдающимся специалистом В.А. Малышевым, и на ведущие в области прикладной ядерной физики научные подразделения страны, которые возглавляли трижды Герои Социалистического Труда академик И.В. Курчатов и член-корреспондент К.И. Щелкин.

Надо заметить, что 1954 год был годом исключительных успехов советской атомной промышленности — 27 июня 1954 года построенная в Обнинске первая атомная электростанция мощностью 5 МВт дала первый ток.

За год до этого, в августе 1953 года, была взорвана первая советская водородная бомба. Это была именно бомба, и опять-таки первая в мире, ведь громоздкое американское устройство «Майк», где впервые была осуществлена термоядерная реакция, на бомбу не походило даже отдаленно.

Осенью 1954 года я был назначен старшим оперативной группы по обеспечению безопасности названных учений. Тогда же в моей жизни произошло знаменательное событие — я первый и единственный раз разговаривал с Г.К. Жуковым. Он прилетел в Тоцкое дня за два до начала учений вместе с другими руководителями.

Для Г.К. Жукова, И.В. Курчатова, В.А. Малышева, Н.А. Булганина, И.А. Серова и др. на краю полигона было построено несколько аккуратных деревянных коттеджей, тогда показавшихся мне роскошными. Сразу после проведения учений коттеджи эти были разобраны и увезены.

Мне доводилось видеть Г.К. Жукова на фронте и, позднее, в Берлине. Запомнился он мне всегда сдержанным, уравновешенным, молчаливым. Видел его в Карлсхорсте, при подписании капитуляции.

Я был приглашен к Г. Жукову вечером, в здание его коттеджа. Он был один, сидел за столом с очками на носу, что-то писал. Когда я вошел, поднялся, пожал мне руку, указал на стул:

— Вопрос один, товарищ полковник. Каково настроение личного состава? Нет ли недовольства, признаков паники?

Я доложил, что народ настроен по-боевому. Большинство понимает важность грядущего события. Никаких признаков паники не заметил, хотя сложность готовящихся учений осознают. Хотят, чтобы побыстрее они совершились...

Г. Жуков встал, заложил руки за спину, сделал по комнате несколько шагов. Задал еще несколько вопро-

сов на ту же тему. Чувствовалось, что он хорошо знает и полигон, и привлеченные для учений войска, и большинство командиров.

На прощанье еще раз крепко пожал мне руку, пожелал успехов.

Вся аудиенция заняла минут пять.

Едва ли кто знал о Г.К. Жукове — о его поступках, привычках, друзьях, отдыхе, словах — больше, чем по долгу службы довелось знать мне.

Со всей ответственностью хочу сказать вам, уважаемый читатель, что это был достойнейший человек, один из лучших сынов и спасителей своего Отечества.

Также меня приглашал к себе И. Серов. Он детально интересовался работой опергруппы.

Рано утром в день проведения учений, 14 сентября 1954 года, командование учений выехало на наблюдательный пункт, оборудованный в блиндаже, километрах в 7—8 от того места, где должен был произойти взрыв. В нашей группе был министр обороны, в то время Маршал Советского Союза Н.А. Булганин, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, его зам на учениях, давно знакомый мне генерал армии И.Е. Петров, генерал армии И.А. Серов, академик И.В. Курчатов, другие официальные лица — всего около тридцати человек. Как старший оперативной группы по обеспечению безопасности учений среди командования был и я.

Первоначально мы зашли в оборудованный оптикой и столами большой штабной блиндаж. Неяркий электрический свет создавал в помещении полумрак. И. Курчатов подошел к триплексу, повернул его из стороны в сторону, недовольно сказал Н. Булганину, указывая на триплекс:

— Так мы все здесь ослепнем, пойдемте на улицу.

Мы поднялись на улицу, некоторые сдержанно и тихо что-то говорили друг другу. Ждать пришлось недолго. Вскоре в небе мы заметили высоко летящий самолет,

за ним шли несколько истребителей. Все присутствующие надели темные очки.

Хорошо помню мгновение взрыва, 14 сентября 1954 года, 9 часов 33 минуты московского времени. Все вокруг вдруг подернулось молочной белизной, несколько мгновений становившейся все более яркой, затем всех поразил ужасающий, зловещий и долгий гром, а еще через несколько секунд налетел сильный ветер, поднялась пыль. Некоторые уже сняли очки, и тучи песка и пыли запорошили им глаза. Природа словно протестовала против человеческого вмешательства в ее тайну. Вскоре над нашими головами прошла взрывная волна, сильная и резкая. Безмолвно и удивленно смотрели люди на развязанные ими силы. Там, где секунды назад было ослепительное сияние, до самых небес, в низком тяжелом гуле, поднимался огромный, то темно-красный, то фиолетовый, то лиловый гриб. Еще через несколько мгновений пришла новая взрывная волна, сильнее прежней — ядерный взрыв был воздушным, и теперь до нас дошла волна, отразившаяся от земли.

С бомбардировщика Ту-4 была сброшена атомная бомба в 20 килотонн, той же мощности, что американцы сбросили на Хиросиму.

Большинство упало — залегли, с некоторых посрывало фуражки. Я только опустился на одно колено. Нашел взглядом Г.К. Жукова; он стоял твердо, чуть нагнувшись вперед, в сторону взрыва, заложив руки за спину. Рядом с Жуковым почти в той же позе стоял И.Е. Петров.

Минут через 15 после взрыва подошли машины, и мы проехали к эпицентру.

Запомнились покореженные и почерневшие разбитые автомобили, орудия, танки, сгоревшие и разрушенные щитовые домики, расставленные в зоне взрыва, почерневшие обугленные деревья. Неподалеку от эпицентра, в траншее, мы увидели живых (!) овец, шерсть

их была обожжена тепловым излучением, но животные остались живы.

На меня испытания, сам взрыв произвели тягостное впечатление. Применение подобного оружия в войне ужасно и приведет к непоправимым результатам. Об этом словно говорит нам сама природа.

А вот как вспоминал это событие Г.К. Жуков: «Когда я увидел атомный взрыв, осмотрел местность и технику после взрыва, посмотрел несколько раз киноленту, запечатлевшую до мельчайших подробностей все то, что произошло в результате взрыва атомной бомбы, я пришел к убеждению, что войну с применением ядерного оружия ни при каких обстоятельствах вести не следует... Но мне было ясно и другое: навязанная нам гонка вооружений требовала от нас принять все меры к тому, чтобы срочно ликвидировать отставание наших Вооруженных сил в оснащении ядерным оружием. В условиях постоянного атомного шантажа наша страна не могла чувствовать себя в безопасности».

До Тоцких учений атомная бомба уже была неоднократно испытана — на Семипалатинском полигоне, на Новой Земле. Учения в Тоцком были призваны оценить влияние земного рельефа на характеристики ударной волны, светового и теплового излучения, проникающей радиации. Большинство этих задач было успешно решено в процессе учений и при подведении их итогов.

Бомба была взорвана на высоте порядка 350 метров. Облет столба взрыва совершил Герой Советского Союза майор К.М. Трещев на истребителе МиГ-17, несшем записывающую аппаратуру.

Передовые части наступающих войск выдвинулись к эпицентру взрыва через 2—4 часа. Маршевые подразделения прошли недалеко от эпицентра, солдаты и офицеры были соответствующим образом экипированы и получили незначительные дозы облучения.

Нераскрытые подробности учений стали предметом настойчивых полулитературных спекуляций. Некий Бунич в книге «Операция «Гроза» даже подсчитал, что из 40 тысяч военнослужащих, брошенных на Тоцкий полигон, тридцать тысяч быстро умерли «от ожогов и радиации», а десять тысяч стали инвалидами. Ни одна из этих цифр и близко не соответствует действительности — от числа участников учений до числа потерь.

Замечу, что в Соединенных Штатах в 1951—1956 годах были проведены восемь армейских и флотских учений с осуществлением реальных ядерных взрывов.

В поселке Тоцкое, находящемся в 30 километрах от эпицентра взрыва, местные жители попросили оставить у домов своих представителей-добровольцев — 10 человек. Один из них, старожил здешних мест, уважаемый в поселке человек Дмитрий Артемович Панин, участник и инвалид Великой Отечественной войны, видел взрыв, благополучно пережил его и умер там же, в Тоцком, в 1992 году в возрасте 83 лет.

Я лично вместе с руководством был в эпицентре взрыва минут 20. Наверное, какую-то дозу я хватил, но небольшую. Я жив, здоров, мне уже 88 лет. Правда, некоторая патология обнаруживается в щитовидной железе. Но никакого лечения она не требует.

В Прибалтике

В самом конце 50-х годов мне довелось небольшое время прослужить в Прибалтике, где я был начальником Особого отдела по Прибалтийскому военному округу. По насыщенности войсками округ был очень большой: одна 11-я армия, дислоцированная в Калининграде, насчитывала в своем составе 9 дивизий, большинство из которых было полного состава. В составе армии находилась знаменитая Пролетарская дивизия, до войны находившаяся в Подмосковье.

Во время моего пребывания в округе пришло решение высших инстанций о сокращении Вооруженных сил СССР на 1 миллион 200 тысяч человек. В связи с этим началась активная работа по ликвидации ряда частей и увольнению людей из армии. Соответственно проходила работа и по увольнению офицеров особых отделов. Старались увольнять тех, у кого была относительно большая выслуга, а возраст позволял им получать пенсию. Под эти ограничения, как правило, подпадали самые честные, опытные работники, прошедшие войну. Буквально со слезами на глазах приходилось их вызывать к себе и объявлять об увольнении. Многие воспринимали эти обстоятельства как большую личную трагедию.

Запомнился связанный с увольнениями случай. Предстояло сократить начальника особого отдела одной из двух дивизий. Кого — должен был решить я. Особый от-

дел одной дивизии возглавлял Герой Советского Союза подполковник И.П. Герасимов — заслуженный боевой офицер, получивший высокое звание за героические бои под Сталинградом, пользовавшийся авторитетом среди офицеров. Другой Особый отдел возглавлял майор Судзиловский — человек нервный, требовательный к окружающим, но не к себе, по характеру, я бы даже сказал, — нахальный.

Когда я вызвал Судзиловского и в мягкой форме рассказал ему о сложившейся ситуации, он стал неожиданно резок и, амплитудно помахав у меня перед носом пальцем, заявил:

— Ничего у вас не выйдет, ничего!

Меня подобное поведение вывело из себя, и, перейдя на жесткий официальный тон, я объявил ему об увольнении.

Через неделю, после заседания Военного совета в Риге, ко мне подошел 1-й секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы, в годы войны командир республиканского штаба партизанского движения, член

КГБ
ПРИ СМ СССР
(личная подпись)

КОМИТЕТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Товарищ Иванов
Леонид Георгиевич
приказом КГБ при СМ СССР
№ 0233 от 23 декабря 1957 г.
награжден нагрудным знаком
ПОЧЕТНОГО СОТРУДНИКА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
№ 259 за Достигнутые
успехи в работе и
безупречную службу

апреля 1958 г.

ЦК КПСС, впоследствии Герой Социалистического Труда, член партии с 1920 года — А.Ю. Снечкус и задал мне вопрос о судьбе Судзиловского, предлагая не увольнять его. Я внимательно его выслушал и возразил:

— С большим уважением отношусь к вашему мнению, но работник этот работает неважно, имеет характер нахальный, спористый, что недопустимо для оперработника, и если придется уволить И. Герасимова вместо него, то опersостав меня просто не поймет.

А. Снечкус взглянул на меня с удивлением и сказал:

— Спасибо! Редко столь решительно не соглашаются с моим мнением, но ваши доводы показались мне убедительными.

Он протянул мне руку и добавил:

— Приглашаю вас на открытие ГРЭС в Каунасе, это будет незабываемое событие.

Я поблагодарил товарища Снечкуса, обещал непременно быть, и мы расстались.

К сожалению, загруженный делами, я не смог быть на открытии ГРЭС.

По этому поводу мне звонил Председатель КГБ Литвы Рандикявичус и, зная о моей загруженности, мягко журил меня за неявку. Он сказал, что А. Снечкус ждал моего прибытия и спрашивал: «Почему его нет?»

В то же время на территории округа развернулись громадные работы по строительству ракетных площадок. Работы эти, как правило, велись в глухих местах, покрытых густым лесом.

Офицеры с семьями прибывали в какой-то глухой и сырой лесной район, селились на хуторах у местных жителей. Снабжались, не всегда регулярно, военторговской передвижкой. Телевидение тогда еще не получило надлежащего распространения, и досуг организовывался непросто. Особый отдел направил в Москву соответствующее сообщение. Кроме того, жены некоторых

военнослужащих, испуганные перспективами лесной жизни, написали письмо министру обороны Р.Я. Малиновскому с жалобой на сложные бытовые условия. Письмо было взято на контроль, и, когда позволило время, Р. Малиновский решил посетить Прибалтику и места строительства площадок. Время было выбрано удачное — где-то конец мая, и стареющий маршал, подобающим образом встреченный командованием, в благодушном настроении ездил по объектам, радуясь прекрасной погоде.

— Слушай! Это и я б тут жил. Работа рядом, рыбалка, охота, — шутил он, разговаривая с окружающими офицерами со свойственным ему грубоватым юмором.

В это время он заметил маленькую, лет трех-четырех, девочку, дочь одного из местных офицеров. Малиновский погладил ее по головке, взял на руки.

— Ну, рассказывай, как живешь? — шутливо спросил он девочку.

— Живу хорошо. Но раньше лучше жили, пока в эту «дыру» не приехали.

— Почему ж «дыру»? Кто это так говорит? — нахмурился Малиновский.

— Мама говорит, — отвечала девочка. — Еще папа: ездим, ездим по Советскому Союзу и приехали к черту на куличики. Говорит, что мы у самого черта на рогах и что Макар сюда телят еще не гонял.

Этот разговор с ребенком оказал впечатление на министра, и вскоре были предприняты меры по строительству для офицеров капитального жилья и кардинальному улучшению снабжения.

С командованием тоже надо уметь устанавливать деловые отношения.

Некоторые командиры хотели подмять под себя «Смерш», другие с ходу встречали тяжелой информацией о негативных проявлениях в войсках, третьи, напротив, рисовали идиллическую картину, где оставалось

только удалиться в райские кущи дружного сотрудничества, застолий и безобидных отчетов. Командование было едино только в одном: оно очень не любило, когда негативная информация доходила до высших командных сфер в Москве.

Будучи начальником Особого отдела Прибалтийского округа, я представил командованию округа серьезную информацию о негативном состоянии личного состава на строящихся ракетных базах. Командование округа этот документ сильно задел. Ведь ответственность за выявленные безобразия ложилась в первую очередь на него. В связи с этим командующий бурно высказал мне общее несогласие с предоставленной информацией, сказав, что какой-то «плюгавый» уполномоченный поднимает эти вопросы и, ориентируясь на них, мы вынуждены давать информацию на самый верх. При этих словах я встал и в довольно резкой форме возразил, что у нас нет «плюгавых» оперработников, что все они достойные и проверенные люди. Что фактически я считаю его заявление оскорблением особого отдела и выражением недоверия к информации, которая ему предоставлена. Поэтому я требую, чтобы он извинился и взял свои слова назад. В противном случае никакой информации о серьезных неблаговидных делах в войсках округа предоставлять ему не буду, а буду направлять ее прямо к министру обороны.

После моих слов командующий сразу поднялся, ласково сказал, что погорячился, что приносит свои извинения и просит не обижаться. После этого случая наши отношения вошли в норму (по крайней мере, внешне), а командующий с подчеркнутым вниманием стал относиться ко всей нашей информации.

Супруга моя плохо себя чувствовала во влажном прибалтийском климате, часто болела, и вскоре я был переведен в Южную группу войск.

В Риге я был членом Коллегии КГБ Республики Латвия. Председателем КГБ Латвии был Верес, очень опытный и авторитетный руководитель. На заседаниях коллегии приходилось решать многие оперативные вопросы, относившиеся к Латвии. Но КГБ республики много помогал особому отделу в решении его нелегких проблем. А задач у особого отдела было много, и они решались в целом положительно, несмотря на объективные трудности и национальные особенности.

Служба в Венгрии

. События, иногда называемые «оттепелью», тогда, вскоре после XX съезда партии, где Хрущев выступил с антисталинской риторикой, в числе других стран затронули и Венгрию.

Руководство Венгерской партии трудящихся, прежде всего М. Ракоши и Э. Гере, допустили ряд серьезных ошибок, которые фактически были развиты членами так называемой ревизионистской группы И. Надя — Г. Лошонци, которые, кроме того, поддерживали контрреволюционные связи в некоторых партийных организациях, различных объединениях деятелей культуры — Союзе писателей, Союзе журналистов, в кружке Петефи... Заказывали «реформы» и оплачивали их заокеанские господа.

Мятеж начался с мирной демонстрации студентов в поддержку национальных реформаторских сил, вскоре перешел в вооруженный мятеж и превратился в резню невиданной жестокости. Подготовленные боевики и юнцы, взятые ими в маскировочных целях, целенаправленно убивали коммунистов, членов их семей, сочувствующих.

В ночь с 23 на 24 октября 1956 года Имре Надь был введен в состав Политбюро ВПТ и рекомендован на должность председателя Совета министров. Он и его пособники, проникшие в руководство партии, распусти-

ли в Венгрии войска безопасности, попустительствовали освобождению из тюрем политических и уголовных преступников, способствовали созданию так называемых рабочих советов, революционных комитетов и т.п. Западные спецслужбы по достоинству оценили привлекательность революционной терминологии. Надь объявил о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора и обратился в ООН за помощью.

Будапешт, 1964 год. Генерал-майор Л.Г. Иванов — начальник Особого отдела по Южной группе войск

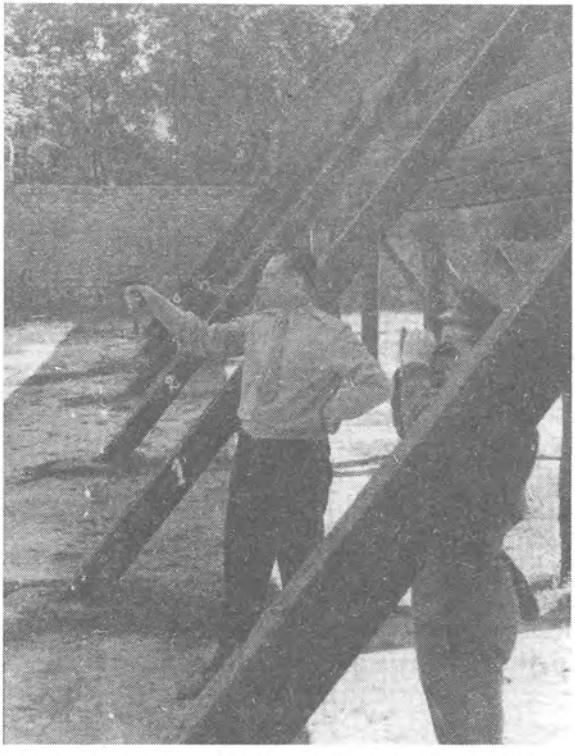
Западная пресса, информированная лучше исполнителей, поскольку получала информацию от заказчиков, украсилась передовицами о «венгерской революции», «о мадьярских борцах за свободу», о скором падении коммунистического режима в Венгрии.

После мятежа на закрытом просмотре нам показывали документальный фильм, включавший трофейные материалы — как вешали коммунистов, как издевались и пытали.

И действительно, при жестком вооруженном давлении новоиспеченных повстанцев в стране начался распад социалистических партийно-государственных структур, власть стала переходить к формируемым из-за рубежа структурам, по указанным выше причинам называемым «рабочими советами». Но суетливость сгубила мятежников.

Будапешт, 4 апреля 1961 года. Перед возложением венков на площади Героев. Руководящий состав ЮГВ

В Будапешт 4 ноября были введены советские войска. Местами они встречали организованное, хорошо вооруженное, расчетливо подготовленное и квалифицированное сопротивление контрреволюции. Но сила солому ломит.



Будапешт, июнь 1965. На тренировке по стрельбе

Правительство Имре Надя было свергнуто. В тот же день было сформировано революционное рабоче-крестьянское правительство, создан временный Центральный комитет Венгерской социалистической рабочей партии во главе с Яношем Кадаром.

Советские войска понесли в Венгрии тяжелые потери: было убито и умерло от ран 669 человек, еще 51 пропал без вести. Замечу, что из всех послевоенных вооруженных конфликтов эти потери — среди самых значительных. По массовости они уступают потерям только в Афганистане и Чечне.

Несколько лет спустя после венгерских событий, в памятном 1961 году, я получил приказ — ехать служить в Венгерскую Народную Республику. Сборы были недолги, и вскоре мы прибыли к новому месту службы. Поселили нас под Будапештом, на территории военного городка.

Конечно, про себя я сравнивал обстановку в Венгрии с немецкой конца сороковых годов. В Венгрии было в чем-то спокойнее, а в чем-то сложнее. В Германии мы вели оперативную работу с немецким населением напрямую. С венгерским населением вести подобную работу было не положено. Мне в работе очень помогало то, что у меня сложились хорошие личные отношения с министром безопасности Венгерской Народной Республики — Андрашом Бенке. Это был грамотный, толковый и умный человек, очень хорошо относился к русским.

С его помощью удалось решить много сложных вопросов.

Он всегда вникал в просьбу, обдумывал ее, обсуждал варианты решений. Затем приглашал того или иного помощника и ставил перед ним конкретную ясную задачу. Все вопросы решались честно, открыто. Если его что-то не устраивало в той или иной ситуации, он становился грустен и тихим голосом говорил, что этот вопрос он решить не может. Уговаривать его было бесполезно — это был волевой и твердый человек. Просить, иногда, было можно.

Как и большинство венгров, он души не чаял в посиделках, очень любил армянский коньяк и боржоми, оживлялся под звуки венгеро-цыганских скрипок, был очень пластичен.

Вскоре на одном из государственных приемов мы с Полиной Ивановной познакомились с Яношем Кадаром. Он был контактный, образованный, исключительно вежливый, обладал прекрасными манерами. Кадар неплохо говорил по-русски, поскольку был женат на русской —

Марии. Кадар в юности был рабочим, затем механиком, впоследствии стал профессиональным революционером. В годы войны он отважно боролся против хортистского режима, был заключен в тюрьму и отважно бежал из нее. После войны репрессии коснулись и Кадара. В 1951 году он был осужден и освобожден в 1954-м. Это был благородный человек, он нашел в себе силы не затаить обиды и отдавал все силы делу социалистического строительства в Венгрии.

В 1962 году произошел эпизод, хорошо известный историкам спецслужб. Из Москвы неожиданно приехал зампред КГБ генерал С.Г. Банников, с которым я был знаком ранее. Рассказал некоторые неизвестные нам подробности дела Пеньковского, сказал, что в Венгрии под видом сотрудника западной фирмы скрывается Герберт Винн, англичанин, связной этого самого Пеньковского.

— Надо Винна арестовать, — заключил Банников.

Арестовать? Но как? Мы не имели на то в Венгрии никаких прав. Поразмыслив, решили согласовать этот вопрос с Кадаром. Эту миссию взял на себя А. Бенке. Кадар разрешил арестовать Винна на территории Венгрии и этапировать его в Москву.

По указанию министра МВД венгры выследили Винна и задержали довольно успешно. При задержании он, правда, пытался оказать сопротивление и хватался за руль, пытаясь направить машину, где его везли, в реку. Венгерский контрразведчик дал ему рукояткой пистолета по голове, послав Винна в продолжительный рауш и набив ему большую черно-синюю шишку.

Перед этим я заранее договорился с командующим ЮГВ генерал-полковником К.И. Проваловым о выделении специального самолета для сопровождения Винна в Москву.

Когда венгерские сотрудники доставили Винна на военный аэродром Текель, я обратил внимание на шишку, и мне рассказали, как было дело. Во избежание повторных непредсказуемых попыток со стороны Винна в самолете я дал команду надеть на него наручники.

Для сопровождения Винна в Москву был выделен комендант Особого отдела группы капитан Е. Чертов, отличавшийся огромной силой. Увидев мощную фигуру Чертова, Винн загрустил.

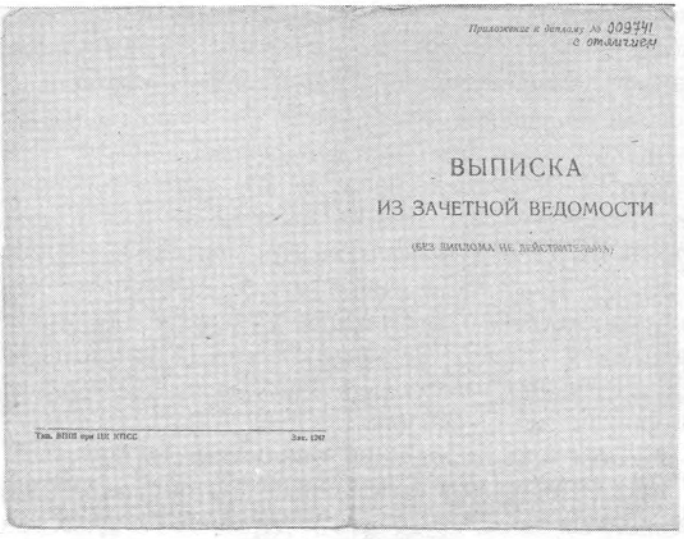
Винн показался мне невзрачным, плюгавым человеком, низкого роста и ничем не выделявшейся наружности.

Впоследствии этот человек был обменян на нашего выдающегося разведчика Конона Молодого.

К моменту доставки Винна в Москву агент ЦРУ Пеньковский был уже арестован. Расскажу курьезный случай, произошедший с этим человеком незадолго до его ареста.

Как известно, Пеньковский был знаком с генералом Варенцовым еще с 1943 года, в 1944-м исполнял при Варенцове обязанности офицера для поручений, а позднее женился на его дочери. В 1955 году Варенцов стал маршалом артиллерии, а в 1961-м — Главным маршалом артиллерии, командующим Ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск.

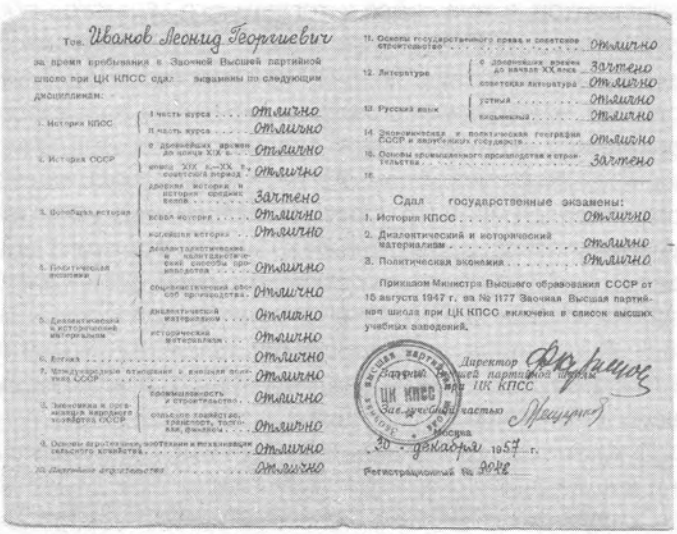
Надо ли говорить, сколь значимую и ценную информацию мог получать Пеньковский от этого высокопоставленного человека. Прикрываясь именем Варенцова, он имел доступ к секретным и совершенно секретным документам. Варенцов использовал Пеньковского для помощи в составлении серьезных документов, имеющих большую государственную важность. Вопреки служебной необходимости он откомандировал Пеньковского в Военную академию им. Дзержинского на 9-месячные курсы специалистов-ракетчиков, якобы для подготовки



Приложение к диплому № 009741
с отличием

ВЫПИСКА
ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ
(БЕЗ ДИПЛОМА НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНА)

Тов. ВПШ при ЦК КПСС Зак. 1247



Тов. Иванов Леонид Георгиевич

за время пребывания в Заочной Высшей партийной школе при ЦК КПСС сдал экзамены по следующим дисциплинам:

1. История КПСС	I часть курса	отлично
	II часть курса	отлично
2. История СССР	с древнейших времен до конца XIX в.	отлично
	конец XIX в.—XX в., советский период	отлично
3. Всеобщая история	древняя история и история средних веков	зачтено
	новая история	отлично
	новейшая история	отлично
4. Политическая экономия	диалектическое и капиталистический способы производства	отлично
	социалистический способ производства	отлично
5. Диалектический и исторический материализм	диалектический материализм	отлично
	исторический материализм	отлично
6. Логика		отлично
7. Международные отношения и внешняя политика СССР		отлично
8. Экономика и организация народного хозяйства СССР	промышленность и строительство	отлично
	сельское хозяйство, транспорт, торговля, финансы	отлично
9. Основы агротехники, зоотехники и механизации сельского хозяйства		отлично
10. Партийное строительство		отлично
11. Основы государственного права и советское строительство		отлично
12. Литература	с древнейших времен до начала XX века	зачтено
	советская литература	отлично
13. Русский язык	устный	отлично
	письменный	отлично
14. Экономическая и политическая география СССР и зарубежных государств		отлично
15. Основы промышленного производства и строительства		зачтено
16.		

Сдал государственные экзамены:

1. История КПСС . . . . . отлично
2. Диалектический и исторический материализм . . . . . отлично
3. Политическая экономия . . . . . отлично

Приказом Министра Высшего образования СССР от 15 августа 1947 г. за № 1177 Заочная Высшая партийная школа при ЦК КПСС включена в список высших учебных заведений.

Директор
Заочной Высшей партийной школы
при ЦК КПСС
Зав. учебной частью

Москва
30 декабря 1957 г.

Регистрационный № 9042

Приложение к диплому об окончании Высшей партийной школы при ЦК КПСС от 30 декабря 1957 года (вверху — обложка; внизу — разворот)

статей дал распоряжение разрешить ему пользоваться секретными библиотеками некоторых военных штабов. Пеньковский регулярно посещал штаб Ракетных войск и артиллерии, дарил офицерам и генералам редкие дорогие сувениры, стал там «своим» человеком. Очень важную информацию Пеньковский черпал из личных бесед с самим Варенцовым, рассказывавшим о заседаниях Высшего Военного совета, о содержании бесед с Н. Хрущевым, Р. Малиновским, генеральными конструкторами ракетных и артиллерийских систем — Королевым, Челомеем, Надирадзе, Глушко. Позднее, на допросе, Пеньковский показал, что однажды, на встрече с американцами, он сказал:

— Варенцов, через меня, и ваш хороший друг.

Когда Варенцову исполнилось 60 лет, он устроил юбилейный банкет, куда пригласил многих видных военачальников, в том числе и тогдашнего министра обороны Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. Приглашен на банкет был и Пеньковский. Последний понимал, что среди маршалов и генералов он, в форме полковника, будет выглядеть белой вороной, и облачился в гражданский костюм. Когда все расселись за столом, появился министр обороны Р. Малиновский и, окинув присутствовавших острым взглядом, заметил Пеньковского в гражданском костюме. Со свойственным ему грубоватым юмором ткнул в него пальцем:

— А это что за шпион здесь оказался?

Выходит, сам того не зная, маршал Р. Малиновский попал в точку еще до разоблачения Пеньковского.

Думается, тогда Пеньковский пережил не самые приятные минуты.

Следует отметить, что Пеньковский был завербован в советское время, когда контрразведка КГБ активно работала и для спецслужб противника были созданы достаточно узкие рамки.

Будапешт, 1964 год. На приеме в честь космонавта А. Николаева. В центре — Полина Ивановна Иванова, справа — секретарь ВСРП Янош Кадар, слева — Андриан Николаев. Крайняя справа Зотова, слева — Шаповалова

Что же говорить о нашем времени, когда все продается и покупается, когда условия для работы спецслужб противника максимально благоприятны.

Кто в такой обстановке может поручиться, что среди высшего военного руководства нет лиц, подобных Пеньковскому, а то и похлеще него.

Я не исключаю наличия крупных агентов западных спецслужб в руководящих слоях Министерства обороны. И вот такой, скажем, агент по указанию своих хозяев вносит какое-то хорошо продуманное радикальное предложение по «вооружению» или «совершенствованию» Вооруженных сил (конечно, не для их укрепления), а министр обороны, не образованный в военном отношении, может принять их для претворения в жизнь.

Вот мы и наблюдаем такую картину, когда наши Вооруженные силы деградировали.

Соглашаясь с критикой в адрес И. Сталина за его ошибки, приведшие к трагедии 1941 года, считаю, что

нынешняя обстановка в Вооруженных силах гораздо хуже, чем в том же 1941 году. Они просто слабы и в кадровом отношении, и в численности, и в наличии современного вооружения, и в состоянии боевой подготовки, и во многом другом.

В случае, не дай Бог, большой войны нас, как мне думается, можно брать голыми руками. Несколько дивизий НАТО, действуя на западном направлении, могут войти в Москву через двое-трое суток, если их не задержит Лукашенко. Ведь на западном от Москвы направлении нет ни одного боевого соединения.

А богачи что? Сядут в самолеты и улетят на Запад. Благо там есть у них и виллы, и денежные накопления, и инвестиции... А народ останется под угнетателями.

Всего этого может и не быть, если неустанно и настойчиво будут проводиться конкретные меры по укреплению Вооруженных сил. Правда, в последнее время кое-что стали делать, но этого далеко не достаточно. Темпы укрепления Вооруженных сил должны быть резко увеличены. Вооруженные силы созданы для отражения противника извне. Во времена Советской власти систематически проводились учения всех уровней: от полковых до армейских, окружных и всеармейских. Сейчас этого нет или почти нет. А если учения кое-где и проводятся, то они направлены на подавление так называемых террористических угроз. Но ведь армия должна обучаться ведению оборонительных и наступательных боевых действий, эффективному применению новых видов оружия. А борьба с терроризмом — это дело спецслужб, внутренних войск МВД, а отнюдь не Вооруженных сил. Вот такие мысли сильно беспокоят и нас, ветеранов.

Сегодня руководители страны уверяют нас, фактически убаюкивают справедливые опасения трезво мыслящих людей, что США нам никакой не противник, а партнер и чуть ли не друг.

А друг тихой сапой подошел к самым границам с Россией, обосновался в Прибалтийских республиках, Польше, Чехии и других районах. Размещает на аэродромах, построенных Советским Союзом, боевые самолеты, а перебазировать туда бомбардировщики и подготовить их к старту — дело нескольких часов. Готовит к размещению радары и ракеты средней дальности, прикрывая свои замыслы пустой, рассчитанной лишь на купленных политиков демагогией. Свое истинное лицо руководство, а вернее, политика заокеанской страны показала в войнах в Югославии, а затем в Ираке. Министр обороны США, не размениваясь на риторику, заявляет, что новые военные базы создаются на случай войны, в том числе и с Россией. Ну а высказывания госсекретаря США М. Олбрайт о «несправедливости территориальных владений России» и некоторых «жестких» американских сенаторов о «неизбывной враждебности к России»? Вот это партнер! Вот это друг!

А «наше» руководство, под одобрительные крики, премии, займы и гранты из-за океана, уйдя из Восточной Европы, разорвав СССР, превратило большинство бывших союзников и Прибалтийские республики СССР в членов НАТО. Были ликвидированы важнейшие военно-стратегические объекты не только в бывших «братских» странах, но и на Кубе, во Вьетнаме, катастрофически сокращены войска, выведен из состава войск и флота ряд наиболее боеспособных вооружений, подорвана мощь собственных ракетно-космических сил. Вместе с руководством Украины при самом внимательном и настойчивом участии США наряду с десятками шахт и сотнями боеспособных высококлассных ракет были распилены на куски три четверти уникальных, не имеющих себе равных в мире сверхзвуковых стратегических ракетоносцев Ту-160. Были проданы на слом новые авианесущие крейсеры, приколото к пирсам большинство

мощнейших в мире атомных подводных лодок 941-го проекта, более известных сегодня под удачным натовским названием «Тайфун».

Большинство политиков и комментаторов называют череду этих событий непродуманной политикой. А я, как военный контрразведчик, думаю, не попахивает ли здесь предательством. Во всяком случае, в этом вопросе следовало бы тщательно разобраться, выяснить детали, мотивы, найти и наказать виновных.

Мы всячески снабжаем новейшим вооружением различные, в том числе и Западные страны. А свои вооруженные силы продолжают пользоваться оружием устаревшим. Только к 2015 году планируется примерно на 40% обеспечить Вооруженные силы Российской Федерации новым вооружением. Не поздно ли? По моему мнению, необходимо максимально форсировать укрепление отечественных Вооруженных сил. Мало кто хочет, чтобы мы оказались оккупированными США, избежав немецкой оккупации. Здесь всё зависит от правильно продуманной, взвешенной и ответственной политики руководства России. А если этого не будет, то народ должен будет сказать свое веское слово. Ведь по Конституции власть в стране принадлежит народу.

Но вернемся в Венгрию. Служба здесь была полна напряженной, хотя и рутинной работы, о которой я все еще не имею права рассказывать,

Здесь, в Венгрии, мне было присвоено генеральское звание. В мае 1962 года из Москвы по ВЧ позвонил Николай Романович Миронов:

— Здравствуй, Леонид Георгиевич! Только что от Хрущева. На постановлении еще чернила не высохли. Тебе присвоено звание генерал-майора. Поздравляю.

Я, естественно, стал высказывать слова благодарности и заверения, но Н. Миронов мягко перебил меня:

— Леня! Это лишнее, я тебя знаю много лет, в заверениях нет необходимости.

Короткую официальную телеграмму с поздравлениями прислал и председатель КГБ В.Е. Семичастный.

Позднее В. Семичастный приезжал в Будапешт, был и у нас, в Особом отделе Южной группы войск. Пробыл недолго, около часа. На меня он произвел отрицательное впечатление нервного, поверхностного, не разбирающегося в делах человека.

В 1963 году для проведения партактива всего на один день в Будапешт приезжал Н.Р. Миронов. Несмотря на короткое время пребывания в столице Венгрии, он приехал к нам, в Особый отдел и, в отличие от Семичастного, подробно интересовался делами, состоянием отношений с венгерским руководством и со спецслужбами. Он осмотрел отдел, побывал в казарме, где располагалась рота охраны, одобрил работу, но и высказал ряд критических замечаний.

Позднее, в 1964 году, где-то в конце сентября — начале октября раздался звонок по ВЧ из Белграда. Звонил Н.Р. Миронов. Он сказал, что отдыхает в Югославии вместе с зам. председателя Совмина В.Н. Новиковым, теперь собирается домой — в Союз. Но перед отъездом ему очень хотелось бы побывать в Будапеште, городе, где он воевал в годы войны. Он спросил, не могу ли я его встретить на югославско-венгерской границе, привезти в Будапешт и показать все то, что его интересует. Я, естественно, ответил, что с удовольствием организую его поездку. Спросил только, следует ли мне через министра внутренних дел Венгрии А. Бенке поставить в известность о его прибытии секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара. Миронов ответил:

— Не надо. Это свяжет мне руки, и я не смогу побывать там, где хочу.

В Будапеште он пробыл три дня, осмотрел здание парламента, побывал в крупных музеях, в некоторых местах

Будапешт, 1963 год. Приезд в штаб Южной группы войск Н.С. Хрущева и Я. Кадара. Л.Г. Иванов — 6-й справа. Рядом с Н.С. Хрущевым командующий войсками ЮГВ Герой Советского Союза генерал-полковник К.И. Провалов

под Будапештом, где он воевал в 1944 году. Были мы и на острове Маргит, где отведали настоящей венгерской кухни — сытной, вкусной и острой. В этой поездке Н. Миронов был вместе с женой — Раисой Афанасьевной.

Во всех визитах нас сопровождала и моя супруга — Полина Ивановна. Заехали они и в гости к нам, на квартиру. Здесь кулинарным мастерством удалось блеснуть Полине Ивановне — ее фирменные уральские пельмени пользовались несомненным успехом.

При отъезде на железнодорожном вокзале венгры устроили Н.Р. Миронову прощальные проводы. Он был растроган, обнял меня и дал понять, что долго в Будапеште я не задержусь.

Недели через две мы с женой улетели в отпуск в Кисловодск, и там в одной из центральных газет я увидел со-

Генерал-майор Л.Г. Иванов представляется Н.С. Хрущеву при его посещении ЮГВ

общение в траурной рамке. Что-то будто кольнуло меня. Вчитавшись, я узнал, что в авиакатастрофе, на подлете к Белграду, вместе с другими членами делегации, возглавляемой начальником Генштаба, Маршалом Советского Союза С.С. Бирюзовым, погиб Н.Р. Миронов.

Это была большая потеря. Фактически вся страна была в трауре. Для меня это было большим личным потрясением.

Запомнились встречи венгерского руководства с советскими правительственными делегациями, возглавлявшимися первыми лицами. В некоторых из этих встреч мне довелось участвовать.

В апреле 1964 года в Венгрию в составе большой делегации с женой прилетел Никита Хрущев. Мы встречали Н. Хрущева и венгров у себя, в военном городке.

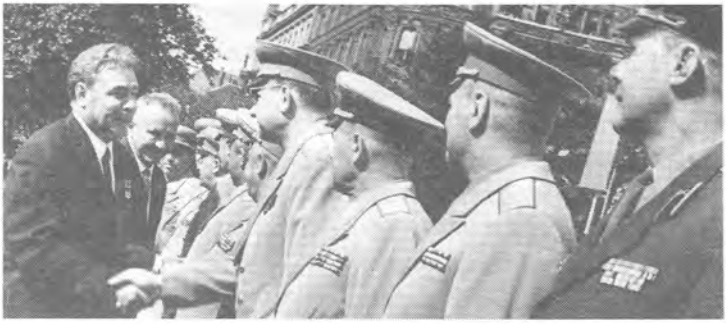
Будапешт. 1967 год. Посещение штаба Южной группы войск Л.И. Брежневым. Л.Г. Иванов — третий слева

По установленному порядку, когда высшие руководители страны приезжали в воинскую часть, за их охрану непосредственно отвечал Особый отдел. Поэтому, зная заранее о приезде Н. Хрущева и Я. Кадара, на территории штаба ЮГВ мы приняли все необходимые меры охраны.

Командующий ЮГВ К.И. Провалов[1] построил всех членов Военного совета около штаба. Пригласил меня. Я стоял с левого фланга первым. Приехав, Н. Хрущев направился первым делом ко мне. Шляпа у него была набекрень, галстук сдвинут, от него разило водочным перегаром. Я пожал мягкую, потную руку Хрущева и представился. Потом он поздоровался со всеми другими генералами.

---

[1] Провалов Константин Иванович (1906—1981) — Герой Советского Союза (1938), генерал-полковник (1962). Участник боев на озере Хасан, Великой Отечественной войны. С 1962 по 1969 год командующий Южной группой войск *(прим. ред.)*.



Будапешт, 6 сентября 1967 года. Во время визита партийно-правительственной делегации ЦК КПСС в ВНР. Л.Г. Иванов представляется Л.И. Брежневу

В клубе Дома офицеров был устроен митинг. Н. Хрущев сел в президиум, обхватил руками свою большую голову и ни слова не сказал.

К. Провалов после митинга пригласил Н. Хрущева и Я. Кадара на чай. Что такое чай, мы все прекрасно понимали.

В маленьком уютном зале я сидел напротив Н. Хрущева и Я. Кадара. Н. Хрущев пил рюмку за рюмкой и рассказывал довольно пошлые анекдоты. Помню, как безуспешно он пытался зацепить вилкой застрявший в середине тарелки тоненький кусочек редиски в сметане... Это ему не удалось, Хрущев заметно погрознел, достал редиску рукой, а затем, несмотря на наличие салфеток, нагнулся под стол, вытер руки и губы о скатерть.

Кадар и я, сидевший рядом, конечно, сделали вид, что ничего не замечаем.

Было очень стыдно. На душе был тяжелый осадок. Как же может такой человек быть во главе партии и государства, думал я.

В том же 1964 году Н. Хрущев был снят со всех своих постов.

...Года через два после того визита к нам приехал новый Генсек — тогда еще сравнительно молодой Л.И. Брежнев.

Энергичное крепкое рукопожатие, точные ободряющие слова. Выступил толково, грамотно. Непринужденная, веселая и оживленная беседа за столом. С каждым Л. Брежнев сумел найти контакт, обменяться содержательными фразами.

О себе Л. Брежнев образно, в лицах, рассказал, что во время службы в армии до войны он дослужился до капитана, заместителя командира танкового батальона. Командир батальона был майором, но втайне страстно желал стать подполковником. И вот на одном из разводов один из его «толковых» подчиненных обратился к нему со словами:

— Товарищ подполковник!

— Не подполковник, а майор, — ревниво, но снисходительно поправил его командир.

— Виноват, товарищ подполковник...

Энергия, оптимизм и уверенность Л.И. Брежнева, очевидно, благотворно влияли на окружающих, не было в нас никакой зажатости или натянутости. Беседы получались откровенными, зачастую нужными.

На одном из приемов рядом со мной сидел Ю.В. Андропов. Изредка мы обменивались короткими фразами. Потом он выступил. Речь была очень содержательная, толковая. Радостно было сознавать, что во главе КГБ находится такой умный человек.

Перед моим отъездом из Венгрии А. Бенке устроил прощальный прием, на котором высказал слова благодарности за совместную работу и передал привет и добрые пожелания от Я. Кадара.

На приграничной станции Захонь была выстроена рота пограничников.

— Наверное, ловят контрабандистов, — кивнув на солдат, предположила Полина Ивановна.

Но тут в вагон вошел майор-пограничник, обратился ко мне по всей форме и предложил выйти к роте, построенной к моему отъезду.

О пребывании в Венгрии у меня остались самые теплые воспоминания.

В 1968 году я получил новое назначение — в Киев.

В Киеве

После службы в Южной группе войск я был направлен на работу в Киев, на должность начальника Особого отдела по Киевскому военному округу. Одновременно я являлся членом коллегии КГБ Украины.

Киевский военный округ по насыщенности войсками тогда был очень большим, и работы было много. В этой работе мы поддерживали тесную связь с КГБ Украины и пограничниками на местах.

Председателем КГБ УССР был тогда В.В. Федорчук. Вообще-то он, коренной военный контрразведчик, участник Великой Отечественной войны, служил на крупных постах военной контрразведки. В Киев он прибыл с должности начальника 3-го управления военной контрразведки КГБ СССР. Перед отъездом в Киев его лично принимал и напутствовал Генеральный секретарь ЦК Л.И. Брежнев.

Я с В. Федорчуком был знаком с начала 50-х годов.

В профессиональном отношении он был высоко подготовлен. А вот что касается его личных качеств и характера, то тут можно высказать определенные замечания.

Будучи в Киеве, он имел большой авторитет. Оперативные вопросы решал умело. Коллегии проводил поделовому, но очень требовательно и даже где-то жестоко и придирчиво.

К сожалению, сейчас он не совсем здоров.

Киев. 9 мая 1975 года. Первоначальное построение перед шествием по Крещатику в честь 30-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне. Л.Г. Иванов в первом ряду слева

В последние годы моей работы в городе Киеве командующим войсками КВО был замечательный человек — генерал-полковник И. Герасимов. У меня с ним всегда были отличные взаимоотношения, что имело положительное влияние на организацию оперативной работы в войсках. Командиры всех степеней, подчиненные И. Герасимову, видели его доброе отношение к особому отделу и всяческую поддержку с его стороны. Имея это в виду, они также дружно работали с особым отделом на местах. Это имело большое значение.

Не сложились у меня только взаимоотношения с основным членом Военного совета — начальником политуправления округа. Дело дошло до того, что он дал указание начальникам политотделов дивизий и армий взять под свое оперативное руководство работу особых отделов. Это явно противоречило Положению об особых отделах и инструкции ЦК КПСС. В этой связи у меня был открытый, резкий разговор с этим членом Военного совета. Мною было указано на его неправильные дей-

Товарищу **ИВАНОВУ Л. Г.**

Коллегия Комитета государственной безопасности СССР сердечно поздравляет Вас с всенародным праздником — 35-летием всемирно-исторической Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Являясь активным участником войны, Вы внесли свой вклад в общенародный подвиг, совершенный под руководством родной Коммунистической партии в смертельной схватке с фашизмом во имя светлого будущего нашей любимой Родины, во имя торжества коммунизма.

Желаем Вам крепкого здоровья, большого счастья и дальнейших успехов в благородном деле защиты государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик.

Председатель Комитета
государственной безопасности СССР

Ю. АНДРОПОВ

Поздравление Ю.В. Андропова с 35-летием Победы в Великой Отечественной войне

Киев, май 1969 года. Встреча на аэродроме делегации венгерских контрразведчиков во главе с генерал-майором Л. Кучерой (слева от Л.Г. Иванова), справа от Л.Г. Иванова — Матушка; крайний справа — первый зам. Кучеры полковник Секе

ствия, вредные по самой своей сути, и сказано, что если он не отменит своего распоряжения, то я буду вынужден обратиться в ЦК КПСС. Когда я произнес эти слова, член Военного совета изменился в лице, приложил руку к сердцу, извинился и сказал, что это его ошибка и она никогда больше не повторится. Вырванное признание неправоты от члена Военного совета я оценил как свою победу, хотя определенный риск с моей стороны в тогдашнем разговоре имелся, ибо он был очень своеобразным человеком и не по чину высоко мнил о себе.

Говорю, может быть, несколько подробно о своих отношениях с командованием потому, что хочу подчеркнуть, что от этого во многом зависело качество оперативной работы и уверенность офицеров особых отделов всех уровней в своих действиях.

А работы, как и в других округах, было много. В основном она была направлена на выявление и пресечение агентурной деятельности противника, на сохранение в тайне военных секретов, на пресечение их утечки по любым каналам и т.д. Большая работа проводилась по представляемой командованию войск информации о серьезных недостатках, о нарушениях воинской дисциплины, о подозрительных связях отдельных лиц, владеющих секретами, с иностранцами и многое другое.

Командование, со своей стороны, по нашей информации всегда принимало решительные меры.

Ежегодно я представлял сводный доклад Первому секретарю ЦК КПУ В. Щербицкому о результатах оперативной работы за год и о положении в войсках. Должен заметить, что В. Щербицкий всегда с вниманием читал наши доклады и сообщал о своей удовлетворенности нашей работой либо мне лично, либо через В. Федорчука.

Положительная оценка ЦК Компартии Украины работы Особого отдела округа доводилась до каждого оперработника. Она, естественно, вызывала в людях вдохновение и желание работать еще лучше.

Находясь в Киеве, я выполнял специальные задания первого заместителя председателя КГБ СССР генерала армии Г.К. Цинева[1].У нас с ним были давние доверительные отношения.

В Киеве ко мне изредка наведывался старший брат Г. Цинева. Это был пожилой, грузный человек, в прошлом оперный баритон.

Замечу, что и у генерала Г. Цинева был хороший голос, которым иногда он удивлял знакомых при застолье. Старший Цинев обычно острил, каламбурил, но чувствовалось, что он очень одинокий человек.

---

[1] Георгий Карпович Цинев (1907—1996) — Герой Социалистического Труда (1977), генерал армии (1978), участник Великой Отечественной войны. После окончания Академии Генштаба в органах госбезопасности. С 1985 года первый зам. председателя КГБ СССР, член ЦК КПСС.

Ко мне хорошо относился и сам В.В. Федорчук. Зная, что до войны я работал в Черновицах, он, при одной из своих поездок туда, пригласил меня с собой. Имея целый день свободного времени, я прошел по улицам Черновцов, разыскал квартиру, в которой жил до войны, встретил некоторых знакомых.

От того посещения у меня остался памятный подарок — маленький гуцульский топорик, который во время приема вручил мне первый секретарь Черновицкого обкома партии.

Воспоминания о Черновцах у меня остались самые теплые, как это часто бывает с местами, связанными с молодостью.

...Перед самым отъездом из Киева в Москву командующий войсками округа устроил мне прощальный прием, где собрал весь руководящий состав округа. На приеме он сердечно благодарил меня за работу. Я был рад высокой оценке своего труда.

Убыл я из Киева 2 мая 1978 года. А 1 мая я был на трибуне, посмотрел парад войск Киевского гарнизона и праздничное шествие киевлян.

О пребывании на киевской земле у меня остались самые теплые воспоминания. До сих пор мои бывшие подчиненные звонят мне из Киева, поздравляя с днем рождения, с Праздником Победы, с Новым годом...

3 мая я приехал в Москву на должность начальника Особого отдела КГБ по Московскому военному округу, а 14 мая мне уже вручили ордер на квартиру. Вот так советская власть заботилась о своих кадрах.

В Особом отделе по Московскому военному округу

Особый отдел МВО — отдел необычный. Во-первых, он числится ведущим среди других особых отделов округов, всегда должен выглядеть положительно по результатам своей работы и показывать пример другим. Он должен быть образцовым во всех отношениях.

Во-вторых, он находится в столице, рядом с высшими государственными и правительственными органами. В-третьих, если что необычное происходит в стране, это сразу сказывается на работе Особого отдела округа. В-четвертых, Особый отдел округа проводил и проводит такие мероприятия, которые не предусмотрены никакими руководящими приказами КГБ.

Много хлопот было у меня во время работы начальником Особого отдела КГБ СССР при обеспечении безопасности военных парадов. Для обеспечения безопасности при подготовке парадов выделялось человек 25 офицеров. Необходимо было проверить всё — чтобы не было патрона, снаряда, умысла, ошибки.

С командующим МВО В. Говоровым у меня были прекрасные отношения, он помогал мне всегда и во всем. Когда я приезжал к нему, он даже выбегал из-за стола, обнимал, благодарил за работу. По его приглашению я

1978 год. Празднование годовщины Великого Октября. На КП МВО: Л.Г. Иванов, ответственный за безопасность парада, — второй слева

дважды поднимался на Мавзолей во время генеральных репетиций военных парадов в ночное время. Не могу описать то радостное, необычное чувство, которое охватывало меня при этом.

Со времени совместной службы в Германии у меня сохранялись прекрасные отношения с генерал-лейтенантом Андреем Яковлевичем Ведениным. В годы войны он командовал стрелковым корпусом, затем был на различных командных должностях в войсках, а в 70-х был назначен комендантом Московского Кремля. Несколько раз он приглашал нас с Полиной Ивановной посетить Кремль, лично провожал по священным для каждого русского человека зданиям и площадям, рассказывал истории и легенды, связанные с тем или иным сооружением. Андрей Яковлевич был разносторонним, знающим и остроумным человеком. В своих ярких, запоминающихся артистичных рассказах он никогда не по-

Москва, 1978 год. Группа генералов МВО после парада. В центре (в штатском) — начальник управления КГБ по Москве и Московской области генерал-полковник Виктор Иванович Алидин, справа — Л.Г. Иванов

вторялся. Эти посещения Кремля были для нас исключительно интересны и запомнились на всю жизнь.

Когда я бывал на партактивах в Кремле, меня всегда встречал А. Веденин и представлял каждому, с кем мы встречались, как лучшего военного контрразведчика. Мне всегда неловко было это слышать.

Много забот было связано с похоронами видных военачальников. При мне в ЦДСА были прощания со многими ушедшими из жизни полководцами, крупными учеными. Во время этих мероприятий встречал там всех членов Политбюро, а Л. Брежневу всегда представлялся. Поскольку он помнил меня по прежним встречам, то иногда задавал один–два вопроса.

22—23 октября 1957 года в Большом Кремлевском дворце состоялся актив Московского гарнизона и цен–

1979 год. Москва. Празднование годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Ответственный за безопасность парада Л.Г. Иванов здоровается с первым заместителем Председателя КГБ СССР Г.К. Циневым

трального аппарата Министерства обороны. В Президиуме находились все члены Политбюро во главе с Н. Хрущевым и наиболее видные военачальники.

Я тоже был приглашен на актив.

В начале актива Хрущев объявил, что речь пойдет о министре обороны Маршале Советского Союза Г.К. Жукове. Он сообщил, что в Политбюро поступили сведения о том, что Жуков в своей работе игнорирует политорганы, незаслуженно увольняет большое количество офицеров, проявляет грубость, а также создает в армии культ собственной личности. После краткого выступления Хрущева слово было предоставлено военачальникам. Все они, так или иначе, соглашались со словами Хрущева. Правда, высказывания большинства из них были общего характера, без должного подтверждения

Московская область, 1979 год. Приезд в Таманскую дивизию министра обороны Д.Ф. Устинова. Генерал-майор Л.Г. Иванов представляется министру

фактами. Более того, чувствовалась натянутость в некоторых выступлениях, создавалось впечатление, что они выступают по команде.

Замечу, что верность Г.К. Жукову сохранил генерал армии С.М. Штеменко, тогда начальник ГРУ. Именно благодаря Штеменко, имевшему свои каналы связи, Жуков узнал о происходящих событиях и 26 октября вернулся в Москву из столицы Албании Тираны. Позднее Хрущев провел целое следствие по вопросу информированности Жукова и, узнав, что сообщение ушло по линии военной разведки, снял Штеменко с поста.

Хрущев выступал дважды. Оба раза он говорил долго, бессвязно, перескакивая с одного вопроса на другой, часто повторяясь. Вспоминал войну, критиковал И. Сталина. Почему-то проявлял большое недовольство тем, что при телефонном звонке Сталину тот не поднимал телефонную трубку сам, а поручал это делать Маленкову.

С делегацией болгарских военных контрразведчиков в кабинете Г.К. Цинева на Лубянке. Л.Г. Иванов в первом ряду справа, рядом Г.К. Цинев, второй слева Н.А. Душин, Чергеланов — начальник болгарской военной контрразведки

В коридоре возле зала был вывешен большой конный портрет Жукова на фоне разрушенного Берлина. Этим портретом Хрущев хотел подчеркнуть бонапартистские замашки Жукова. Хотя Жуков мог вовсе не знать об этом портрете, так как портрет не был нигде ранее выставлен.

Присутствовавшие в зале офицеры и генералы, как было видно, чувствовали себя не в лучшей форме, многие были удручены, сидели, низко опустив головы.

После возвращения из Югославии — Албании, в тот же день, на заседании Президиума ЦК КПСС Г.К. Жуков был снят со своих постов, а 27 февраля 1958 года уволен в отставку.

Позднее мне рассказывали, что Г. Жуков, войдя в свой кабинет, приказал адъютанту собрать его личные вещи, заявив, что в этом кабинете он больше никогда не появится.

Указанные мероприятия, а фактически расправу с маршалом Хрущев провел, опасаясь всевозрастающего авторитета Г. Жукова, большого уважения к полководцу всего советского народа.

Надо ли говорить, что отставка потрясла Г. Жукова. Служба Родине была для него смыслом всей жизни. Народный герой, он пал под ударами пигмеев.

Дети этих пигмеев через 34 года за тридцать сребреников отправят в отставку и Советский Союз.

Когда умер А.М. Василевский, его жена в разговоре с Брежневым спросила: «Как быть с орденами Победы?» У А. Василевского, как и у Г. Жукова, их было два. Эти ордена очень высокой стоимости, как и Звезды Героев, и полководческие награды после смерти их кавалеров положено было сдать государству. Брежнев, наверно, думая уже больше о себе, распорядился — «оставить». Это был прецедент, и с тех пор большинство драгоценных наград оставалось в семьях.

Накануне прощания с А. Василевским мне позвонил Г. Цинев:

— Смотри, чтобы ордена Победы во время прощания не украли. Каждый имеет 96 бриллиантов.

Выполняя это указание, я выделил оперработника в гражданской одежде, поставил его в укромном месте

1985 год. С болгарской делегацией на Красной площади. Слева от Л.Г. Иванова (четвертый слева) генерал-лейтенант Болгарии Чергеланов

зала и поручил, чтобы он, не отводя глаз, смотрел на ордена Победы.

После окончания прощания с Василевским, за полночь, мне звонит первый зам. председателя КГБ СССР Г.К. Цинев:

— Леонид Георгиевич! Где там ордена Победы Василевского?

Доложил, что они в сейфе. Сейф опечатан. Поставлен человек.

— А ты проверил? — спрашивает Цинев.

— Никак нет, — отвечаю.

— Поезжай и проверь.

Еду ночью в ЦДСА, с начальником охраны прохожу к сейфу с наградами, открываем его, проверяем ордена

Победы, другие многочисленные награды. Все на месте.

Около двух часов ночи приезжаю в отдел и звоню Г. Циневу, докладываю:

— Георгий Карпович, все в порядке.

— Добренько, добренько, — отвечает тот.

Вот чем порой приходилось заниматься начальнику особого отдела. Но это не основное. Главное было — вести активную контрразведывательную работу в войсках, что мы и делали.

Г.К. Цинев был ответственным и серьезным руководителем, опытным и знающим, требовательным к себе и к подчиненным. Будучи уже в весьма преклонном возрасте, обычно он работал допоздна. Не терпел и быстро выявлял бездельников, людей безответственных, ощутимо и быстро поощрял тех, кто грамотно и точно исполнял свое дело.

Будучи начальником Особого отдела Киевского ВО, где-то в середине 70-х годов я заболел довольно сильным воспалением легких и находился на излечении в Киевском военном госпитале. Как-то у меня в номере раздался телефонный звонок. Звонил Г.К. Цинев. Поинтересовался моим самочувствием, тепло пожелал скорейшего выздоровления и спросил: «Не требуется ли каких лекарств? Я немедленно пришлю».

В те годы с лекарствами, особенно в военных госпиталях, было все в порядке, и я, поблагодарив Цинева, от лекарств отказался. В конце разговора он сказал мне, чтобы я в госпитале особенно не задерживался, поскольку решается вопрос о моем переводе на работу в Москву. Я отвечал зампреду, что эти его слова являются для меня лучшим лекарством.

Наверное, я был последним оперработником, который имел разговор с Г.К. Циневым. Как-то в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонивший неразборчиво и невнятно, с большим трудом пытался что-то

сказать. Я всегда имел хорошую слуховую память и спросил: «Георгий Карпович! Это вы?» Это действительно был Цинев. Он тогда находился в Кремлевской больнице в тяжелом состоянии. Я спросил его: «Что с вами? Как самочувствие?» Слышу, он обращается к жене: «Лида! Что со мной?» Она ответила, что у Цинева инсульт.

Георгий Карпович просил меня приехать к нему в больницу, как я понял, он хотел меня видеть. Конечно, я исполнил бы его просьбу, но узнал, что в Кремлевскую больницу далеко не просто попасть даже генералу КГБ. Да и лечащий врач Цинева возражал против моего посещения, заявив, что в его состоянии это «не показано». Так я и не выполнил последнюю просьбу Георгия Карповича Цинева, о чем до сих пор жалею.

Недавно, в мае 2007 года, в связи со 100-летием со дня рождения Г.К. Цинева я вместе с другими офицерами и генералами во главе с генерал-полковником А.Г. Безверхним посетил его могилу на Ваганьковском кладбище. Мы возложили цветы и почтили светлую память о нем. Рядом с могилой был накрыт стол, и в память генерала армии Г.К. Цинева, верного сына Отечества, было сказано много теплых слов.

Кроме того, Особый отдел МВО проводил серьезные мероприятия по вербовке военных деятелей иностранных государств. Здесь мы имели определенные успехи. Нам удалось завербовать ряд крупных, даже очень крупных иностранных военных, от которых поступала серьезная информация. В связи с этим Ю.В. Андропов издал приказ, в котором мне объявлялась благодарность, и я был награжден ценным подарком — ружьем. Приказ был разослан во все органы госбезопасности Советского Союза для ознакомления всего оперсостава. Не раз знакомые звонили мне из разных точек страны и интересовались причиной поощрения.

В отставке

Хочу подчеркнуть, что только благодаря советской власти я получил высшее образование, стал генералом, имею прекрасную квартиру в престижном районе, которую получил бесплатно. Если, скажем, родился бы я в настоящее время, то мог ли я из бедняцкой семьи, из тамбовской глухомани, не имея денег, добиться всего этого? Да никогда. Некоторые из тех, кто хулит сейчас советское время, тоже получили тогда и образование, и материальный достаток, и высокие посты. Тот же Ельцин, если бы не Советская Власть, которая дала ему всё, никогда не был бы не только в Кремле, но даже в Москве. Как был пастухом, так бы им и остался. Он и Горбачев вкупе с другими разрушили советскую власть, многократно переступив закон, убив сотни людей, не дав родиться миллионам, разорив десятки миллионов, многократно нарушив и изменив конституцию. Произошло это из-за перерождения руководящих советских кадров. Под руководством жажды материальной наживы, из боязни личной ответственности, конформизма они разрушили Великое государство, пристроились сами и пристроили свою челядь, расплодили целый класс особенно наглых, ловких и беззастенчивых воров — так называемых олигархов. Некоторые из этих олигархов, как Березовский и Абрамович, из-за туго набитой мошны

Киев, 1976 год. Наша семья: сын Юрий, лейтенант, после окончания академии КГБ СССР; сын Вячеслав — курсант Высшего училища связи; Полина Ивановна; Л.Г. Иванов — начальник Особого отдела КГБ СССР по Киевскому военному округу

вышли на международный уровень, попали в Лондон, оказались под опекой теневого «мирового правительства». Да и сама Россия, уничтожившая большинство важнейших отраслей промышленности, жива сегодня лишь за счет отпущенных тем же «мировым правительством» цен на нефть и газ.

Пьянице же Ельцину были устроены дорогостоящие пышные похороны, объявлен конкурс на проект памятника. Уверен, история разберется с этой одиозной фигурой — место ее на свалке истории.

В 1986 году я был уволен из КГБ по возрасту и выслуге лет. Мне было тогда уже под семьдесят. В советское время существовал порядок: если оперативный работник положительно проявлял себя на работе, то ему,

Москва, май 1956 года. Десятилетие супружества

несмотря на подошедший срок увольнения, продлевали службу на 5 лет. Мне три раза продлевали срок службы на 5 лет. С учетом пребывания на фронте я имею 54 года выслуги.

Еще раз осмысливая итоги Великой Отечественной войны, должен заметить, что некоторые «ученые-историки», «исследователи», «специалисты» и тому подобные «тщательно пересчитывают» наши потери в годы Великой Отечественной войны, в погоне за сенсацией,

Будапешт, 1967 год. Вместе с Полиной Ивановной

за вниманием или за деньгами заказчиков сознательно их преувеличивая. Особенно модно это стало в конце 80-х — начале 90-х годов, когда был предательски уничтожен СССР, а так называемые СМИ, отечественные и зарубежные, соревновались в дискредитации левых идей.

В то же время потери противника порой считают только со стороны Германии, а ведь вместе с немцами воевали Румыния, Италия, Венгрия, Австрия, Словакия, Болгария, Финляндия. Мне довелось видеть книжечки, изданные в Финляндии и Словакии, с горделивым перечислением своих асов. А ведь все свои победы, большей частью надуманные, эти асы одержали на Восточном фронте. Итальянская армия «Армир» (а к осени 1942-го на Советско-Германском фронте воевали 10 (!) итальянских дивизий), испанская и словацкая «дивизии»,

французский и хорватский пехотные полки, бельгийский и голландский батальоны, многочисленные польские «волонтеры», вояки из Норвегии, Дании, Чехии — это только видимая часть айсберга, только те, кто афишировал свою национальную принадлежность, кого удалось поймать и уличить. Чего стоят одни названия неприятельских соединений — «Голубая дивизия» из Испании, легионы «Нидерланды», «Фландрия», «Валлония», «Дания», «Галиция»... Были и «неофициальные» головорезы, прибывшие воевать из США, Англии, Австралии, других стран Британской империи, Латинской Америки... На Дальнем Востоке рядом с нами была Япония и подконтрольные ей территории: с китайцами, корейцами, монголами, маньчжурами и пр. в своем составе. Эти страны и народы имели против нас пехотные, а порой артиллерийские, танковые и авиационные полки и соединения. Уверен, что нет ни одного (подчеркиваю, **ни одного**) европейского государства, «роты», «легионы» или «армии» которого не воевали бы против Советской страны. «Интернационал», созданный германским фашизмом, щедро поддержанный всеми средствами империализма, оказался весьма эффективным с идеологической и военной точек зрения. Цифры безвозвратных людских потерь, опубликованные «Воениздатом» в 1993 г., в специальном статистическом исследовании «Гриф секретности снят», говорят о потерях СССР в 11,4 млн военнослужащих против 8,6 млн военнослужащих у Германии и ее союзников. Думаю, все же и эта цифра потерь противника далека от истины. Полякам и испанцам, бельгийцам и норвежцам, французам и словакам явно невыгодно рассказывать о своих потерях в компании с Гитлером, выгодно их скрывать, и сколь-нибудь точные цифры неприятельских потерь мы узнаем не скоро.

Преувеличить потери Советской Армии, занизить потери Германии и ее союзников очень важно для не-

доброжелателей России, напуганных ее боевой мощью и в идеологическом плане предпринимающих неустанные попытки пересмотра итогов Второй мировой войны. В США и Англии была создана даже специальная псевдоисторическая индустрия, посвященная этому вопросу. Но итоги известны, и можно лишь временно навязать на них искусственные взгляды.

Боевая мощь России дана ей от Бога, закалена в вековых противостояниях с кочевниками, разномастными крестоносцами и гетманами, императорами и «демократиями». Уверен, несмотря ни на что, хватит нам боевой мощи и в будущем! Россия всегда найдет в своих рядах великих воинов и полководцев — подвижников и героев.

Еще раз склоняю голову перед памятью солдат и офицеров Великой Красной Армии, победивших колоссальное нашествие (первое в таких масштабах) двунадесяти языков и наголову разгромивших хорошо вооруженного, жестокого, расчетливого и циничного врага.

Уйдя в отставку, я не бездействовал, не валялся на кровати, а включился в активную общественную работу. Я стал членом ветеранской организации Центрального управления военной контрразведки, а также Управления контрразведки по Московскому военному округу.

Поддерживаю связи с ветеранскими организациями армий, где довелось воевать: Приморской армии (воевавшей под Одессой и Севастополем), 5-й ударной армии и 51-й армии.

Я не изменил своих идеологических взглядов, как, к сожалению, сделали многие другие, поддавшись конъюнктуре. Являюсь членом КПРФ и состою в большой активной организации, где есть и генералы, и ученые, и молодежь.

Я не приемлю существующий режим. Президент как-то заявил, что народ России избрал тот путь, по которо-

му он сейчас идет. Но кто спрашивал народ об этом? Кучка разложившейся чиновничьей верхушки, предатели, поддавшиеся влиянию Запада, сделали свое грязное дело вопреки воле народа. Когда состоялся референдум о том — быть Союзу или нет, то подавляющее большинство народа проголосовало за сохранение Советского Союза. Вот где была выражена воля народа! Как же можно говорить, что народ избрал тот путь, по которому он идет сейчас. Я знаю и вижу, что многие люди справедливо недовольны существующим строем, но пока молчат, терпят. Народ, по выражению Пушкина, безмолвствует. Но это, думаю, до поры до времени.

КПРФ в своей работе раскрывает глаза народу, говорит правду о властвующем режиме, указывает, по какому пути идти.

Я лично неоднократно выступал в средних школах — на сборах старшеклассников, перед курсантами академии ФСБ, в центральном аппарате ФСБ, среди сотрудников Управления военной контрразведки по Московскому военному округу.

Старшеклассникам я говорил:

— Вот сейчас вы окончите школу, многие будут пытаться поступать в высшие учебные заведения. Чтобы туда поступить, нужны связи или деньги. Многие не имеют ни того, ни другого.

В первую очередь этой возможности не имеют сельские ученики.

А как было при советской власти?

Я, например, окончил среднюю школу в Тамбовской области и как отличник имел право поступить в любое высшее учебное заведение без экзаменов. В 1937 году я приехал в Москву и был зачислен на учебу в Академию связи. Получил общежитие — теплую светлую комнату на четырех человек и стипендию 150 руб. Обед в студен-

С внуком Андреем

ческой столовой тогда стоил 1 руб. 15 коп. Вполне можно было и жить, и учиться. Сейчас этого нет.

Все, что я говорил ребятам, они внимательно выслушивали, задавали вопросы — иногда наивные, иногда очень зрелые и, я думаю, делали сравнения с нынешней обстановкой, отнюдь не всегда в ее пользу.

Уже будучи в отставке, я неоднократно писал статьи в газеты: «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Советская Россия» и др. В этих статьях я разоблачал ложь и клевету на органы «Смерш», периодически появляющиеся в разных изданиях и программах, показывал, какой огромный вклад в Великую Победу внесли военные контрразведчики в годы Великой Отечественной войны. Конечно, некоторые редакции наглухо игнорировали мои статьи, другие, напротив, охотно их публиковали.

Я неоднократно выступал на Российском радио, рассказывал о работе «Смерш» в годы войны, о больших делах, проведенных уже в послевоенное время.

Раз пять или шесть ко мне приезжало телевидение, по три–пять человек. Они раскладывали аппаратуру, включали осветители и магнитофоны, задавали десятки вопросов, снимали. Каждый раз процесс съемок занимал 2—3 часа. Но телевидение самый политизированный орган СМИ. Ни одна из этих программ как следует так и не вышла в эфир. Чувствуется, в руководстве этой организации стоят железные и проверенные люди, которые даже в условиях трескуче декларированной свободы не дают слова своим политическим оппонентам.

Считаю, что с современным Российским телевидением у меня свои счеты и теперь отвечаю твердым отказом на любые предложения оттуда по поводу проведения съемок и ответов на вопросы.

И еще одно замечание, навеянное одной из печальных сцен современной российской действительности.

Как известно, и в Красной, и в Советской Армии с первых дней существования и до перестроечных времен продовольственное и вещевое довольствие выдавалось бесперебойно и аккуратно. Все это личный состав получал бесплатно, в то же время обеспечиваясь денежным довольствием. Во время войны наличные деньги на фронте были не нужны. Поэтому были заведены расчетные книжки и финансист ежемесячно начислял туда денежное довольствие. Такая расчетная книжка была и у меня. Но так как я часто принимал участие в боевых действиях, где гибли сотни и тысячи военнослужащих, то считал, что рано или поздно тоже должен быть убит. Поэтому я посылал свой денежный аттестат домой — родителям. Если меня, скажем, убьют в феврале, то родители имели право получать мое денежное довольствие

до конца года. Так было при советской власти, в самые тяжелые для нее годы.

А как сейчас обстоит дело с денежным довольствием офицеров Вооруженных сил? Я не могу сказать «за всю Одессу», а приведу только один факт.

Где-то года три-четыре назад мы с женой находились в одном госпитале, в Москве, где-то в районе Речного вокзала. Оказалось, что в том же госпитале находились и военнослужащие, раненные в Чечне. По госпиталю бродили молодые ребята и девушки, кто без ноги, кто без рук. Глядеть на эту картину было страшно и больно.

Ребята пользовались костылями, напоминавшими больше костыли времен Первой мировой войны. Были у них и простейшие коляски, которые надо было катить, крутя руками грязные колеса. Я познакомился с одним из обладателей такой коляски. Он оказался майором-ракетчиком, с Урала. В госпитале к тому времени он находился уже четыре месяца. У него была ампутирована стопа, и предстояла еще одна операция. Я его, в частности, спросил: как он получает деньги? В ответ майор горько усмехнулся. За все время пребывания в госпитале он не получил ни одной копейки — не на что купить воды и сигарет!

Я подумал: как же так — раненый офицер находится в штате, пока не уволен, и к нему такое бездушное отношение! А ведь он пролил кровь за Родину, рисковал жизнью и стал инвалидом.

Когда в госпиталь приехал мой старший сын Юрий, полковник, я рассказал ему о встреченном мною раненом майоре, о его бедах... Сын нахмурился и, дав мне тысячу рублей, просил передать ее майору — «в порядке воинского братства». Когда я вручил деньги майору, тот сильно расстроился, я тоже не выдержал и пустил слезу.

Такая вот сцена из нерыцарских времен.

В последнее время моя общественно-политическая активность несколько снизилась, сказываются болезни и возраст.

Но я по-прежнему считаю себя в боевом строю. Рядом со мной мои товарищи — павшие и живые. Это поддерживает меня морально и физически.

Наше дело правое, победа будет за нами!

Слово к контрразведчикам

После окончания Великой Отечественной войны прошло более 60 лет. За это время были достигнуты невиданные вершины и были подло устроены трагические изменения. Был разрушен Советский Союз. И процесс его разрушения, и нынешняя ситуация развиваются под официальный аккомпанемент беззастенчивой, но изощренной лжи, а порой самого некомпетентного, провокационного по своей сути охаивания всего того, что было создано Великой страной за годы Советской власти — от безусловных военных побед и величайших социальных завоеваний до покорения космоса и беспримерных народнохозяйственных свершений.

Замечу, что СССР в конце 70-х годов вышел на передовые позиции в мире и по продолжительности жизни. Вот аргумент, который сложно оспорить ненавистникам великой страны.

Коренным образом изменился социальный строй в России сегодня. Переродившаяся чиновничья верхушка при активном участии стран Запада, и прежде всего их спецслужб, свернула с пути социалистического развития страны и встала на путь капитализма. Теперь можно было покупать не только картины художников и, вздрагивая, строить дачу, записанную на имя тещи, но и скупать роскошные виллы и футбольные команды в самых экзотических странах. Это тяжко сказалось и сказыва-

ется на жизни и моральном состоянии народа в любых объективных критериях — от продолжительности жизни и численности народонаселения до потребления белка на душу населения и количества прочтенных книг.

Эти колоссальные изменения не могли не коснуться органов военной контрразведки. Из органа, обеспечивающего жизнедеятельность социалистического строя, они стали органом обеспечения капитализма.

Тем не менее опыт работы военной контрразведки советского периода не отброшен. Конечно, объективно он не мог быть взят полностью на вооружение современной российской контрразведки, но многое ценное и полезное из нашей работы учтено и используется в настоящее время. Оставшиеся в живых ветераны «Смерш» систематически встречаются с молодыми кадрами военной контрразведки ФСБ, выступают перед ними, делятся своим богатым и разносторонним опытом работы. Все наши выступления положительно воспринимаются молодыми поколениями контрразведчиков и, с учетом новой обстановки, используются в их работе.

Нам, ветеранам военной контрразведки, приятно сознавать, что современные кадры военной контрразведки активно работают по обеспечению государственной безопасности Вооруженных сил России. Мы смотрим на них глазами советского времени.

Военная контрразведка ФСБ является ведущим по авторитетности органом службы безопасности, пользуется большим доверием и уважением со стороны командования вооруженных сил и руководства страны, оказывающего ей разностороннюю поддержку. Военная контрразведка в последнее время достигла ряда значительных оперативных результатов в своей работе. Достаточно сказать, что за последнее время были разоблачены несколько крупных агентов иностранной разведки, в том числе из генеральского состава Генерального штаба России.

Названные успехи во многом достигнуты благодаря тому, что в последние годы военную контрразведку возглавляет опытный руководитель, принципиальный в своих действиях, смелый, мужественный и уважительный человек — генерал-полковник А.Г. Безверхний.

Благодаря внимательному отношению руководства Департамента военной контрразведки и бессменного руководителя ветеранской организации военной контрразведки генерал-лейтенанта в отставке А.И. Матвеева, в последнее время мы стали давать активный отпор клеветникам в адрес «Смерш», показывать его действительную роль в достижении Победы в Великой Отечественной войне. Ветераны «Смерш» сегодня получили большую возможность высказываться перед общественностью — либо опубликовав свою статью, либо выступив, хотя и кратко, в телевизионной или радиопрограмме. В последние годы был издан ряд книг, достаточно объективно рисующих деятельность «Смерш» в годы войны.

Не могу еще раз не вспомнить прекрасное произведение А. Богомолова «Момент истины». Созданное, правда, четверть столетия назад, оно посвящено военным контрразведчикам, написано исключительно живо, занимательно, объективно и как одно из лучших произведений о Великой Отечественной войне вошло в золотой фонд русской советской литературы.

В Управлении военной контрразведки Москвы создан музей с большим количеством подлинных документов и экспонатов, посвященных работе «Смерш» в годы Великой Отечественной войны. На территории Управления установлен величественный памятник, посвященный памяти сотрудников «Смерш», погибших в годы Великой Отечественной войны. Эти факты, конечно же, радуют нас, ветеранов «Смерш» и военной контрразведки, внушают надежду и придают новые силы для успешной работы вне строя.

Вместе с тем не могу не сделать несколько замечаний.

В последние годы во главу угла деятельности ФСБ и, соответственно, военной контрразведки ставится и даже навязывается так называемая борьба с терроризмом. Постоянно повторяется, что это является основной и главной задачей ФСБ, что на ее решение не пожалеют сил и средств. Политическая выгода широкой трактовки терроризма очевидна. Терроризмом при трескучей поддержке продажных СМИ и сплоченных кормушкой «единороссов» несложно назвать любые неугодные политические течения. Я же считаю, что основной и главной задачей ФСБ должна являться борьба с агентурой иностранных разведок. Ведь один крупный агент в руководстве войсками или в высших кругах правительства может нанести гораздо больший и порой непоправимый урон всей стране, чем сто подготовленных террористов.

По ряду объективных и субъективных причин в настоящее время в нашей стране сложились исключительно благоприятные условия для агентурной работы иностранных разведок. Столь благоприятных условий не было никогда ранее. Постоянные бесконтрольные поездки российских граждан за рубеж, в том числе всевозможных чиновников, чего нет (бесконтрольности) в так называемых развитых странах, создают исключительно благоприятные условия вербовок. Знание же иностранными службами компроматов и ловкое создание их за границей, что в упрощенном виде вы не раз видели в советских кинофильмах, неизмеримо повышает вероятность вербовки. К тому же у нас все сведено к деньгам, к наживе, а это в условиях современного воспитания тоже хорошая основа для вербовок.

Опираясь на свой многолетний опыт работы в органах военной контрразведки, я не исключаю и сегодня наличия крупных агентов иностранных разведок и в

Генеральном штабе, и в высших руководящих сферах страны.

Что там далеко ходить: по заявлениям работников ПГУ и сообщениям в печати, еще в советские времена, одно из известных лиц в государственном аппарате являлось агентом ЦРУ! Его грязным инсинуациям, его прямым действиям по развалу Советского Союза, по подрыву авторитета нашего государства даже трудно найти название. Его зловещей фигуре невозможно найти аналог в истории. Даже Иуда раскаялся в своем поступке и добровольно ушел из жизни. И ведь при жизни этот «человек» официально не был разоблачен! Напротив, получал награды, гонорары, пенсии и всевозможные льготы.

Кто сейчас поручится, что и сегодня в высших слоях руководства среди так называемой элиты (слово, пришедшее к современным журналистам и комментаторам, наверное, из животноводства) нет подобных людей. Это чрезвычайно опасно для судеб страны сегодня.

Борьба с терроризмом, конечно же, важна и требует больших усилий и затрат, безусловно, надо активно ею заниматься. Но первоочередной задачей спецслужб была и остается борьба с агентурой иностранных разведок, с ее проникновением в жизнеобразующие центры страны. Это аксиома — так всегда было, так всегда и должно быть.

Послесловие

Изданием этой книги я обязан уважаемым и бескорыстным людям, сынам своего Отечества, бережно относящимся к его исторической памяти: **Владимиру Яковлевичу Скорому и Александру Михайловичу Пашкевичу**. Без их внимания и поддержки эта книга не вышла бы в свет.

Также должен отметить внимательное отношение **Николая Георгиевича Бодрихина**, который приложил много труда при редактировании и правке настоящей книги.

Одновременно должен выразить благодарность руководителю Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-полковнику **Александру Георгиевичу Безверхнему** и бессменному председателю ветеранской организации военной контрразведки генерал-лейтенанту в отставке **Александру Ивановичу Матвееву** за постоянную моральную поддержку, товарищескую помощь и настойчивые пожелания в написании книги.

А.Г. Безверхний прямо говорил мне, что его пожелание написать книгу я должен рассматривать как приказ. Ну а приказы, как известно, не обсуждаются, а выполняются.

Насколько мне удалось выполнить этот приказ — судить вам, читатель.

С большой благодарностью за внимание,
Леонид Георгиевич Иванов.

Приложение

О клевете Г.Х. Попова на Красную Армию

Презрение и отвращение — вот чувства, которые овладевают мной после прочтения статьи соотечественника (?!), бывшего мэра Москвы, активного деятеля времен застоя и ельцинского безвременья Г.Х. Попова, опубликованной в газете «Московский комсомолец». Надо ли говорить, что у всех этих господ их деятельность всегда была направлена только на усиление собственного потребления, а все их псевдофилософские и провокационно-исторические потуги предпринимались лишь за гранты и гонорары. Идейность, несмотря на всю трескотню, не присуща им.

Во время войны мне довелось быть начальником отделения контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии. Через отделение, где я был начальником, проходила вся оперативная документация особых отделов дивизий и корпусов, подчиненных отделу армии «Смерш». Поэтому мы знали все о результатах борьбы с абвером, с изменой Родине, с дезертирством, о мерах по сохранению военной тайны и о многих других задачах, касавшихся нас.

Когда в феврале 1945 года мы перешли польско-германскую границу и оказались на территории Германии, перед органами «Смерш» были поставлены дополнительные задачи по розыску и задержанию агентов абвера, крупных нацистов, а также пресечению престу-

плений и информированию командования обо всех правонарушениях, допущенных нашими военнослужащими по отношению к немецкому населению.

В первые дни вступления наших войск в Германию из органов «Смерш» корпусов и дивизий стали поступать сообщения об отдельных случаях самосуда над немцами, о поджогах особняков, об изнасилованиях и др. Замечу, что военнослужащих, совершавших подобные действия, по-человечески можно было понять. У многих из них немцами были расстреляны семьи, убиты дети, родные и близкие, разрушены дома, родственники были угнаны на работы в Германию или сгинули в неизвестном направлении. В лучшем случае их родные и близкие самоотверженно трудились на оборонных предприятиях, голодали и мерзли, живя надеждой на победу. Все эти лишения принес в нашу страну германский фашизм. Озлобленность, накопившаяся в сердцах многих военнослужащих в ответ на массовые злодеяния немцев, выплескивалась в отдельные случаи самоуправства.

Но наряду с такими действиями были и другие, благородные поступки, когда наши солдаты, особенно пожилые, с риском для жизни вытаскивали из горящих домов, спасали немецких детей. Недаром в Берлине, в Трептов-парке, стоит памятник советскому солдату со спасенной немецкой девочкой на левой руке.

По фактам же происходивших правонарушений принимались меры по всем направлениям — по уставному, по политическому, а если на то имелись основания, подключались «органы». В этих условиях «замолчать» преступление было очень сложно — на командование ложилась очень большая ответственность.

Вскоре после пересечения границы в войска пришла директива Главного политического управления Красной Армии. Этой директивой разъяснялось, что Красная Армия вступила на территорию Германии не для порабощения и угнетения немецкого народа, а для его осво-

бождения от ига гитлеризма. Всячески подчеркивалась не завоевательная, а освободительная миссия нашей армии как армии первого в мире социалистического государства. Были выдвинуты жесткие требования о том, чтобы со стороны военнослужащих в отношении мирного немецкого населения не было никаких актов насилия и издевательств. Говорилось и о необходимости ведения разъяснительной работы среди немцев о целях и задачах Красной Армии на немецкой земле. Эта директива пришла очень своевременно, и бесспорно, сыграла положительную роль. Она повлияла на резкое снижение правонарушений со стороны советских воинов, а по некоторым отрицательным проявлениям — их полное прекращение. Прошу обратить внимание, что вся эта работа проводилась задолго до штурма Берлина!

А в статье Г.Х. Попова клеветнически и безответственно утверждается, что после штурма Берлина нашими военнослужащими было изнасиловано 100 тысяч немок и что они по поводу изнасилования обращались к нашим врачам (?!). Возникает вопрос — к каким конкретно врачам и как они могли обращаться. Ведь основная масса врачей была сосредоточена в медсанбатах дивизий и в военных госпиталях, но они во время штурма Берлина да и после него в городской черте не находились. В Берлине были только полковые врачи. Могли бы изнасилованные немки в том горячем котле, каким был Берлин, разыскать среди тысяч офицеров полкового врача? Если даже она его разыскала, то как могла немка поведать врачу о своих приключениях, ведь она не знала русского языка, а он, как правило, немецкого. Откуда возникла цифра 100 000? Если, к примеру, кто и обращался к врачу, то врач-то никакого журнала учета не вел. К тому же не следует забывать, что немцы были сильно запуганы геббельсовской пропагандой и многие ждали, что с приходом Красной Армии их будут убивать. Они не

только боялись обращаться с какой-либо жалобой, но старались вообще не показываться на глаза русским.

И еще одно обстоятельство. После овладения Берлином все основные части и соединения были сразу выведены из города, ибо не было возможности разместить в разбитом городе огромную массу войск, да и не было нужды для их дальнейшего пребывания в поверженной столице Германии.

Вместо этого сразу была создана городская военная комендатура во главе с генерал-полковником Н.Э. Берзариным. Ей были подчинены районные военные комендатуры. Одновременно по всему городу были размещены полевые солдатские кухни с солдатами-поварами, которые кормили голодных немцев. Одним из первых решений комендатуры было решение о снабжении молоком немецких детей. Лишь после этого немцы поняли, что никто не собирается их убивать, и только тогда появились первые обращения немцев в военные комендатуры по различным житейским вопросам.

Г.Х. Попов вносит предложение о том, чтобы Россия извинилась перед Германией за якобы допущенное ею массовое изнасилование немок в Берлине. Г.Х., конечно, большой специалист по подсчету изнасилованных немок, но пусть он вспомнит, с чем немцы пришли в Россию в 1941 году, какие жертвы и страдания перенес наш народ, сколько было изнасилованных и убитых.

Удивительно, что этот господин призывает рассказывать о Великой Отечественной войне всю правду, пасквильно обходя ее, вырывая из контекста или придумывая отдельные, нужные для его целей детали. Это не новый полемический прием, это старый прием клеветника и фальсификатора.

Господин Г.Х. Попов и другие, пытающиеся греть руки на углях своего Отечества, с удовольствием пускаются в рассуждения (анализом это назвать нельзя) о так называемых трофейных делах. Повторять клеветнические

выдумки бессмысленно и невозможно, ибо их появилось много — на любой вкус, кратко расскажу, как было на самом деле.

В Германии с окончанием войны были созданы специальные трофейные команды. В их задачу входило выявление трофеев, их изъятие, охрана и доставка в Советский Союз. Решения об изъятии трофеев принимались коллегиально и строго контролировались. В задачи трофейных команд входил демонтаж некоторого промышленного оборудования, изъятие предметов военного назначения и вооружений, определенных музейных ценностей, вещей других оговоренных в документах категорий.

В каждой трофейной бригаде был отдел «Смерш», следивший за соблюдением законности при выявлении и изъятии трофеев, контролировавший их сохранность и не допускавший разворовывания.

Известные борзописцы указывают, что офицерам продавали без ограничения ковры, сервизы, меха и т.д. Возникает вопрос: кто продавал? Трофейные бригады торговыми операциями не занимались, а других учреждений для этих целей просто не было.

Замечу, что первые полгода после войны на территории Германии вообще не было денег: советские рубли там не ходили, а гитлеровские марки были ликвидированы. Позднее были выпущены оккупационные марки. Первоначально они ничего не стоили, и их фактически не признавали. Многие офицеры со смехом их выбрасывали, поскольку на них ничего нельзя было купить. Немного позднее, в 1946 году, когда в Берлине был открыт сначала один магазин, а потом ресторан, они пожалели о своем «гусарстве». В октябре 1949 года, когда была образована Германская Демократическая Республика, были выпущены полноценные восточногерманские марки, но к этому времени пик трофейных дел остался далеко позади.

Автор утверждает, что всем генералам выдавалось по автомашине, а офицерам по мотоциклу или велосипеду. Жаль, Г.Х. Попов не развил идею и не «выявил», что адмиралам выдавалось по катеру, а сержантскому составу по самокату.

Ничего этого не было и в помине. Конечно, некоторые генералы и офицеры брали в личную собственность доставшиеся им в боях немецкие автомашины и вывозили их в Союз, но оформление документов на глазах товарищей и подчиненных, командования и политработников было... унизительно и совсем не в духе победоносной Советской Армии. Хотя говорить с господами типа Г.Х. Попова о духе, с одной стороны, поздно, с другой — рано, поэтому вернемся к барахлу.

Многие советские военнослужащие, остававшиеся в Германии, никаких трофейных вещей вообще не имели. Никаких немецких сувениров не было и у меня. А в Берлине я был старшим опергруппы «Смерш» по поиску и обнаружению на территории Рейхсканцелярии следов главных военных преступников — Гитлера, Риббентропа, Геббельса и др. Я держал в своих руках личные кителя Гитлера с массивными золотыми фашистскими значками, рыцарские кресты с золотой и бриллиантовой отделкой, личные драгоценные ручки, кожаные папки с вензелями лидеров фашистской Германии, их личные часы, приемники и многое другое. Мне ничего не стоило взять себе несколько этих вещиц. Их цену мы представляли и тогда. Наверное, сегодня я был бы миллионером и делал бы свой вклад в воплощение современной национальной идеи по строительству громоздких помпезных и, как правило, безвкусных «коттэджей». Но система ценностей, сформированная тогда в наших душах, была иной, и ни я, ни мои товарищи ничего не позволили себе взять, не считая двух коробок с витаминами, которые принимал лично Гитлер. Два или три месяца мы пили эти пилюли всем опersоставом отделения.

Еще одна тема не дает покоя ревнителям нашей новейшей истории от «Суворова» до Г.Х. Попова. Эта большая и славная тема связана с именем Г.К. Жукова. Уж очень хочется указанным господам, несмотря на недостаток художественных и фактических средств и, прежде всего, талантов, хотя бы бросить тень на великого Маршала Советского Союза.

В 50-е годы я работал в центральном аппарате 3-го Главного управления контрразведки в качестве начальника отдела. Мы занимались обеспечением госбезопасности Генштаба и Министерства обороны. Ко мне по наследству от В. Абакумова перешли оперативные дела на крупнейших военачальников страны, в том числе трехтомное дело на Г. Жукова. В то время я рассматривал и подписывал постановления об уничтожении «компрометирующих» материалов на известных генералов и маршалов.

Дело на Г. Жукова велось под личным руководством В.С. Абакумова. Он имел личные счеты с Жуковым, относился к нему неприязненно. Надо ли говорить, что властная манера держать себя, без обиняков пытаться вникнуть в любые вопросы, что было свойственно для В. Абакумова послевоенного времени, пришлись не по вкусу Г.К. Жукову, который не считал нужным ни выставлять напоказ, ни скрывать своих отношений к людям. В достаточно резкой форме

Г. Жуков указал В. Абакумову его место в период пребывания в ГСОВГ, чем заслужил ревнивое нерасположение последнего. Поэтому говорить об объективности В. Абакумова по руководству оперативным делом Г. Жукова не приходится. Тем более что В. Абакумов почувствовал настороженное отношение И. Сталина к Г. Жукову, особенно обострившееся после известных встреч Г. Жукова с Д. Эйзенхауэром, тогда еще американским командующим.

Просматривая оперативное дело на Г. Жукова, ощущалась явная субъективная тенденция, характерная для

оперработников, работавших над сбором любых «компрометирующих» материалов. В деле было большое количество копий протоколов допросов и бесед с самыми разными людьми — от крупных военачальников до шоферов, охранников, поваров. В постановке вопросов и ведении дел чувствовалось желание получить на Г. Жукова «серьезный» материал.

Но ничего этого в протоколах не оказалось. Эпизоды, житейские мелочи, говорившие о жестком и требовательном характере Г. Жукова, требовательном прежде всего к себе, но это было хорошо известно и ранее. Много раз отмечалась жесткость Г. Жукова в отношении нерадивых подчиненных и его смелость при обсуждении военных вопросов с И. Сталиным.

Летом 1946 года, после снятия с должности Главнокомандующего Сухопутными войсками и назначения командующим войсками Одесского военного округа, Г. Жуков решительными действиями навел порядок в Одессе, где в то время царили уголовный произвол и бандитизм. В армии плохо решался квартирный вопрос. В короткие сроки Одесса была избавлена от бандитов, резко снизилось число грабежей и краж. Большинство нуждающихся в жилье офицеров получили квартиры.

То, что Г. Жуков провел эти дела быстро и решительно, не понравилось местным чиновникам, и они направили И. Сталину и в Политбюро несколько бумаг: Г. Жуков-де не считается с местными органами и якобы стремится возвеличить свою личность. Последний тезис о возвеличивании личности повторяется постоянно в самых разных документах. Так недоброжелатели трактовали исключительную любовь к Г. Жукову со стороны народа, и прежде всего со стороны военных. Отношение к нему в войсках действительно было восторженным, и, думаю, он мог бы достичь любой цели, если бы ставил ее для себя.

Через полтора года Г. Жуков был направлен в Свердловск командующим войсками Уральского военного округа.

В деле были справки о там, что при появлении Г. Жукова с женой в местном театре зрители, увидев его, устраивали овацию на 10—15 минут, прерывавшуюся криками: «Ура Жукову! Слава!» Теперь уже свердловские власти докладывали в Москву, что Г. Жуков стремится создать культ своей личности, раскланивается с публикой и «не делает жестов, направленных на прекращение аплодисментов в его адрес» (?!).

Из материалов дела было видно, что Г. Жуков вел себя достойно: сдержанно и скромно. Нередко общался с местным населением, часто выезжал на небольшие, в пять—семь человек, охоты. Никаких обид по поводу понижения его в должности не высказывал, не допускал, как ни хотели того услышать, и критических замечаний в адрес И. Сталина.

Тогда дело дошло до того, что в отсутствие Г. Жукова и членов его семьи на его даче был произведен обыск, о результатах которого, под грифами «Особой важности» и «Совершенно секретно», В. Абакумовым был представлен отчет на имя И. Сталина.

В документе приведен огромный перечень вещей, которые якобы были обнаружены на даче, причем многократно подчеркивалось, что все они немецкие. Для меня совершенно ясно, что В. Абакумов, подписывая этот документ, понимал, что приведенного им перечня никто проверять не будет. Туда можно было вносить все что угодно. Учитывая личные неприязненные отношения с Г. Жуковым, ясно, что В. Абакумов хотел этой бумагой вызвать гнев И. Сталина, а последствия его гнева известны.

В докладе, в частности, приводятся сведения о хранении чуть ли не полутысячи различных ценных мехов и шкурок. Зачем, спрашивается, держать такое количе-

ство, ведь не спекулировать же ими намеревался Г. Жуков. Держать же такое количество на даче абсурдно: шкурки сохнут, портятся, требуют для длительного хранения особой температуры и влажности. Находившиеся в деле фотографии комнат и уголков дачи никак не соответствуют тому, что написано в документе.

Заканчивается отчет словами, что создается впечатление, что дача находится не под Москвой, а где-то в пригородах Берлина. По-видимому, ощутив антикосмополитические настроения на самых верхах, В. Абакумов старался их хоть как-то развить в «деле Жукова».

Бойкий Г.Х. Попов тут же бросает обвинение своей статьей, что у Г. Жукова не было ни одной советской книги. И вновь это грубая и провокационная ложь. По воспоминаниям людей, знавших Г. Жукова лично, он любил читать и имел хорошую библиотеку русской и советской классики.

Наверное, на даче Г. Жукова были некоторые трофейные вещи, но и близко не в таком количестве, как указано в документе. Если эти ценности сравнивать с теми, что «непосильным трудом» «заработали» нынешние и бывшие правители «демократической России» (Горбачев, Ельцин, Гайдар, Козырев, да и сам «ученый» Г.Х. Попов), то маршал победы Г. Жуков на их фоне выглядит просто бедняком. Хотя то, что у него имелось на даче, он заслужил своим великим ратным трудом на благо Родины, а указанные выше лица — развалом Родины и неправедными, незаконными путями.

Тот же неутомимый автор нашел, что Г. Жуков привез себе из Германии семь вагонов мебели, произведенной по его заказу немецкой мебельной фабрикой. Даже ребенку ясно, что разместить семь вагонов на одной даче невозможно. Нужен склад или дача, как у Г.Х. Попова.

Тут же возникает вопрос: «На какой мебельной фабрике был выполнен заказ? Ведь все немецкие предприятия к концу войны были демонтированы». Хорошо

известно, что в первый период оккупации Германии ее промышленность практически не функционировала.

Тут утомленного разоблачениями автора наконец-то тронула ностальгия, и он, почти всхлипывая, вопрошает нас с вами, можно ли представить себе возвращающегося из заграничного подхода генерал-фельдмаршала М. Кутузова с обозом личных трофеев и барахла для себя, для родных и друзей. Конечно же, нельзя, и сразу по двум причинам. Во-первых, во времена Кутузова не было Г.Х. Поповых, а во-вторых, потому, что в заграничном походе Михаил Илларионович и скончался. Видимо, это неизвестно Г.Х. Попову, мнящему, однако, себя большим ученым.

Оперативное дело на Г. Жукова было у меня в период, когда он являлся министром обороны и входил в состав Политбюро ЦК КПСС.

Ввиду явной пустоты, надуманности и несостоятельности «дела» я неоднократно ставил вопрос о его уничтожении. Но И. Серов все время откладывал этот вопрос. В конце концов я настоял на своем, и материалы дела были лично уничтожены мною в присутствии начальника секретариата 3-го Главного управления контрразведки КГБ СССР полковника Г. Градосельского. Но перед этим из дела были изъяты все документы, имеющие историческое значение. В частности, был изъят документ, подписанный лично И. Сталиным, о том, что Г. Жуков уполномочивается принять капитуляцию немецко-фашистских войск и с советской стороны подписать акт о капитуляции. Из дела были также изъяты несколько фотоальбомов с большим количеством ценных фотографий.

Клевета Г.Х. не могла не коснуться другого гения русской и советской военной мысли — Маршала Советского Союза К. Рокоссовского.

От Г.Х. Попова мы узнали, что строительство своей дачи он произвел силами искусных, но бесправных немецких военнопленных... Свидетельствую, что в материалах, которые я лично держал в руках, была справка с указанием, что по личному распоряжению И. Сталина К. Рокоссовскому была построена дача и передана ему в бессрочное пользование. Аналогичная справка касалась дачи Главного маршала артиллерии Воронова. Там же находились фотографии дачи. Эти скромные бревенчатые дачи отличались от сооружений новых русских и притязательностью, и удобствами, и размерами, но превосходили их архитектурным вкусом.

Посыпая голову пеплом и стеная, Г.Х. перечисляет все то, что мы вывезли из Германии в порядке репараций. Что ж, в этом чувствуется натура подлинного «демократа» и перестройщика.

Куда было бы полезнее, если бы Г.Х. Попов перечислил хотя бы часть того, что немцы вывезли из нашей страны и какой ущерб нанесли экономике.

С той же полуистеричной нотой поминает Г.Х. немецких военнопленных. По его «просвещенному мнению», их не надо было держать в Советском Союзе, а, кратко напутствовав и пожурив, отпустить домой.

Литературные задачи этого «эссеиста» с характерными для русского языка инициалами Г и Х предельно ясны: скомпрометировать русский народ, Красную Армию, унизить наших военнослужащих, бросить тень на Г.К. Жукова и других стратегов победы. Провокационные и лживые от начала и до конца, они слишком смешны, чтобы быть действительно вредными. Удивительно только, что при всей своей антироссийской направленности (что там антисоветской) печатаются они в газетах, издающихся российскими организациями и раскупаемых российскими гражданами!

Ложь и клевета в фильме «Штрафбат»

С негодованием и возмущением просмотрел фильм «Штрафбат».

Фильм, насыщенный предательским духом ельцинских времен, бросает тень на героическую Красную Армию, на ее Великую Победу.

Как кадровый военный, я прошел войну с ее первого дня, участвовал в обороне трех городов-героев — Одессы, Керчи и Сталинграда. Закончил войну в Берлине, видел, как Кейтель подписал капитуляцию Германии. Наверное, я могу утверждать, что имею лучшее представление о том, как воевали наши войска и каким образом добились победы, чем авторы этого фильма.

Видел я, как комплектовались и воевали штрафбаты и штрафроты.

Несколько слов об истории их создания.

После тяжелых поражений Красной Армии на Крымском и Юго-Западном фронте, когда наши потери превысили четверть миллиона человек, был издан известный приказ № 227. Этот приказ был подписан в самое тяжелое для нашей страны время, его строки сложены на высокой трагической ноте, где чувствуется рука самого Сталина, в нем заложены новые черты непобедимой в скором времени Красной Армии.

Он начинается словами: «Враг бросает на фронт все новые силы... рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами... Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезно-

го сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором».

Далее указывается, что мы потеряли Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтийские республики, многие области России.

Подчеркивается, что если и далее дела будут обстоять таким образом, то мы потеряем Советскую власть.

Вот почему было приказано: «Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв...» Вместе с тем, наряду с призывами об усилении порядка и установлении «железной дисциплины», было приказано беспощадно карать трусов и паникеров, сформировать штрафбаты, заградотряды и штрафроты.

Штрафные батальоны формировались из «средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» и находились в распоряжении командования фронтом, они направлялись на самые тяжелые участки фронта. Штрафные роты формировались при армиях, из «рядовых бойцов и младших командиров».

Направленных в штрафбат военнослужащих на время лишали воинского звания, отбирали ордена, и они действовали как обычные рядовые солдаты. В случае, если штрафник в ходе боя был ранен или проявил геройство, ему возвращали его воинское звание и ордена и отправляли служить в обычную воинскую часть. Командовали батальонами и его подразделениями действующие боевые офицеры.

При батальоне были оперуполномоченный особого отдела и политработник. Таково было штатное положение штрафбата.

Что же мы видим в фильме? «Мастера видеоряда» начинают фильм с того, что наши солдаты дружно бросают оружие и сдаются в плен немцам. Такое начало и

стало главным лейтмотивом всего фильма. Вот это подход! Вот это подарок ветеранам к 60-летию Победы!

Почему бы не начать фильм с того, что показать тысячи и тысячи немцев, румын, итальянцев, сдающихся в плен под Сталинградом.

Или показать громадную колонну немецких солдат, офицеров и генералов, прошедших по Москве в июле 1944 после их пленения в Белорусской операции. Почему, наконец, не показать сдачу в плен остатков войск Берлинского военного гарнизона 2 мая 1945 года.

Мне, кстати, по приглашению командующего 5-й ударной армией генерал-полковника Н.Э. Берзарина посчастливилось участвовать в этой процедуре. Это было незабываемое зрелище. Грудь распирала гордость за наш народ, за нашу боевую мощь и героическую армию.

Такое начало было бы прекрасным введением к картине, посвященной 60-летию Победы. Но, увы, при такой трактовке не получишь зарубежных призов, не найдешь богатенького продюсера. Но, простите, с «призами» я погорячился — самыми изощренными «трактовками» не скрыть банальной надуманности, откровенной халтуры.

В фильме штрафбат формируется из уголовников. Этого никогда не было и быть не могло по сути приказа № 227. Это принципиальный и сознательный, очевидный и грубый «ляп».

Штрафбат все время действует в составе одной и той же дивизии, являясь как бы ее составной частью. Этого также быть не могло — достаточно просто прочитать приказ.

Командование и офицеры дивизии действуют в погонах, хотя, как известно, в 1942 году никаких погон еще не было.

Уголовники «штрафбата» представлены в виде какой-то разудалой банды, одетой в расхристанную форму, ничего не смыслящей ни в ведении боевых дей-

ствий, ни в военной подготовке. Этот «штрафбат» навеян не то Попандопуло и К° из «Свадьбы в Малиновке», не то «вольной армией» батьки Бурнаша из «Неуловимых мстителей». Главное отличие в том, что те фильмы сыграны и сняты мастерами.

Командир штрафбата, по «творческому замыслу» авторов, назначается из самих штрафников. Это смешно и противоречит всем воинским уставам.

Людей бросают в бой неподготовленными, без применения артиллерии и танков, тактическими приемами ведения боя они не владеют (об этом, о тактических приемах, по всей видимости, не знают и авторы фильма), поэтому они бессмысленно гибнут, идя куда-то (в атаку?) общей толпой.

В штрафбате действует священнослужитель, ведущий религиозную пропаганду, благословляющий и увещевающий солдат. Никаких священников в частях Красной Армии не было и быть не могло. Авторы перепутали Красную и царскую армии.

О политработниках, которые особенно в условиях штрафбатов были весьма активны, полезны и эффективны, не упоминается вовсе. Очевидно, это выходит за рамки куцей сверхзадачи, поставленной заказчиками-продюсерами.

Дальше — больше. Штрафники направляются в разведку через линию фронта для захвата «языка». Такого также никогда не было и быть не могло. Разведку в действующей армии вели специально созданные и подготовленные разведгруппы из числа самых смелых и проверенных военнослужащих.

В фильме же штрафники идут в разведку как к теще на блины.

Нет никаких характерных для этого события и всегда присутствующих деталей. Захватив пленного, наши веселящиеся штрафники-актеры вместо допроса обыгры-

вают его в карты. Зачем брали «языка» — неясно. Это, по всей видимости, юмор нового русского кино.

Захватив какой-то населенный пункт, командование на три дня отдает его в руки штрафников. Они там бесчинствуют, насилуют, воруют. Это что? Сцены из рыцарских времен? Отнюдь. Это уже типичная клевета, провокационная ложь в адрес непобедимой и легендарной Советской Армии.

После просмотра картины создается впечатление, что только штрафники и воевали на фронте, что не было ни артиллеристов, ни танкистов, ни летчиков. Ведь большинство военных действий в Великой Отечественной войне было обдумано, просчитано, тщательнейшим образом подготовлено. Героизм и самоотверженность личного состава, помноженные на талант и усилия командования, и принесли Великую Победу, по поводу которой то ли сокрушаются, то ли пытаются острить, то ли зарабатывать создатели фильма. Но в природе и искусстве все гармонично: для великой цели находятся ярчайшие выразительные средства, а для пасквиля — лишь бледные брызжущие чернила.

В фильме начальник особого отдела дивизии (куда ж без него в данной «трактовке») подменяет командира. Так, командир дает распоряжение разминировать участок фронта, где планируется наступление штрафбата, а «особист» отменяет приказ. Штрафбат идет в наступление по заминированному полю, и гибнут многие люди.

Надо ли комментировать этот пассаж? Похоже, что авторы фильма знают об армии только из произведений Войновича.

Перед боем солдат штрафбата поят водкой. Это измышление.

Как правило, 100 грамм водки давали личному составу на переднем крае раз в сутки, в вечернее или ночное время. Давали всем желающим, но не штрафникам.

Не будет преувеличением сказать, что весь фильм состоит из нанизанных друг на друга измышлений и провокаций. Смотреть эту «картину» тяжело и противно. Ее авторы сознательно, враждебно и злонамеренно искажают действительность, маскируя свои замыслы глубоким невежеством. А замысел здесь очевиден — принизить значение Великой Победы, унизить ее творцов, бросить камень в память великого государства.

Удивляет и то обстоятельство, что фильм был показан по государственному каналу телевидения. Выходит, что государство санкционировало ложь и клевету в названном фильме. А где же постоянные заявления наших руководителей, что надо говорить правду и только правду?

Недавно по телевидению был показан очередной перл — художественный фильм «Смерть шпионам». И вновь там возводится клевета на особые отделы в войсках в период их деятельности во время Великой Отечественной войны.

В частности, майор-особист показан безнадежным пьяницей, который постоянно пьет и в пьяном виде даже появляется перед личным составом. Действия по розыску заброшенных парашютистов даже отдаленно не напоминают мероприятий, проводимых особыми отделами в подобных случаях.

Порой фильм скатывается в какую-то фантастико-мистическую область. Картина далека от цельного произведения, искусственна, наивна и вредна по сути. Под стать работе режиссера и актерские упражнения. Никто из актеров и не пытается играть. За редким исключением это, на мой взгляд, касается большинства современных картин. Достаточно равнодушно они изображают перед камерами самих себя. Или это новая трактовка системы Станиславского, или, скорее всего, халтура. У всех одинаковое и равнодушное выражение глаз. Нет, ребята, не было таких глаз у воинов Красной Армии,

хотя и видели они гораздо меньше вашего, но смотрели на жизнь честно и смело, уверенные в своих знаниях, силах, предназначении. Они не были приучены брать, но сполна отдавали свой труд, таланты, а порой и молодые жизни за Родину.

Также не совсем понятно, почему для съемок фильма не были привлечены консультанты из Министерства обороны и ответственные работники «Смерш»? Наверное, потому, что они не позволили бы глумиться над историей Великой Отечественной войны.

Народ ждет правдивых фильмов о войне, а не фальшивых поделок, принижающих роль Советской Армии и органов «Смерш» в достижении Великой Победы, где особист в «форме НКВД» ходит в яркой фуражке, с большой, нарочито увеличенной эмблемой «НКВД» на рукаве. В фильме особист сознательно показан как своего рода «вредный элемент», пугало для личного состава, да и для зрителей тоже.

Фильмы подобного типа примитивны по сути, вредны по своему воспитательному значению и убоги по содержанию. За каждым кадром видны ослиные уши тех, по чьему заказу и сделан названный фильм.

Содержание

Достойный пример служения Отечеству 5
Образование и задачи «Смерш» 18
Тамбовские корни 44
Годы учебы в Москве 50
На Западной Украине 56
Вставай, страна огромная 62
Оборона Одессы 71
Керченская трагедия 88
Сталинград 113
На Кишиневском направлении 146
На Варшавском направлении 164
Германия. В поверженном Берлине 178
Работа в Управлении Особых отделов Группы советских оккупационных войск в Германии 203
Работа в центральном аппарате МВД—КГБ 216
Учения на Тоцком полигоне 233
В Прибалтике 240
Служба в Венгрии 246
В Киеве 266
В Особом отделе по Московскому военному округу 272
В отставке 282
Слово к контрразведчикам 293
Послесловие 298
Приложение 299

Леонид Иванов

ПРАВДА О «СМЕРШ»

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Л. Субботина*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 30.12.2008.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Европа». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл печ. л. 16,8.
Тираж 5 000 экз. Зак. № 5448

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г Тверь, пр-т Ленина, 5
Телефон (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Home page - www tverpk ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

СМЕРТЬ ШПИОНАМ!

ПРАВДА О «СМЕРШ»

Судьба автора этой книги уникальна. В 1939 году, окончив с отличием школу НКВД, младший лейтенант госбезопасности Иванов был направлен на Западную Украину, где лично участвовал в задержаниях и перестрелках с местными националистами – «оуновцами». Будучи кадровым военным контрразведчиком, прошел всю Великую Отечественную войну с первой и до последней минуты – первый бой принял на рассвете 22 июня 1941 года на советско-румынской границе. Участвовал в обороне Одессы и знаменитом Керченско-Феодосийском десанте, чудом выжил в страшные дни Керченской катастрофы (и беспощадно-правдиво рассказал об этом в своих мемуарах). Прошел путь от оперуполномоченного стрелкового батальона до начальника отделения контрразведки «Смерш» 5-й ударной армии. Сталинградская битва и Яссо-Кишиневская операция, Варшава и Берлин, две тяжелые контузии, 9 боевых орденов, более 30 разоблаченных агентов Абвера (10 силовых задержаний провел в одиночку). В победном мае 1945-го майор Иванов участвовал в обеспечении по линии «Смерш» процедуры подписания Акта о капитуляции фашистской Германии...

Обо всем этом Леонид Георгиевич подробно рассказал в своей книге.

Вся правда о работе «Смерш» в годы Великой Отечественной войны! Уникальные мемуары ветерана военной контрразведки! Откровенные воспоминания о пережитом и отповедь клеветникам, пытающимся очернить советскую историю!

ЯУЗА
ЭКСМО

ISBN 978-5-699-32742-3